

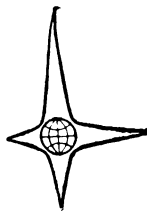
бандагал

бандагал

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»**

бандагал

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Перевод с итальянского Л. Вершинина

Составитель Я. Лесюк

Предисловие Е. Парнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР», МОСКВА, 1970

И. (Итал.)
Б 23

- Б 23** *Бандагал. Сборник науч.-фантаст. рассказов. Пер. с итал. Л. Вершинина. Сост. Я. Лесюк. Предисл. Е. Парнова. М., «Мир», 1970.*
392 стр. (сер. «Зарубежная фантастика»)

В новом сборнике научно-фантастических рассказов итальянских писателей помимо произведений известных советскому читателю фантастов Ринонаполи, Альдани и Сандрелли публикуются рассказы Музы, Туроне, Мильеруоло, Педериали и др. В сборнике помещены рассказы, авторы которых не только стараются предугадать будущее, но наряду с этим обнажают острые противоречия современного капиталистического мира. Большое место занимают также юмористические рассказы.

Индекс 7-3-4
166-70

И. (Итал.)

Редакция научно-фантастической и научно-популярной литературы

ВОЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ К «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»

Так я сошел, покинув круг начальный,
Вниз во второй; он менее, чем тот,
Но больших мук в нем слышен стон печальный.
Здесь ждет Минос, оскалив страшный рот;
Допрос и суд свершает у порога
И взмахами хвоста на муку шлет.

Это начальные строфы пятой песни «Ада». Кончается же песнь, как известно, тем, что Данте теряет сознание от сочувствия к людям и собственного бессилия. Гениальный флорентинец встретил души тех несчастных, кого обрекла на вечные муки грешная земная любовь. Прославленные сладострастники и великие блудницы предстали перед ним в туманной стонущей мгле. Там же витали и несчастные любовники Паоло и Франческа. И, право, Данте не очень старался уверить нас в том, что бог справедлив к обитателям ада.

Таким образом, ревизия основ миропорядка наметилась достаточно давно, свыше четырех столетий назад. И это не удивительно. Чтобы оставаться последовательным, Ренессансу необходимо было внести гуманность даже в ад.

Благое начало было положено. С тех пор ад эволюционировал. Чтобы убедиться в этом, нам достаточно взглянуть на вечных узников подземной тюрьмы синьора Сатаны глазами другого итальянца — нашего современника. Но прежде, благосклонный читатель, заключим добровольный договор. Нисхождение в ад — дело нешуточное, и всякие недомолвки и недоразумения здесь просто неуместны. Итак, о чем предстоит нам договориться? Прежде всего

прошу поверить мне на слово, что этот сборник итальянской фантастики представляет собой дальнейшую разработку первой части «Божественной комедии», или, говоря иными словами, рассказы, которые вы собираетесь прочитать, повествуют о разных кругах и рвах ада. Разумеется, далее я постараюсь аргументировать это утверждение.

Вот, собственно, первый и основной пункт нашего договора. Если он приемлем для вас, то я могу лишь вслед за автором «Мастера и Маргариты» сказать: «За мной, читатель»...

Впрочем, нет, не за мной, моя очередь наступит несколько позднее. А сейчас нашим проводником, нашим Вергилием, будет синьор Фауст, ибо в ад мы войдем через жерло «Рекламной кампании» (Серджо Туроне, «Рекламная кампания»).

О великий двадцатый век! Мы входим в комфортабельный лифт без кнопочного пульта, двери бесшумно смыкаются, и кабина, все, очевидно, знают и без нас, начинает опускаться. Стремительно, но без всяких вредных физиологических эффектов. Когда двери раскроются, мы будем уже в аду.

Запах магнолий и разогретых на солнце пиний. Песчаные пляжи и красные скалы в лазурной воде. Яхты и морские велосипеды. Пестрые тенты и загорелые девушки в ярких бикини. Наверное, есть также фешенебельные рестораны, прохладные бары, где подают «джин энд тоник» со льдом, казино...

И это ад?

А за что, собственно, скажите, терзать эти великолепные... души, что толпятся у входа в дамский солярий, или, скажем, вот эту носатую душу с такой земной, такой саркастической улыбкой на тонких и длинных губах?

— Бонжур, мосье Вольтер!

Да, это он, он самый. И заметьте: местная администра-

ция своим умом дошла до истины, что такого человека просто не за что обречь на вечные муки. Что он сделал плохого в своей жизни, кроме того, что писал книги? Но книги до сих пор печатаются и расходятся, значит, они не так уж плохи, а если мосье Вольтер и позволял себе нечто вроде атеизма, то, простите, почему ад должен видеть в том смертный грех? Логично, не правда ли? Даже если допустить, что синьор Сатана не сам дошел до столь просвещенного образа мыслей, а лишь снял тот урожай, который принесло сочувствие Данте, то и здесь мы должны констатировать большой прогресс. Во времена войн гибеллинов и гвельфов только для древнегреческих мудрецов ад допускал известные послабления. Не виноваты же эти достойные люди, что родились и умерли до рождения Христа, а потому и не исповедовали истинного бога! Ад времен Серджи Туроне продвинулся еще дальше. И если небеса в своем закоснелом консерватизме все еще обрекали на вечные муки не только убийц и предателей, но и философов, поэтов, кинорежиссеров и даже пылких любовников, то ад смотрел на все это гораздо шире. Он научился терпимости, привык к снисходительности. Отсюда и коренная перестройка, реконструкция ландшафта, смена, так сказать, интерьера. И не удивляйтесь поэтому, читатель, что четвертый ров второго круга больше похож на Капри или Биарриц, чем на... ад.

Итак, остается признать, что все эти перемены к лучшему не так уж неожиданны. Скорее, напротив, они логичны и закономерны. А если так, то вполне понятно и стремление местной администрации к хорошей рекламе. Здесь-то мы и подходим к основной пружине фабулы рассказа «Рекламная кампания».

Аду понадобился специалист по рекламе, чтобы общественное мнение могло расстаться наконец с вековыми пред-

рассудками по поводу этого великолепного социального, скажем так, института.

Как мы узнаем далее из другого рассказа Туроне «Необычный ангел», сходные проблемы стоят и перед райской канцелярией. В царстве абсолюта тоже обеспокоены резким снижением собственной популярности. Еще бы! Чего стоит конкуренция с адом? А тут еще эта затея с рекламой...

Впрочем, почему бы специалисту своего дела и не послужить на благо аду? Разве не рекламировали консервированное молоко, от которого в первый же день умерло 75 младенцев (это в рассказе), и средство для обезболивания родов, сделавшее несчастными тысячи семей (это, к сожалению, происходит на наших глазах)? Разве в той же Италии не раскрылась скандальная афера с маргарином, в котором не было ни грана животного масла? Или взять недавний скандал неподалеку от Италии — в Греции, где отлично наладили сбыт вина, целиком сработанного из химикалий?

Поэтому адский юрисконсульт синьор Фауст отправляется в краткосрочную командировку наверх. Просто ему нужен специалист; конечно, если учитывать специфику работы, он не должен быть ни слишком набожным, ни чересчур симпатичным.

Естественно, что за хорошее (чек на \$ 1 000 000) вознаграждение Джон Турриззи берет это дело на себя. По-своему он порядочный человек. Лучше делать рекламу для ада, чем для мафии. «Мафия — это правосудие на дому»... Нет, это слишком дурно пахнет, лучше работать на фирму «Сатана, Вельзевул энд К^о». Тем более что Джон берет за это не ради денег! Он даже не предъявит чек к оплате. Ведь щедрый синьор Фауст вручил ему еще и вечную путевку на пребывание... в аду. Да, именно там, где мы были: пинии, солярий, виллы на берегу залива, казино.

С чего же начинается свою деятельность король рекламы?

Кажется, он подает жалобу на мафию, которая уже дала предупредительную автоматную очередь по фасаду здания его фирмы... Что он делает?! Неужели не знает, что мафия (и в рассказе, и в жизни) не любит шутить? Очевидно, знает... Да, он знает, на что идет. Подав жалобу, он садится на скамейку в парке и с тихой улыбкой ждет, когда наконец жакан из люпары разворотит ему затылок. Человек, которого ожидает четвертый ров второго круга, спешит досрочно покинуть ад на поверхности Земли!

Правда, он, кажется, нарушает условия сделки и точку обманывает синьора Фауста, но чек-то оказывается непредъявленным, да и ад давным-давно стал человеческим и снисходительным.

Вот мы и расстались с нашим первым проводником. С вашего согласия теперь эту роль я возьму на себя. Хочу лишь обратить внимание на то, что если герой «Рекламной кампании» предпочитает адские, теперь мы можем так говорить, кущи безумному миру, в котором живет, мир этот для него хуже ада. В остальных рассказах сборника и пойдет речь как раз об этом самом мире.

Был грозен срыв, откуда надо было
Спускаться вниз, и зрелище являл,
Которое любого бы смутило.

Так начинается двенадцатая песнь, так начинается спуск в седьмой круг, где Данте встретил разбойников и убийц.

Вряд ли можно было удивить средневекового горожанина каким-нибудь новшеством по части умерщвления своих ближних. Яд нередко оказывался самым решающим аргументом в династических спорах, на площадях сжигали еретиков, в подземных тюрьмах пускали в дело арсеналы костодробильных орудий, а уж о войнах и говорить нечего.

Тут разбой и убийство истари считались богоугодным делом. В этом смысле новое время отличается от минувших эпох лишь более широкими масштабами истребления.

И все же даже кошмарная фантазия Данте не сумела спуститься в такие иррациональные бездны, где таились до срока ростки явления, которое нашему веку суждено было назвать индустрией смерти. Что мрачная география ада с его поясами и рвами по сравнению с дорогой от подъездного пути к газовой камере? И что классическая надпись «Оставь надежду всяк сюда входящий» рядом с лозунгами у лагерных ворот: «Труд освобождает» и «Каждому свое»?

Герра Моргентойфеля («Украденная душа» Серджо Туроне) одолевают кошмары. Этот здоровый и благополучный пекарь из нейтральной и сытой страны никого еще не убил. А если он и восприимчив слегка к злокачественному вирусу расизма, то разве обязательно должны сбыться его ужасные сны, в которых он предстает перед судом как убийца сотен тысяч людей? Что? Он убивал по приказу? Но ведь так говорят все убийцы! Все, кто ходил когда-то в черной форме, кто носил на околышке серебряный череп, у кого на петлице были нашиты две рунические буквы «С». И те, кто надевал судейские мантии, так говорят. И те, кто всегда ходил в штатских костюмах и убивал только на бумаге, так говорят. А химики из «ИГ — Фарбениндустри», наполнявшие жестянки сиреневыми кристаллами «Циклона-В», и теплотехники из фирмы «Топф и сыновья», сложившие печи для крематориев, так те вообще говорят, что никого не убивали, а просто исполняли приказ.

Неужели все так плохо обстоит с герром Моргентойфелем? Неужели в соответствующих обстоятельствах он тоже способен... Но зачем ждать этих обстоятельств? Не лучше ли, как это делает Серджо Туроне, воссоздать их в микро-

скопических масштабах? Вы спросите, зачем? А затем, чтобы знать, какие процессы незримо для мира протекают в подсознании (пока еще в подсознании!) моргентойфелей. Кстати о фамилиях. Они не случайны. Моргентойфель и Гольдентойфель! Вряд ли в маленьком рассказе возможно такое совпадение. По-немецки «тойфель» — это черт, дьявол. Пусть этот черт сегодня занимается хлебопечением, но если вдруг какой-нибудь новый фюрер преподнесет ему черный мундир... Так пусть потенциальный людоед проявит себя заурядным убийцей. Конечно, это не выход из положения. Но что же делать, если буржуазная социология и буржуазная фемида ищут корни зла не в расистском комплексе, который созревает в подсознании «благонамеренных» граждан, а скажем, в преступных наклонностях иностранных рабочих.

Понимаете теперь, почему наше путешествие подобно прогулке, описанной в первой части «Божественной комедии»? Впрочем, это можно доказать и на других примерах. Пока же, уверенный в полном праве своем, я повторяю первые строфы третьей песни:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.

За мной, читатель! Пусть тот же лифт переместит нас в город безумцев. Он накален ненавистью. И ненависть эта наложила неповторимый отпечаток на всю его жизнь. Социальное лицо человека определяется там числом пробоин в черном яблочке мишени, вес в обществе зависит от количества повешенных негров. Город готовится к убийству федерального президента. Готовятся полиция и детективы, охрана и судебные власти. Имя будущего убийцы, имя этого потенциального героя нации у всех на устах. Только сам президент ничего не знает, только его супруга

думает о туалете, в котором появится на приеме у губернатора штата. Но приема не будет. До секунды рассчитан путь торжественного кортежа. Каждому полицейскому в деталях известна вся операция и его роль в ней. У перекрестка, где должна остановиться президентская машина, уже установлены камеры цветного телевидения, а одна из них нацелена на то самое окно шестого этажа, откуда будут сделаны три выстрела. Только три! Все расписано как по нотам. Известно, какой полицейский арестует убийцу и где это произойдет, подготовлен и человек, которому надлежит совершить на этого убийцу покушение...

Но что это? Памфлет на недавние события в Далласе, ужаснувшие, без преувеличения, весь мир? Или очередная версия этих событий? Но зачем тогда гротескная сцена, в которой полиция торжественно вручает будущему убийце винтовку с оптическим прицелом? Зачем несколько преувеличенная картина города, настолько забитого автомобилями, что заполненные стоянки сделались неотъемлемой принадлежностью улиц, по которым ходят только пешком? И почему, наконец, этот рассказ считается фантастическим, когда ничего фантастического в нем нет? Это же почти документальная реальность, отраженная в кривоватом и слегка увеличивающем зеркале!

Все эти вопросы я оставляю без ответа или, вернее, на все даю один-единственный ответ: мы в аду. Ад всегда был отражением действительности. Посмотрите, к примеру, кого поселил в седьмом круге Данте. Говорят ли нам хоть что-нибудь такие имена, как Гвидо Гверро, Теггячо Альдобранди или Растикуччи? Для Данте же поместить в пекло их было куда важнее, чем даже Брута или Кассия. Каждый писатель имеет полное право отправить в ад тех своих современников, которые, по его мнению, этого достойны. Запомните эту заповедь, благосклонный читатель, она, быть может, еще пригодится на нашем печальном

пути. Пока же покинем тот круг и тот пояс, где по воле Уго Малагути и Луиджи Кюцци готовятся к убийству под кодовым названием «Стрельба по живой мишени». Легко и просто было Данте сортировать грехи по поясам да по кругам, словно речь идет о театре, где каждому месту своя цена в зависимости от расстояния до сцены. Это было данью философским воззрениям времени, когда количество и качество не рассматривались в их диалектической взаимосвязи.

Там же, куда уносит нас лифт, все поставлено с ног на голову, словно ад перестал уже быть, как только что говорилось, зеркалом кривым и слегка увеличивающим, а превратился в чудовищный рефлектор, переворачивающий изображение по законам линейной оптики.

И не говорите мне, что вам это непривычно! Возьмите «451° по Фаренгейту» Бредбери. Чем занимаются пожарные в этом аду? Жгут книги, а вовсе не тушат пожары, как это водится с древнейших времен. Жгут, а не гасят! Все, таким образом, поставлено вверх ногами. Символом такого обращения привычных координат стало число — 451 градус по Фаренгейту, температура, при которой воспламеняется бумага.

А вот другое число — тридцать семь градусов по Цельсию. Это, как известно, верхний предел нормальной температуры человеческого тела. В привычном, разумеется, нормальном мире. В адском же рефлекторе это число становится символом насилия. На сей раз оно олицетворяет новую, чудовищную форму порабощения — эскулапократию.

Человечество знало власть избранных, наделенных глубой кровью патрициев — аристократию, знало власть народа — демократию, тиранию солдафонов — марсократию, гнет денежного мешка — плутократию, правление жрецов — теократию и правление грязных политических

проходимцев — порнократию. На счету истории также великое множество всевозможных эклектических сочетаний этих исходных форм, разного рода диктатур и олигархий. Но власти эскулапов — врачей она еще не знала.

Посмотрим, как протекает это в аду. Конечно, Лино Альдани всерьез уверен, что его ВМО — Всеобщее медицинское объединение — может стать бичом человечества:

...Три круга, меньше тех, что ты видал.
Во всех толпятся проклятые тени;
Чтобы потом лишь посмотреть на них,
Узнай их грех и образ их мучений.

(Песнь одиннадцатая)

Надеюсь, вы уже поняли, что ничего подобного не будет там, куда все глубже вниз уносит нас лифт?

Обычный город. У людей есть работа и дом, привязанности и развлечения, отдых, досуг и политические права.

Чем же озабочены здешние люди, отчего они так нахмурены, словно боятся все время что-то забыть, упустить что-то важное? Ощупывают то и дело свои карманы, испуганно озираясь, хлопают себя по животу. Пассажиры задыхаются в автобусе от жары, но не смеют опустить стекло. Станный все-таки народ. Чего они боятся? Сколько мы с вами ни ходили, даже полицейского не встретили.

Оказывается, все, что запрещали нам в детстве бдительные матери, стократ запретно в этой стране. Нельзя гулять вечером в саду (психрометр показывает повышенную влажность), нельзя поваляться на травке, выпить на ночь чашку крепкого кофе, выкурить лишнюю сигарету, опрокинуть еще одну рюмочку коньяку. Нельзя, нельзя...

Нет, благосклонный читатель, это совсем не смешно. Суть в том, что обязательства гражданина перед ВМО сугубо добровольны и в любой момент могут быть аннулированы. Да, суть в том, что система здравоохранения в своем

стремлении соблюсти законы дошла до абсурда. Один из героев рассказа говорит, что методы, к которым прибегает ВМО, безусловно, незаконны, но они довольно логичны. Логичны с точки зрения иерархии, стремящейся к процветанию и самосохранению. Но ведь это естественное стремление любой иерархии! И в этом все дело. Альдани показывает, что в условиях капиталистического общества любая получившая власть иерархия стремится уйти из-под контроля и упрочить свое положение всеми доступными ей методами. Если же эти методы незаконны, иерархия просто пересмотрит закон. При этом безразлично, под какими знаменами иерархия пришла к власти. Пусть даже это будут белые знамена с красным крестом и полумесяцем... Отсюда печальный, но вполне оправданный вывод: лучше полагаться на корыстный интерес, чем на профессиональную честность. Все дело в том, что в условиях купли-продажи не может быть профессиональной честности. Иерархия придает ей конкретный прагматический смысл. Для нее честность — это комплекс мероприятий, которые не только не вредят иерархии, но, напротив, укрепляют ее. Все остальное для ВМО имеет смысл, прямо противоположный понятию честности.

Кто же виноват, что целая страна бесшумно и невидимо, без смены правительства, без захвата радиостанций и аэродромов погрузилась в ад? На этот вопрос ясно и прямо отвечает профессор, отторгнутый как инородное тело Объединением: «Наша жажда наживы все испортила».

По-видимому, проблема эта сложнее, чем кажется профессору. Безусловно, жажда наживы толкает социальную систему к своего рода идеальному состоянию: «брать максимум, давать минимум и законсервироваться в таком статусе по возможности навсегда». И ВМО не исключение. Оно действительно берет все, что может, и дает тот точно отмеренный минимум, который обеспечивает ее же вну-

треннее воспроизводство. Таким образом, профессор в целом правильно охарактеризовал иерархию. Он только не упомянул об одной очень важной детали, обеспечивающей стабильность системы: одними санитарными агентами и высокими штрафами при этом не обойтись! По логике событий ВМО должно обзавестись собственной полицией и перерасти в фашистскую диктатуру. Эта логика не раскрыта до конца в рассказе Альдани, но мы-то знаем, как неизбежно в условиях монополистического капитала иерархии превращаются в диктатуры.

Итак, в том круге ада, где вместо традиционных котлов со смолой и серой стоят стерилизационные автоклавы ВМО, для индивидуума оставлена лазейка. Он может разорвать связывающие его с Объединением узы и даже поиздеваться потом над агентом, подсовывающим ему пилюлю с цветным реактивом на алкоголь. Причем все это делается в соответствии с законом, интересы государства и общества не затрагиваются.

Так и поступает наш маленький бунтарь Нико. Он устал бояться, ему осточертели все эти пилюли и градусники, все эти унижительные проверки набрюшника. Он хочет выкуривать пачку сигарет в день, пить на свежем воздухе из простого стеклянного стакана и обниматься со своей милой на травке. И разве его нельзя понять? Он не желает отдавать все свои деньги ВМО, он находит, что за охрану его собственного здоровья с него слишком много дерут. Не лучше ли послать все это к черту, а на высвободившиеся деньги купить шикарную машину? Не беда, что теперь ни один врач не придет к нему на помощь и ни один аптекарь не продаст ему даже аспирина. Он парень здоровый...

Но надо же такое невезение: какая-то дурацкая ржавая проволока... Он умирает, наш маленький бунтарь, от случайной царапинки. Ему просто не повезло — столбнячная интоксикация...

А если еще кто-нибудь последует примеру Нико и при этом не оцарапает шею? Что тогда? Что будет, если этот смельчак выедет на своей машине на городскую площадь и станет кричать во все горло, как хорошо он зажил после того, как вышел из-под опеки ВМО? Рассказ кончается у постели больного Нико. Но мы знаем, как ответило корпоративное государство кавалера Бенито Муссолини на первые же попытки агитировать против фашизма. Агитаторам закачивали в горло касторку.

Таким образом, иерархия рано или поздно должна перерасти в открытую фашистскую диктатуру. А для фашизма уже нет недозволенных средств. И здесь нет особой разницы между тайной полицией, Всеобщим медицинским объединением и, скажем, налоговой инспекцией.

Вы слышите грохот канонады, лязг и скрежет металла? Вы видите ослепительные вспышки выстрелов и зарево пожарищ? Нет, это не «адская кухня» и даже не война. Это всего лишь налоговый агент, опрокидывающий все заслоны на пути к кошельку налогоплательщика. Конечно, можно было бы и не искать какого-то особого подтекста в юмореске Мауро Антонио Мильеруоло «Оптическая ловушка». Но, право, разве весь грохот и дым исходят не из того круга и пояса, где позвякивает стекло градусников и клистирных трубок?

Мы подошли к окраине обвала,
Где груды скал под нашею пятой
Еще страшной пучину открывала.

(Песнь одиннадцатая)

Наш лифт спустился в подземелье, которое уже слегка напоминает традиционный ад. Здесь в железобетонном бункере почти безвылазно сидит человек, который забыл, как пахнет нагретая солнцем трава и как обтекают лицо и грудь тугие теплые струи ветра. Он сидит в этом глубоком

бункере уже много лет, выполняя одну и ту же простейшую операцию. Перед ним экран сложного оптического устройства, на котором вспыхивают и накладываются друг на друга два красных диска. Но бывает изредка, что диски при наложении немного не совпадают, тогда человек нажимает кнопку...

Что же после этого происходит? Взлетают с подземных баз баллистические ракеты с Н-боеголовками, чтобы лечь на курс и поразить через какие-то минуты неведомого врага? Или, быть может, раскрываются секретные ангары и катапультируют в небо истребителей-перехватчиков? Не исключено, наверное, что нажатие кнопки приводит в действие противоракетную систему целого континента.

Но человек, нажимающий кнопку, не знает, к каким последствиям приведет операция. Он может лишь догадываться о них, поскольку находится в бункере «по соображениям безопасности». Очевидно, по тем же самым «соображениям» он больше ничего не знает ни о себе, ни о своей работе. Есть устав, и он гласит: «Важные стратегические задачи следует доверять лишь людям с низким коэффициентом умственного развития. Ни в коем случае (подчеркнуто жирной чертой) нельзя доверять их специалистам». В конце рассказа «По соображениям безопасности» автор его, Эмио Донаджо, демонстрирует нам, чем именно вызвана данная статья устава.

Но нас сейчас интересует не это. К счастью, мы в аду. Ведь только там можно увидеть безлюдную планету и зарывшиеся в землю города, ошестинившиеся друг против друга стартовыми установками ракет. Впрочем, и на нашей реальной Земле ходят люди, мечтающие об атомном адском огне. И это не только недобитые гитлеровские вояки, сменившие зеленый китель рейхсвера на respectable мундиры «европейского командования», но и разного рода

ультра, цинично разглагольствующие о «новом» порядке, созданном на пепелище современной цивилизации.

Дабы явить, что взору было ново,
Скажу, что нам, огромной пеленой,
Открылась степь, где нет ростка живого.

Это терцина из четырнадцатой песни, повествующей о третьем поясе седьмого круга, где когда-то текли адские реки. Теперь там стоят современные города: стекло, асфальт, бетон. Но почему пусты освещенные улицы? Почему многоэтажные билдинги немы и мертвы, подобно каменным надгробьям? Город больше не объединяет людей. Он уподобился кладбищу, где в разобщенных склепах сидят еще живые мертвецы. Цивилизацию погубил «дар фирмы». Но прежде чем обратиться к этому рассказу Примо Леви, нам придется совершить небольшой экскурс в фантастику.

«Фантомология» — так называется глава шестая философской книги Станислава Лема «Сумма технологии». В ней говорится: «Проблема, которую мы будем рассматривать, заключается в следующем: как создать действительность, которая для разумных существ, живущих в ней, ничем не отличалась бы от нормальной действительности, но подчинялась бы другим законам?»

В рассказе Примо Леви сделан первый шаг к решению этой проблемы, хотя вообще-то первенство в раскрытии негативных аспектов фантоматики принадлежит Лино Альдани, создавшему запоминающийся рассказ «Онирофильм».

Но не будем сравнивать «Онирофильм» Альдани с «Тореком» Леви по степени их приближения к фантоматическому идеалу. Нас гораздо больше интересуют моральные стороны фантоматики. А они, на мой взгляд, затронуты в рассказе «В дар от фирмы» достаточно широко.

Мы уже привыкли к таким картинам суперкибернетического ада, как экраны с «родственниками» на всех стенах («451° по Фаренгейту»). Мы видели и худшее, когда мир чужих видений и чувств полностью закабалял человека, прикованного к фантомату, как каторжник к ядру. Мы знаем, наконец, как озабочена прогрессивная общественность Запада тем, что телевидение, с экранов которого хлещут потоки насилия и секса, вытесняет из жизни обывателя книги, театр, живопись. Телевидению далеко до фантоматики, оно не наладило еще обратной связи со зрителем, но уже успело обокрасть его душу и мозг.

Что же сказать тогда о той псевдореальности, даже в принципе неотличимой от действительной жизни, которую прокручивают грешникам адские фантоматы? Да разве можно вырваться из их объятий? Вместо серой обыденности, вместо стандартной квартиры, заурядной биографии и сварливой жены фантомат предлагает им сплошное яркое приключение. Здесь острые ощущения боксеров, футболистов, кинозвезд, космонавтов, гангстеров, здесь бразильская сельва, Сахара, Северный полюс, здесь богатство чувств и оттенков, доступное только великим художникам, здесь, наконец, полное раскрытие тайных садистских инстинктов и подавляемых комплексов. Можно провести интимный вечер с кинозвездой, можно даже сделаться этой кинозвездой (программа для синьор) в тот весьма пикантный момент, когда в ее артистическую уборную приходит любовник. Все доступно, все можно. Даже собственное тело становится лишним. И не мудрено, если взамен можно получить другое, лучшее, если можно глянуть в зеркало и увидеть себя мужественным красавцем по последним стандартам моды. Но суть не только во внешности. Все ощущения этого красавца, все пять его чувств и все отправления его организма становятся вашими. Любите — его любовью и убивайте — его ненавистью, а если он в

своей богатой приключениями жизни порой голодает или мучается от жажды, то и это не беда! Программа составлена так, что герой непременно спасется, и вы испытаете всю сладость долгожданного глотка воды. А не угодно ли побыть в шкуре художника? Разумеется, в момент воплощения на полотне гигантского замысла, в момент, когда маэстро подставляет шею под лавровый венок... Заманчиво, не правда ли?

Все это знакомо читателям фантастики. Может быть, Леви лишь более четко, чем другие, сформулировал некоторые весьма важные мысли. Вот, в частности, что говорит герой его рассказа: «Какое это наслаждение — чувствовать, что жестоко страдает и мучается именно тот, кого вы хотите помучить».

Это страшные слова. В них не только квинтэссенция грядущих опасностей фантастики. В них — обвинение кинофильмам и телепрограммам, которые обрушивают на людей потоки насилия и ненависти, ибо каждый зритель мысленно перевоплощается в героев на экране.

Мы идем по залитому люминесцентным светом асфальту городов преисподней. В каждой ячейке его застекленных каменных ульев сидит душа, соединенная с фантоматом добровольными узами собственной духовной нищеты. Более страшной участи не мог бы вообразить и сам Данте. Но обыватель у галлюцинаторной машины чувствует себя вполне счастливым. Он так и умрет (впрочем, какая может быть смерть в аду?) непробужденный, посреди какой-нибудь ленты. И что такое собственная смерть для человека, который тысячу раз умирал чужой смертью? Что для него смерть, когда он давно утратил свою личность, растворил ее в ярких, выдуманных режиссером судьбах?

И есть ли силы у таких, скажем, людей, как Джиджи Милези (рассказ Анны Ринонаполи «Друг»), противостоять сладкому обману? Пусть выступающий в роли като-

лического ангела-хранителя робот — не фантомат. Но он ласково нашептывает бедняге Джиджи сны наяву. В жестокой и безнадежной прозе жизни брезжит хоть какой-то огонек, уводит в туманную даль, где, наверное, хорошо и люди (как хочется верить!) добры и мудры. Старый снисходительный к грехам патер обещает какой-нибудь калабрийской батрачке не только рай в небесах, но и возмещение в здешней жизни... Те же примерно сказки и, конечно, за солидное вознаграждение рассказывает робот нашему Джиджи. Эх, Джиджи! Тебе бы не робота, а фантомат, тогда бы ты сразу получил все, о чем и не мечтал даже, ибо не знал, что такое возможно. Притом никаких разочарований! Ты ищешь Милену, свою суженую, зачарованную деву, которую посулил тебе робот. Ищи, ищи! Вот она, твоя Милена, сидит за соседним столиком и уплетает пиццу. Пойди же, разбуди спящую принцессу!

Почему же рушится мир для тебя, Джиджи, когда принцесса оказывается обыкновенной проституткой?

Мы уходим все дальше в серый туман седьмого круга. Позади осталась стонущая тень Джиджи. Ну, чем так ужасна его судьба? Это же заурядный случай! Почему же он оставил на душе столь тягостное ощущение? Быть может, потому, что это просто жизнь, а не фантоматический сон?

В том-то и сила фантастики, что, подобно лупе, собирает она отблески реальных событий, и, собранные в единый фокус, они прожигают сердце.

Превосходный рассказ Джузеппе Педериали «Избавление» очень близок к классической новелле Роберта Крэйна «Пурпурные поля». Одинаковая проблематика, единое решение, но совершенно различные обертона. И если неожиданная развязка Крэйна подобна громовым аккордам траурного марша в конце лирической, чуть тревожной фантазии, то весь строй «Избавления» выдержан в переливах

одной и той же тягостной мелодии; поэтому и развязка здесь воспринимается действительно как избавление.

Вот он, жизненный ад, где только со смертью кончается неизбежный кошмар. Они уходят, уходят, эти старики, а мы только провожаем их взглядом...

Разве не на памяти нашего поколения события тех тридцатых годов, когда монополистический капитал посадил в кресло канцлера Гитлера? Разве не было тогда развернуто широкое умерщвление больных, неполноценных и просто слабых людей? Первые шаги «нового порядка» были направлены к стихийному удовлетворению бездушной капиталистической машины. Ведь при характерном для капитализма отчуждении имеют смысл только такие понятия, как прибавочная стоимость и воспроизводство людей, которые ее должны давать. Все остальное — ненужная роскошь, дань устарелой морали. Фашизм это понял с обнаженной четкостью, доступной лишь примитивному, не «загруженному» культурой сознанию. И сделал свои выводы. И можно не сомневаться, каковы были бы его дальнейшие шаги, если бы не кончился «тысячелетний рейх» на тринадцатом году своего смрадного существования.

И все-таки что бы могло последовать за эвтоназией «неполноценных»? У Джузеппе Педерiali отчужденное государство устраняет всех, кто не в состоянии выполнять научную или физическую работу либо «поставлять» новорожденных. «Система» в «Пурпурных полях» Крэйна выбрасывает даже тех, кто еще способен «поставлять». И если в сегодняшнем мире, где живет Крэйн, сорокалетний здоровый человек уже встречает затруднения при поступлении на работу, то что будет, если...

Так собираются лучи в беспощадном фокусе линзы. Они жгут нам сердце, слепят глаза, и мы не можем больше смотреть в спины уходящих навсегда стариков. Стари-

ки получили призывные повестки, они уходят в медицинские институты, уходят навсегда.

Какое чудовищное отчуждение, какие зловещие метаморфозы буржуазных институтов! Армия рассылает повестки о «призыве», врачи, точно речь идет об искусственном осеменении животных, устраивают «проверки» и, взяв на себя сразу роли судей и палачей, устраняют лишние рты. Это конкретное воплощение того иррационального ужаса, который мерещился еще Кафке. И это обвинение, предъявленное капиталистическому способу производства, самой основе его, его базису.

Захлопнулась белая дверь института за Перио Валенти. Но не скудеет скорбная череда уходящих...

Там вздохи, плач и исступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.
Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и вскрики...

(Песнь третья)

Что пред этим космические катастрофы или терзания человека, рожденного в колбе по рецепту нашего современника Даниело Петруччи? Я задаю этот вопрос, мысленно сравнивая глубину воздействия произведений, затрагивающих наиболее острые общественные проблемы, с традиционной фантастикой. Где найти место в модернизированном аду для рассказов Джильды Музы, новеллы Лино Альдани «Рыбы-коты для Венеры» или юморески Эмио Донаджо «Королева Марса»?

Конечно, при желании можно было бы отыскать подходящий круг и пояс для тех, кто вынашивает зловещие планы искусственной генетической штамповки идеальных солдат («Макс»). Дело уже не в том, что в рассказах

Джилды Музы слабо затронута социальная проблематика. Очевидно, просто существует определенный уровень художественного воплощения. Тематика рассказов Джилды Музы локальна и круг ее писательских интересов лежит в традиционной области чистой научной фантастики. Все это и позволяет нам не распространять на них первоначальную, пусть несколько субъективную, может быть, даже узкую схему.

Точно так же, отдавая дань мастерству авторов новелл «Рыбы-коты для Венеры» и «Королева Марса», мы вынуждены, однако, отнести эти милые миниатюры к традиционной юмористической фантастике, построенной, по сути дела, на парадоксальном анекдоте. И право же, благосклонный читатель, если вы следите за современной фантастикой, то легко согласитесь с такой оценкой.

Зато большой рассказ или, если угодно, небольшая повесть Анны Ринонаполи «Бандагал» требует нашего пристального внимания. Вез нее картина фантастического ада, в котором, как уже говорилось, лишь незначительно гипертрофированы негативные тенденции современного капитализма, была бы неполной.

...Здесь не один тиран,
Который жаждал золота и крови...

(Песнь двенадцатая)

Не выходя из седьмого круга, пройдем в первый пояс. Там во времена Данте пребывали насильники над ближним и над его достоинством (тираны, убийцы, разбойники). Там осталась тень Моргентойфеля.

Очевидно, сюда же можно было бы поместить всех рабистов и колонизаторов. О них как раз и идет речь в «Бандагале». Планета Нес — отличнейшая модель, иначе ее не назовешь, для исследования современных проблем колониализма. Пусть не смущают вас, читатель, галактические

комбинезоны колонистов и зеленые волосы туземцев. Это не затеняет наших земных проблем, тем более что Анна Ринонаполи и не собиралась их затенять, напротив, она хотела особенно четко выявить их на фоне такой звездной всеобщности. И дело не в том, что итальянская писательница намеревалась приписать земные недуги другим планетам. Нет, она создала повесть «Бандагал» в твердой уверенности, что ее Нес поможет далекому от политики читателю яснее понять окружающее.

О чем говорят одетые в серебристые галактические комбинезоны люди? Ну конечно, о наживе, женщинах, выпивке, заработке, мебели, антикварных предметах и прочем. И это понятно. Литературные герои должны не только произносить монологи и выполнять возложенные на них автором обязанности, но и просто жить.

Но прислушаемся... Жизненное пространство. Слаборазвитые. Циливизаторская миссия. Туземцы. Они не моются. От них воняет. Интеграция и т. д.

Это из лексикона расизма — позорной язвы двадцатого века. Это лексикон людей в комбинезонах. Что такое эта слаборазвитая планета Нес? Южно-Африканская республика? Родезия? Кто такие эти галактические «цивилизаторы»? Плантадоры из Алабамы? О ком идет речь, когда говорят о туземцах? Об африканцах? Или об итальянских рабочих, когда о них говорят мургентойфели?

Вряд ли правильно ставить вопросы именно так. «Бандагал» никого не имеет в виду конкретно и вместе с тем говорит обо всех. Недаром в роли колонизаторских фирм в «Бандагале» выступают финансовые объединения под недвусмысленными названиями: «Новая Америка», «Новая Италия», «Новая Англия». Эти могучие монополии, носящие имена недавних колониальных держав, стремятся объединиться в гигантский межпланетный картель. Право, в наш век «общих рынков» и «зон свободной торговли» это

только естественно. Не могут ввести нас в заблуждение такие неологизмы, как киллергал (галактический убийца), астроганг (звездный гангстер), киберганг (кибернетический гангстер) и т. п. Легко расшифровывается и название повести: бандагал — это всего-навсего галактический бандит.

Отбросьте определения «звездный» и «галактический» — вы тут же очутитесь на Земле. Как тут не вспомнить слова Лема, сказавшего, что он пишет о современниках и для современников, только наряжает все в галактические одежды.

Встают в раскаленной реке первого пояса тени Торболи, Патрене, Бессона и легионы теней — их прототипов. Нет нужды подробно истолковывать антирасистский и антиколониальный дух повести. Это и так сразу бросается в глаза. Несколько неясен образ главного героя ее — коротышки кибербухгалтера Торторелли. Очевидно, он-то и есть бандагал. Именно его писательница хотела сделать основным носителем зла. Для этого и были использованы традиционные приемы, разработанные еще Гофманом. Действительно, временами Торторелли предстает перед нами как своего рода Крошка Цахес, порой мы даже готовы согласиться с Торболи или Патрене, которые в испуге спрашивают себя: «Кто он? А может, и впрямь дьявол?» Но почему-то на фоне всех этих торболи, патрене, бессонов коротышка-бандагал, цели которого остаются непроявленными, вызывает у нас чуть ли не симпатию. Очевидно, это происходит вопреки авторской воле. Но нашу, читатель, реакцию вполне можно объяснить. Мы слишком хорошо знаем отвратительное лицо расизма, чтобы его могли затмить не совсем ясные «галактические» злодеяния.

И, право, авторская неудача оборачивается неожиданным выигрышем. На фоне неудавшегося образа бандагала особенно неприглядными кажутся фигуры этих «цивили-

заторов», «культуртрегеров», захлебывающихся в кипящих водах адской реки.

И здесь мы выпили вновь узреть светила.

Так заканчивает первую часть «Божественной комедии» великий флорентинец. Покинем и мы подземные селения и, минуя промежуточную станцию «Чистилище», устремимся в эфирные выси. Нам не остается ничего другого, поскольку действие некоторых рассказов протекает в раю, причем в совершенно прямом, а не иносказательном смысле. И не наша вина, что эта заключительная часть путешествия менее интересна. Ведь и у Данте ад получился куда более впечатляющим, чем несколько бесцветный и пресный рай. И что можно сказать о рае, из которого разбегаются ангелы («Необычный ангел»), причем они бегут не куда-нибудь, а на грешную землю? Поэтому, может быть, откажемся от этой сомнительной экспедиции? Ничего интересного нас в ней не ожидает. Вот, к примеру, юмореска Сандро Сандрелли «Прототип». В ней дается несколько отличное от ветхозаветного объяснение происхождения человека. Предположив существование в незапамятные времена протоцивилизации, мыслящие члены которой функционировали не на белковом уровне, Сандрелли рассматривает праотца нашего Адама в качестве первого образца авто-динамо-аминокислотных машин. Оригинально, не правда ли? Из-за этого не стоит стремиться в рай. Итак, будем считать наше путешествие законченным. И вовремя!

В дантовом аду третий пояс седьмого круга отведен специально для насильников над божеством (богохульников). Но, к счастью, и в раю, и в аду, как мы видим, установились сравнительно либеральные режимы. Иначе не миновать некоторым авторам этого сборника, а вместе с ними и вашему проводнику, благосклонный читатель, геенны огненной.

Но в наш век и ад уже не столь страшен, и в раю царит не единая (цитирую последнюю строфу «Божественной комедии») «любовь, что движет солнца и светила».

Светила и солнце движутся по законам небесной механики. Человеческое же общество движет труд, и, чтобы он везде стал свободным и радостным, люди должны знать, чем грозит закабалившая его ночь.

Сборник научно-фантастических произведений прогрессивных итальянских писателей — вклад в это общее и большое дело.

Еремей Парнов

В ДАР ОТ ФИРМЫ

Я отправился на ярмарку без всякой на то надобности и без особого любопытства, побуждаемый лишь иррациональным чувством долга, которое присуще каждому миланцу. Не будь этого, общего для всех миланцев чувства, ярмарка превратилась бы в событие заурядное, иначе говоря, ее павильоны по большей части пустовали бы.

Увидев у стенда фирмы «НАТКА» Симпсона, я очень удивился. Он встретил меня ослепительной улыбкой.

— Признайтесь, вы не ожидали, что увидите за перегородкой меня, а не красивую девушку-гида или же неопытного технического консультанта? В самом деле, в мои обязанности не входит отвечать на дурацкие вопросы случайных посетителей (разумеется, я не имею в виду вас) и пытаться определить тайных конкурентов, что, впрочем, не так уж трудно — они-то задают совсем не глупые вопросы. Понимаете, я пришел по своей воле и сам не знаю, что меня заставило; хотя нет — я пришел сюда из благодарности. И в этом, право же, нет ничего постыдного.

— Из благодарности? К кому именно?

— К фирме, к кому же еще? Вчера у меня был знаменательный день.

— Вас повысили в должности?

— Нет, я и так занимал весьма солидный пост. Представьте себе, я ухожу на пенсию. Давайте заглянем в бар, я угощу вас настоящим шотландским виски.

В баре Симпсон рассказал, что по закону на пенсию ему положено уйти лишь через два года. Но он подал заяв-

ление неделю назад, и как раз вчера пришла соответствующая телеграмма из дирекции.

— Разумеется, я еще в состоянии работать, — добавил он. — Но сейчас меня интересуют совершенно иные проблемы, и я хочу располагать собою все двадцать четыре часа в сутки. В Форт-Киддивани это отлично поняли. Впрочем, им даже выгодно заполучить меня в компаньоны. Особенно после того, как удалась моя затея с муравьями-монтажниками, на прецизионных операциях.

— Поздравляю вас, Симпсон, я и не знал, что вашу идею уже осуществили.

— Да, да, я продал им патент — фунт обученных муравьев в месяц, по скромной цене три доллара. Поэтому «НАТКА» не стала жадничать — полное выходное пособие, самая высокая пенсия, восемь тысяч долларов премии и, кроме того, очень ценный подарок. Его-то я и хочу вам показать. Поверьте мне, это совершенно уникальная вещь.

Мы вернулись к стенду и удобно расположились в креслах.

— Вас мое решение может удивить, — возобновил свой рассказ Симпсон. — Но мне надоели «оригинальные идеи» этих господ из Форты. В прошлом году они решили выпустить серию измерительных приборов, призванных заменить обычные тесты и личную беседу с кандидатом при приеме на работу. Мне было поручено рекламировать и продавать эти приборы в Италии. Суть изобретения в следующем: кандидат попадает в туннель (как машина на механическую мойку), и когда он выбирается оттуда, на него готова перфокарта с оценками в баллах, степенью пригодности к данной работе, словом, КИ.

— Простите, как вы сказали?

— Ах да! КИ — это коэффициент интеллектуальности. На основе полученных данных определяют, какую вам можно предложить должность и заработную плату. В свое

время я увлекался подобными «играми», но теперь не получаю ни малейшего удовольствия, скорее даже испытываю известную неловкость. Ну, а как вам понравится вот это?

Симпсон снял с витрины черный металлический предмет, который я вначале принял за теодолит.

— Это ОВО-СКЭН — зонд для особо важных особ. Он предназначен для отбора руководящих кадров. Его применяют (разумеется, тайком) во время предварительной «дружеской беседы». Простите, одну секунду...

С этими словами Симпсон навел на меня объектив и нажал кнопку.

— Говорите, пожалуйста. Что именно — неважно, только говорите... Так, а теперь пройдите по залу. Благодарю вас. Посмотрим. Угу, ваш коэффициент — 28, не обижайтесь, но вы не ОВО. Вот это меня и бесит — столь низкий коэффициент у такого человека, как вы! Собственно, я и хотел показать вам, что прибор ни к черту не годится. К тому же он прокалиброван по американским стандартам. И вообще меня мало интересует его устройство. Я знаю лишь, что коэффициент пригодности определяется в зависимости от покроя костюма, размера сигары, состояния зубов, умения держаться и манеры разговаривать. Возможно, мне не следовало проделывать с вами подобного нелепого эксперимента. Однако в оправдание себе и в утешение вам могу лишь сказать, что я сам с трудом набираю коэффициент 25. И то только в том случае, когда гладко выбрит. Словом, весьма глупое изобретение. Но если в Италии дела с продажей ОВО пойдут плохо, миланский филиал «НАТКИ» понесет убытки; если же этих «механических судей» начнут раскупать, то при одной мысли о руководящих деятелях промышленности с коэффициентом 100 меня мороз по коже подирает. Теперь вы, надеюсь, поняли, почему я решил уйти на пенсию раньше срока?

Он понизил голос и с таинственным видом хлопнул меня по коленке.

— Когда кончится ярмарка, загляните ко мне. Я вам покажу подарок фирмы. Тогда вы сами убедитесь, что я отнюдь не поторопился с пенсией. Штучка эта называется «Тотал рекорд», сокращенно «Торек». А если у вас есть «Торек» и скромный набор пленок, то стоит ли дальше портить себе кровь с клиентами?

Симпсон извинился, что принимает меня в служебном кабинете, а не дома.

— Здесь нам будет не так удобно, зато спокойнее, — сказал он. — Нет ничего неприятнее, чем телефонные звонки в момент прослушивания, а сюда после работы никто не звонит. И потом, должен вам признаться, моя жена недолюбливает «Торек».

Он подробно, со знанием дела объяснил мне действие «Торека», чуда новейшей техники, оставаясь при этом совершенно невозмутимым, что, по-моему, объяснялось его профессией многоопытного продавца чудес. Из рассказа Симпсона я понял, что «Торек» — универсальное звукозаписывающее устройство. Принцип его действия основан на непосредственной связи между нервными центрами человека и электрической цепью, что стало возможным лишь после изобретения «Андрака». Благодаря «Андраку» можно, к примеру, работать на телетайпе или водить машину посредством одних только нервных импульсов, не прилагая физических усилий. Иными словами, достаточно желания, и механизм подчинится вашей воле. Нужно только предварительно подвергнуться весьма несложному хирургическому вмешательству. В самом же «Тореке» использован соответствующий рецепторный механизм, который

вызывает реакции головного мозга без посредничества органов чувств.

В отличие от «Андрака» пользование «Тореком» не требует никакой хирургической операции. Передача ощущений, записанных на пленку, происходит непосредственно через электроды, вживленные в кожу. Слушателю, вернее «улавливателю звуков», нужно лишь надеть шлем. И тогда, пока пленка движется, он будет получать непрерывную серию зрительных, слуховых, осязательных, вкусовых и болевых ощущений. Кроме того, он будет испытывать так называемые подсознательные чувства, которые обычно всплывают из глубин памяти во время сна. Одним словом, «Торек» улавливает все «послания», которые мозг, или, как говорил Аристотель, «терпеливый интеллект», в состоянии принять. Передача происходит не через сенсорные органы слушателя — они отключаются, — а непосредственно через нервные окончания с помощью кода, который «НАТКА» держит в секрете. В результате слушатель — он же зритель — сопереживает событиям, записанные на пленку, он чувствует, что сам участвует в них, что это он вызвал их к жизни. Подобные ощущения не имеют ничего общего ни с галлюцинациями, ни со сновидениями, ибо все записанное на пленку невозможно отличить от подлинных событий. После того как кончится пленка, у вас остаются обычные воспоминания, но во время видеопрослушивания естественная память подавляется искусственными «воспоминаниями» самой пленки. Поэтому вы не помните ничего из предыдущих прослушиваний, и у вас не наступает утомления или пресыщения. Прослушивание любой пленки можно повторять бесконечно, и всякий раз вы сталкиваетесь с новыми, совершенно непредвиденными случайностями.

— У кого есть «Торек», тот сам себе бог и царь, — заключил Симпсон. — Что бы вы ни пожелали испытать,

достаточно выбрать соответствующую пленку. Хотите побывать на Антильских островах? Подняться на вершину Монблана? А может, у вас появилось желание облететь за час Землю, испытать состояние невесомости? Достаточно запереться в комнате, надеть шлем, а уж об остальном позаботится «Торек».

Я молчал, а Симпсон с любопытством наблюдал за мной сквозь толстые стекла очков.

— Похоже, вы удивлены, — заметил он.

— Просто мне кажется, что этот «Торек» — опасная штука. Ни один из приборов вашей фирмы, более того, вообще ни один прибор в мире не угрожает нашим привычкам и укладу жизни в такой степени, как «Торек». Любая инициатива, вся человеческая деятельность практически становится ненужной, бессмысленной. Это означает последний шаг к полнейшей инертности. После того как мы купили телевизор, мой сын часами не отходит от экрана, словно ослепленный автомобильными фарами заяц. Сам я сбегаю из дому, но для этого мне нужно заставить себя подняться и уйти. А у кого достанет силы воли отказаться от «Торека»? Он представляется мне куда опаснее любого наркотика. Кто захочет работать? Кто станет заботиться о семье?

— Но ведь «Торек» еще не поступил в продажу, — возразил Симпсон. — Я же вам сказал, что получил его в подарок по случаю ухода на пенсию, пока это единственный в мире экземпляр. Ну а если уж быть абсолютно точным, то это даже не подарок — официально прибор принадлежит фирме, а я получил его в бессрочное пользование как премию и одновременно с целью опытной проверки. Так что...

— Во всяком случае, — прервал я Симпсона, — раз «Торек» изобрели и сконструировали, значит, фирма намерена его продавать.

— Все очень просто. Владельцы «НАТКИ» неизменно преследуют две цели — заработать побольше денег и приобрести еще большую популярность, что в конечном счете означает новые доходы. Разумеется, фирма хотела бы начать серийное производство «Торека», но у ее владельцев достаточно здравого смысла, чтобы понять простейшую истину — конгресс не разрешит бесконтрольного распространения этого прибора. Поэтому сразу же после того, как был создан прототип, они первым делом позаботились запатентовать буквально каждую деталь «Торека». Кроме того, они добиваются официального разрешения бесплатно распределять «Торек» по всем санаториям и среди всех инвалидов и неизлечимо больных. Более того, они пытаются провести закон, по которому «Торек» будет вручаться каждому, кто уходит на пенсию.

— Значит, вы, Симпсон, являетесь как бы прототипом пенсионеров будущего?

— Да, и должен признаться, что сама идея мне по душе. Я получил «Торек» всего две недели назад и уже провел с ним несколько незабываемых вечеров. Конечно, нужны воля и рассудительность, чтобы не сидеть наедине с «Тореком» целыми днями,— тут вы правы. Незрелому юнцу я бы «Торек» не доверил, но в моем возрасте это неопасно... А какое я получил наслаждение! Хотите попробовать? Я дал обязательство не продавать его и не одалживать, но вы человек надежный и, разумеется, сохраните все в тайне. Кстати, меня просили проверить возможности «Торека» в качестве вспомогательного учебного пособия для изучения географии и естественных наук, и меня крайне интересует ваше мнение.

— Садитесь,— сказал Симпсон.— Пожалуй, лучше задернуть шторы. Нет, нет, спиной к свету. Вот так. Отлично.

У меня всего тридцать пленок, но еще семьдесят уже находятся в генуэзской таможне, так что скоро будет полный ассортимент.

— А кто выпускает пленки? Каким путем?

— Предполагается создавать специальные пленки, но пока запись осуществляют обычным путем. Отдел распространения фирмы предлагает записать свои впечатления всем, кто по характеру работы пережил любопытные приключения, к примеру летчикам, альпинистам, аквалангистам. Если данное лицо принимает предложение, фирма заключает с ним контракт. Гонорар немалый — от двух до пяти тысяч долларов за каждую запись. Для регистрации впечатлений, как вы уже знаете, достаточно надеть шлем. Все, что альпинист или, скажем, летчик испытывает, автоматически передается на студию записи, а потом пленку размножают в нужном количестве.

— Да, но если субъект знает, что каждое его ощущение фиксируется, это тоже попадает на пленку. Таким образом, вы будете «сопереживать» не полет какого-то космонавта, а полет космонавта, который знает, что на голове у него шлем аппарата «Торек» и что каждое его ощущение улавливается.

— Это верно, — подтвердил Симпсон. — В большинстве пленок, которые я прослушал, ощущение внутренней скованности субъекта прослеживается весьма четко, но некоторые люди путем упорных тренировок научились подавлять это ощущение на время записи. Впрочем, чувство неловкости при прослушивании быстро проходит. Что же касается шлема, то он вообще не мешает.

Я попытался изложить Симпсону свои сомнения морального порядка, но он прервал меня.

— Хотите начнем с записи футбольного матча? В Штатах футбол не очень популярен, но я, с тех пор как поселился в Италии, стал яростным болельщиком «Милана».

Я лично уговорил Расмуссена записать свои ощущения в ходе встречи и свел его с представителями фирмы. Он за-получил три миллиона лир, а «НАТКА» — редкостную пленку. Потрясающий, скажу вам, игрок! Такого полу-среднего не часто увидишь.

— Да, но я ничего не понимаю в футболе. Я не только сам не играл, но и не видел ни одного матча, даже по теле-визору.

— Это не имеет значения, — Симпсон решительно от-мел мои робкие возражения и включил контакт.

Солнце изрядно припекало, в воздухе носились ми-риады пылинок, я совершенно явственно ощущал запах сухой земли. Майка прилипла к потному те-лу, правое колено немного побаливало. Я рывком догнал мяч и, заметив, что левый край открылся, дал ему точный пас. Мой партнер хитроумным фин-том обвел защитника, и мы оба устремились к воро-там. Вратарь бросился навстречу левому крайнему, тот передал мяч мне, и я с ходу сильно пробил в верхний угол. Зрители вскочили с мест и дико заре-вели «го-ол!», я почувствовал, как кровь прилила к лицу и радостно заколотилось сердце. На этом все кончилось, и я снова очутился в кресле.

— Ну как? Пленка короткая, но зато какие ощущения! Разве вы почувствовали, что это запись? Когда проры-ваешься на вратарскую площадку, тут уж не до раздумий.

— В самом деле, это было весьма любопытно. Так не-обычно и радостно чувствовать, что твое тело вдруг стало молодым, ловким, сильным! Да и забивать гол очень приятно. В этот момент думаешь только о том, как бы поточнее пробить по воротам. А дикий рев болельщиков! И все-таки,

когда я... то бишь Расмуссен, ждал паса, в голове вдруг мелькнула совершенно посторонняя мысль — сегодня, в 9 вечера на виа Сан Бабила меня будет ждать высокая темноволосая девушка по имени Клаудия. Ощущение было мимолетным, но очень четким. Скажите, Симпсон, когда вы слушаете пленку, вас тоже посещают посторонние мысли?

— Да, конечно. Но это только усиливает ощущение реальности происходящего. Ведь никто не может в мгновение ока стереть все предыдущие воспоминания, их нет разве что у новорожденного. Я слышал, только по этой причине некоторые отказывались подписать соглашение с фирмой — не хотели, чтобы «Торек» записал и их тайные воспоминания. Ну как, у вас не появилось желания попробовать еще раз?

Я попросил Симпсона показать мне названия других пленок. Он согласился. Названия были весьма краткими и невыразительными.

— Лучше, если вы выберете сами. Мне эти названия ничего не говорят.

— Пожалуй, вы правы. К тому же им нельзя доверять, как, впрочем, и названиям книг и фильмов. Пока у меня не так уж много пленок. Но уже готов полный каталог, в котором систематизированы все мыслимые ощущения и переживания. Вот он.

В каталоге было около девятисот названий, систематизированных по семи различным группам, согласно новейшей тематической классификации Деви. В первую группу входили пленки на тему «Искусство и природа». Я запомнил названия некоторых из них: «Закат в Венеции», «Средиземноморье в стихах Квазимодо», «Циклон Магдалена», «День среди рыбаков», «Курс на Северный полюс», «Чикаго, каким его видит Ален Гинсберг», «Мы, аквалангисты».

Симпсон заметил, что, скажем, «Закат в Венеции» описан не каким-нибудь невежественным туристом, а известным поэтом, человеком высокой культуры и острого ума. У всех пленок этой группы была белая этикетка.

Вторая тематическая группа пленок с розовой этикеткой имела общее название «Власть». Они были рассортированы по целому ряду подгрупп: «Насилие», «Война», «Спорт», «Богатство».

— Разумеется, такое деление весьма условно,— пояснил Симпсон.— Я, к примеру, на пленку «Гол Расмуссена», которую вы только что прослушали, наклеил бы белую, а не розовую этикетку. И вообще пленки с розовой этикеткой меня мало интересуют. Но говорят, в Америке существует черный рынок, и там исключительным спросом, особенно среди молодежи, пользуются именно пленки с розовой этикеткой. Недобросовестные механики из украденных частей собирают «Торек» и затем тайно продают его на рынке. Разумеется, они негодяи, но, пожалуй, многим юнцам полезно прослушать пленку с записью, скажем, дикой драки в кафе. Это навсегда отобьет у них охоту к такого рода развлечениям.

— А не произойдет ли обратного? — возразил я.— Не случится ли с ними того же, что и с леопардами, которые, однажды вкусив человеческой крови, уже не могут без нее обойтись?

Симпсон внимательно посмотрел на меня.

— Э, вы типичный итальянский интеллигент. Я вас изучил за много лет — добропорядочная буржуазная семья, денег в достатке, любящая, но властолюбивая мамочка, религиозное воспитание, никакой военной службы, никаких спортивных увлечений, разве что теннис. Долгое и нудное ухаживание за несколькими женщинами, женитьба, спокойное местечко — и так всю жизнь. Не правда ли?

— Гм, что касается меня, не совсем...

— Разумеется, я могу ошибиться в частностях, но суть именно такова, не отпирайтесь. Вы избегаете борьбы, особенно кулачной драки, а желания доказать свое превосходство у вас хоть отбавляй. В сущности, именно поэтому вы признали Муссолини своим главой. Вам нужен был сильный человек, борец, и Муссолини, пока мог, разыгрывал из себя храбреца и непреклонного повелителя. Но мы уклонились в сторону. Хотите сами испытать, что это значит — кулачный бой? Тогда надевайте шлем, а потом поделитесь своими впечатлениями.

Я сидел, а они, окружив меня кольцом, ехидно ухмылялись. Все трое были в полосатых свитерах. Один из них (его звали Берни) злобно ругал меня на жаргоне, и я, как ни странно, отлично его понимал. Он называл меня «недоумком», «подвальной крысой» и методично, с изощренным садизмом всячески оскорблял мое самолюбие. Он ненавидел меня, потому что я был «даго». Я не отвечал на его насмешки и с деланным равнодушием попивал вино. В глубине души я испытывал ярость и страх, хотя понимал, что это всего лишь сценический трюк. Но оскорбления были неподдельными, и они больно ранили меня. К тому же сама ситуация была не новой, хотя ранее мне никогда не приходилось попадать в такую переделку. Сын итальянских эмигрантов, мускулистый и крепкий девятнадцатилетний парень, я был настоящий даго. Я глубоко этого стыдился и одновременно был этим бесконечно горд. Мои преследователи были моими давними врагами и соседями по дому. Белокурые англосаксы, они скрытно ненавидели меня, но долго не решались сказать об этом прямо. Контракт с фирмой

«НАТКА» позволил им наконец безнаказанно и нагло оскорблять меня. Я знал, что и они и я подписали контракт, но это ничуть не ослабляло нашей взаимной ненависти. Больше того, само сознание, что я согласился за деньги драться с ними, лишь усиливало мою злобу и ярость. Когда Берни, передразнивая мой неаполитанский диалект, промяукал: «Маммина миа! Мадоннина санта!» и послал мне шуточный поцелуй, коснувшись губ кончиками пальцев, я схватил стакан с вином и швырнул его в лицо обидчику. Я увидел, что его гадкая рожа залилась кровью, и это доставило мне жестокую радость. В тот же миг я опрокинул стол и, прикрываясь им как щитом, попытался пробиться к выходу. Но тут Эндрюс ударил меня сбоку, под ребро, я уронил стол и бросился на Эндрюса. Мой удар пришелся точно в челюсть. Но пока я расправлялся со вторым врагом, Берни пришел в себя. Он и Том загнали меня в угол и принялись награждать ударами в живот и грудь. Я задыхался, перед глазамиплыли черные круги. И все же, когда Берни прохрипел: «Проси пощады, ублюдок», — я шагнул вперед, притворился, будто падаю, а сам, наклонив голову, словно бык, ринулся на Тома. Я сбил его на землю, споткнулся о распростертое тело и свалился на него. Я попытался вскочить, но в тот же миг меня настиг апперкот в подбородок, который буквально поднял меня в воздух. Я потерял сознание и пришел в себя, лишь когда кто-то вылил мне на голову холодной воды. Затем все исчезло.

— Спасибо, хватит, — сказал я Симпсону, потирая подбородок, который почему-то побаливал. — Вы правы, Симп-

сон, у меня наверняка не появится желания драться ни всерьез, ни с помощью «Торека».

— Знаете, я прокрутил эту ленту всего один раз, и у меня пропала всякая охота прослушать ее вновь. Но я думаю, что подлинный итальянец испытывал бы определенное удовлетворение, хотя бы от мысли, что он один дрался против троих. По-моему, эту пленку «НАТКА» записала именно для итальянских эмигрантов. Фирма, как вы знаете, стремится всемерно расширить рынок сбыта.

— А я думаю, что «НАТКА» записала эту пленку для белокурых англосаксов и для расистов всех мастей и пород. Подумайте сами, какое это наслаждение чувствовать, что жестоко страдает и мучается именно тот, кого вы хотите помучить! Впрочем, не будем об этом говорить. Скажите лучше, что представляют собой пленки с зеленой этикеткой? Что означает «Encounters»?

Симпсон улыбнулся.

— Это эвфемизм чистой воды. Знаете, и у нас, в Америке, цензура шутить не любит. По идее это — «встречи» со знаменитостями, короткие беседы простых людей с сильными мира сего. Но это, так сказать, «камуфляж». На всех других пленках записаны совсем иные «встречи» — с Синой Разинко, Индже Баум, Коррадой Колли. Вы, конечно, видели этих красоток на страницах журналов.

И тут я почувствовал, что краснею. Эта проклятая способность краснеть преследует меня с детства. Достаточно мне подумать «сейчас я покраснею», как щеки мои начинают багроветь. Мне становится ужасно стыдно, и я краснею еще больше. На этот раз меня вогнало в краску упоминание о Корраде Колли, известной манекенщице, принимавшей участие в скандальной оргии в доме графа Ревелли. Я и не подозревал, что испытываю к новоявленной гетере нездоровое любопытство. Симпсон вопросительно смотрел на меня, не зная, смеяться ему или сделать вид,

будто он ничего не замечает. Но мое смятение было слишком уж явным, и наконец он решился спросить:

— Вам нездоровится? Может, здесь слишком душно?

— Нет, нет,— задыхаясь, ответил я.— Со мной такое частенько случается.

— Неужели вас так взволновало упоминание о Корраде Колли? Может, вы тоже были там? — спросил он, понизив голос.

— Что вы?! Как вам такое могло прийти в голову? — запротестовал я, краснея еще больше.

Симпсон растерянно молчал. Он притворялся, будто смотрит в окно, а сам тайком бросал на меня любопытные взгляды. Наконец он не выдержал:

— Послушайте, мы знаем друг друга два десятка лет. Вы пришли сюда, чтобы на себе испытать действие «Торекка», не правда ли? Так вот, эта пленка у меня есть. Кстати, я ни разу ее не прослушивал и даже не вынимал из кассеты. Что вам мешает ее прослушать? Поверьте мне на слово, тут нет ни малейшего греха. Ну, не бойтесь же, давайте шлем.

Я сидел на табуретке в артистической уборной и ждал кого-то. Раздался стук в дверь, и я сказал: «Войдите». Голос был не «мой», и в этом не было ничего особенного. Но он принадлежал женщине, и это уже было странно. Когда мужчина вошел, я повернулся к зеркалу, чтобы пригладить волосы... В зеркале отразилось лицо Коррады Колли, ее светлые, как у кошки, глаза, ее продолговатое розовое лицо, густая черная коса — символ фальшивой невинности. Но облик Коррады Колли принял я, а не кто-либо другой... Мужчина подошел ближе... Я бешено рванул шлем.

— Что вы делаете? — донесся до меня издали слабый голос Симпсона. — Что случилось? Подождите, подождите, да вы так шнур порвете!

Потом все вокруг окуталось тьмой, наступила тишина. Симпсон отключил ток. Я был вне себя от ярости.

— Как вы смели?! Что за идиотские шутки! С меня довольно, я ухожу.

Симпсон недоумевающе поглядел на меня, потом схватил пленку, прочел ее название и побелел как полотно.

— Поверьте, я никогда не посмел бы подшутить над вами. Произошла ошибка, глупейшая, непростительная ошибка. Посмотрите сами, я был убежден, что на этикетке написано «Вечер с Коррадой Колли», а на самом деле — «Коррада Колли, вечер с...» Это пленка для синьор. Я ни разу ее не прослушивал и потому допустил столь досадную оплошность.

Мы в смятении глядели друг на друга. И хотя я по-прежнему испытывал сильнейшее смущение, мне вспомнилось, что «Торек» предназначен и для воспитательных целей, и с трудом удержался от смеха.

Но Симпсон смотрел на меня с таким отчаянием и мольбой во взоре, что я просто не мог дольше сердиться на него.

— Ну, хватит об этом. Лучше скажите, что за чудеса скрыты в пленках с серой этикеткой?

— Так вы больше на меня не сердитесь? Благодарю вас, обещаю в дальнейшем быть более внимательным. А это — серия «Эпик».

— «Эпик»? Случайно не освоение Дальнего Запада, разные там военные эпизоды? Все эти «забавные» штучки, которые так нравятся вам, американцам?

Симпсон поистине с христианским смирением сделал вид, будто не заметил иронии в моих словах.

— Нет, эпические подвиги здесь ни при чем. Тут запи-

сано все, что связано с так называемым «эффектом Эпикура». Как вы, очевидно, знаете, речь идет о том, что с прекращением состояния страдания наступает... Впрочем, не буду заранее раскрывать секрета. Дайте мне возможность реабилитироваться. Ручаюсь, что на сей раз вы можете не опасаться неприятного сюрприза. К тому же эту пленку «Жажда» я сам не раз прослушивал. Разрешите, я помогу вам надеть шлем.

Жара была просто невыносимая. Кругом высились коричневые скалы, внизу расстилалась унылая песчаная равнина. Я испытывал сильнейшую жажду, но чувства усталости и отчаяния не было. Я знал, что это всего лишь видеозапись, что сзади едет джип фирмы «НАТКА», что я подписал контракт, обязавшись не пить трое суток. Мне было известно также, что я безработный из Солт-Лэйк-Сити и что скоро я смогу выпить хоть целое ведро воды. Мне было велено идти в определенном направлении, и я повиновался. Жажда была столь нестерпимой, что пересохло не только в горле и во рту, казалось, высохли глаза, а в мозгу то зажигались, то гасли большие желтые звезды. Я прошагал еще минут пять, то и дело спотыкаясь о камни, как вдруг увидел песчаную площадку, обнесенную полуразрушенной каменной стеной. В центре площадки был колодец с веревкой и деревянным ведром. Я опустил ведро вниз и когда вытащил его, то меня ослепило сверкание воды. Я хорошо знал, что это не ключевая вода, что колодец вырыли только вчера, а воду привезла автоцистерна, стоявшая неподалеку в тени бурой скалы. Но жажда была реальной и мучительной, и я пил, пил жадно, словно теленок, зарывшись лицом

в прозрачную воду, и никак не мог оторваться. Время от времени я останавливался, чтобы передохнуть, испытывая самое большое и простое из наслаждений, доступных живущим. И это наслаждение называлось утолением жажды. Однако длилось оно недолго. Я не выпил и литра, а вода больше не доставляла мне никакой радости. Внезапно видение желтой пустыни растаяло, и я очутился в пироге, плывущей по бурному безбрежному морю. И на этот раз я испытывал жажду и знал, что скоро появится вода, прозрачная и необычайно вкусная. Но откуда — мне было неясно: кругом были лишь море да безоблачное небо. Но вот метрах в пятидесяти от пирога всплыла миниатюрная подводная лодка с надписью на борту «НАТКА-II», и сцена вновь закончилась чудесным утолением жажды. Впоследствии я побывал в тюрьме, в товарном вагоне, на больничной койке, и неизменно недолгое чувство жажды сменялось радостным ощущением вкуса ледяной воды на губах, причем избавление всякий раз выглядело неестественно простым и одновременно надуманным.

— Схема несколько однообразная, да и режиссура слабовата, но основная цель, безусловно, достигается, — сказал я Симпсону. — Действительно, в конце испытываешь чувство ни с чем не сравнимого облегчения.

— Это знает каждый, но без «Торека» немыслимо было бы за какие-нибудь двадцать минут столько раз испытать чувство огромной радости. А кроме того, субъект не подвергается ни малейшей опасности, он избавлен от долгих и жестоких мучений, неизбежных при настоящей, неподдельной жажде. И заметьте, во всех пленках «Эпик» чере-

дуются кратковременное неприятное ощущение и столь же непродолжительное, но очень сильное чувство избавления от опасности. Помимо этой пленки, есть пленки, зафиксировавшие чувство голода и по крайней мере десять видов физических и моральных страданий.

— Эти пленки меня удивляют,— сказал я.— Бесспорно, из других можно извлечь кое-что полезное и приятное, ведь получают же зрители удовольствие от концерта или от победы любимой футбольной команды. Но какое удовольствие можно извлечь из этих искусственных, «обезболенных» чудес? По-моему, их могут оценить разве что чудаки-одиночки, предпочитающие консервы свежему мясу. И потом, эти бездушные игры аморальны.

— Возможно, вы правы, — помолчав, сказал Симпсон.— Интересно, однако, как вы на это посмотрите, когда вам будет лет семьдесят или восемьдесят? И должны ли думать так же, как вы, парализованные, люди, прикованные к постели, все те, кто живет, чтобы умереть?

Последовала короткая, но томительная пауза, и Симпсон поспешил показать мне пленки «супер-я» с голубой этикеткой (спасение утопающих, самопожертвование, тайны творчества знаменитых художников, поэтов, музыкантов), а затем пленки с желтой этикеткой, на которых запечатлены религиозные высказывания людей самых различных вероисповеданий. Он не без гордости упомянул, что немало миссионеров уже заказали такие пленки, чтобы новообращенные заранее узнали, какие духовные радости их ожидают.

Потом Симпсон подвел меня к ящику, где хранились пленки с черной этикеткой. Он объяснил, что здесь собраны различные пленки, условно объединенные под названием «Особый эффект». По большей части речь идет об экспериментальных записях, призванных запечатлеть многое из того, что станет возможным в недалеком будущем.

Несколько пленок — синтетические, то есть не записанные с натуры, но смонтированные путем наложения образа на образ, точно так же как создается синтетическая музыка и мультипликационные фильмы. Благодаря этой особой технике монтажа были воссозданы неведомые доселе ощущения. Симпсон рассказал, что в одной из лабораторий фирмы «НАТКА» группа техников работает над записью трагической смерти Сократа, какой ее увидел Федон*.

Некоторые пленки с черной этикеткой предназначены исключительно для научных целей. К примеру, в них зафиксированы эксперименты с новорожденными, гениями, неврастениками, психопатами, идиотами, даже с животными.

— С животными? — удивился я.

— Да, эксперименты над высшими животными с нервной системой, мало отличающейся от нашей. Есть записи о собаках («Grow a tail!» — «Отрастите и вы хвост!» — с энтузиазмом призывает каталог), о кошках, обезьянах, лошадях. У меня пленок с черной этикеткой всего одна. Советую вам прослушать ее, чтобы приятно закончить вечер.

Ледники искрились под слепящим солнцем, на небе — ни облачка. Я медленно парил, расправив крылья (или руки?) над узкой горной долиной. Она возвышалась над уровнем моря по крайней мере на две тысячи метров, но я отчетливо видел каждый камень, каждую травинку и даже рябь, которая пробежала по кристально чистой воде горного ручья. Мои глаза приобрели необычайную остроту: одним взглядом я охватывал почти всю долину и сторо-

* Федон — один из учеников Сократа. — *Прим. перев.*

жившие ее скалы. Между тем внизу я различал лишь черную тень. Я слышал шелест ветра и далекий голос реки, чувствовал, как упруго бьет о крылья воздух, но одновременно испытывал какое-то оцепенение. Я отчаянно напрягал мозг, пытаюсь вспомнить, что мне нужно сделать. Я точно знал, куда, в какое место должен потом вернуться (на черневшую вдали скалу у зубчатого края ледника, там было мое гнездо, моя самка, мои птенцы), но что именно мне предстояло сделать — ускользало из памяти. Я развернулся против ветра, спустился пониже над продолговатым гребнем и быстро полетел в направлении с юга на запад. Теперь моя огромная тень неслась впереди меня, рассекая стебли травы и комья земли. Сурок-часовой успел трижды свистнуть, прежде чем я его увидел. В то же мгновение я заметил, что прямо подо мной колеблются колосья дикого овса — заяц, все еще не снявший своей зимней шубки, отчаянными прыжками помчался к норе. Я сложил крылья и спикировал прямо на зверька. Он был уже в метре от спасительной норы, когда я расправил крылья, чтобы уменьшить скорость падения, и выпустил когти. Я на лету схватил свою жертву и снова рывком взмыл ввысь. Теперь я точно знал, что должен был сделать, чувство напряжения исчезло, и я плавно полетел к своему гнезду.

Было уже за полночь, когда я стал прощаться с гостеприимным хозяином. Я поблагодарил его за любезный прием и особенно за последнюю пленку, которая доставила мне истинное удовольствие. Симпсон еще раз попросил извинить его за досадную оплошность.

— Конечно, нужно быть предельно внимательным, ма-

лейшая неосторожность может привести к самым неожиданным последствиям. Позволю себе рассказать на прощание, что случилось с Крисом Вебстером, инженером фирмы «НАТКА», когда он записывал на первую типовую пленку прыжок с парашютом. Вебстер захотел проверить запись и вдруг, к своему величайшему изумлению, очутился на земле, а рядом валялся нераскрывшийся парашют. Внезапно купол парашюта надулся, взметнулся ввысь, словно снизу подул сильный ветер, и Вебстер почувствовал, что его неудержимо уносит в поднебесье. Минуты две он летел довольно спокойно, а потом стропы резко дернулись, и парашют ринулся вверх с поистине головокружительной быстротой. У Вебстера захватило дыхание, и в то же мгновение парашют захлопнулся, словно зонтик, перекувырнулся несколько раз, сморщился и прилип к плечам. Крис Вебстер неся точно ракета, но все же заметил, что навстречу ему летит самолет с раскрытой дверцей. Крис нырнул в кабину и потом долго еще не мог прийти в себя от страха. Разумеется, вы уже догадались — он вставил в «Торек» пленку не с той стороны.

Прощаясь, Симпсон взял с меня обещание, что я снова приду к нему в ноябре, когда у него будет полный набор пленок.

Бедный Симпсон! Боюсь, что для него все кончено. После многих лет верной и непорочной службы последнее изобретение «НАТКИ» его доконало. А ведь «Торек» должен был обеспечить ему спокойную и приятную старость.

Симпсон сражался с «Тореком» как титан, но битва была проиграна с самого начала. Он пожертвовал ради «Торека» всем: своими пчелами, работой, сном, книгами. Но, увы, «Торек» не вызывает чувства пресыщения. Каждую пленку можно прокручивать бесчисленное число раз, и неиз-

менно ваша память отключается и выплывает чужая, записанная на пленку. Поэтому Симпсон не испытывает скуки, но, безбрежная как море, она захлестывает беднягу, едва кончается пленка. И тогда ему ничего другого не остается, как поставить новую. С двух часов в день он перешел на пять, затем на десять, восемнадцать. Без «Торека» он погибнет, но и с «Тореком» он пропал, окончательно погиб. За шесть месяцев он постарел лет на двадцать и стал похож на тень.

В редкие дни, когда он в мире с самим собой, Симпсон сравнивает себя с царем Соломоном, у которого было шестьсот жеп и безмерное богатство, но который превыше всего ценил мудрость. Однако свою мудрость Соломон обрел, пройдя через страдания, прожив долгую жизнь, полную грехов и праведных дел. А мудрость Симпсона — плод сложного электронного устройства и видеомэгнитофона с восьмью дорожками. Симпсон это знает, и ему бывает нестерпимо стыдно. И чтобы избавиться от этого горького чувства, он снова включает «Торек». Бедняга сознает, что неумолимо приближается к смерти, но и это его не страшит. Ведь он уже испытал ее шесть раз в шести различных вариантах, записанных на шести пленках с черной этикеткой.

РЕКЛАМНАЯ КАМПАНИЯ

Вместе с ключом от номера портье вручил ему конверт. — Вам письмо, — сказал он.

Фауст вскрыл конверт, заранее зная, о чем идет речь: очередная просьба поторопиться. Он небрежно сунул письмо в карман и прошел в свой номер. Неужели они не понимают, что серьезно работать можно лишь в спокойной обстановке? Он и сам знает, что время не ждет, но некоторые задания нельзя выполнить в короткий срок. Действуешь впустую месяц-другой, а потом, когда начинаешь думать, что уже все потеряно, вдруг приходит успех. И остается только пожинать плоды тщательной подготовки.

В первый момент, поднимаясь по лестнице, Фауст решил было послать отчет, который хотя бы на время успокоил начальство. Но он тут же отказался от своего намерения — на сегодня он мог составить отчет лишь в самых общих выражениях, что взволновало бы начальство еще сильнее. Он пересек коридор, обитый розовым бархатом, и вошел в номер.

Было еще довольно рано, и спать ему не хотелось. Он сел за письменный стол и открыл регистрационную тетрадь. Да, положение не из приятных. Из двенадцати первоначальных кандидатов, отобранных со всей тщательностью в рекламных агентствах Нью-Йорка, осталось всего три. Первые девять зондажей дали поистине катастрофические результаты. Пять человек были забракованы из-за явной непригодности еще до того, как он смог перейти к сути дела. Четверо других в конце беседы реагировали на

его предложение самым отрицательным образом. Один из них, когда они сидели за столиком, начал кричать на весь ресторан и обозвал его, Фауста, шутом. Второй пригрозил вызвать полицию, а третий вообще упал в обморок. Что, если встреча с тремя последними кандидатами даст такие же результаты? Тогда придется ехать в другой город и начинать все сначала. Но его заверили, что в сфере рекламы ни один город не в состоянии конкурировать с Нью-Йорком. Если уж он здесь не сумеет найти подходящего кандидата, то насколько труднее будет это сделать, скажем, в Чикаго, Париже или Лондоне!

«Впрочем, глупо сдаваться заранее», — подумал он и решил, что самое лучшее сейчас — лечь спать. Фауст знал, что выспаться как следует ему не удастся. Он не привык к ночному шуму гигантского города. С улицы сквозь щели в жалюзи проникал свет автомобильных фар. Лучи света вычерчивали на потолке причудливые узоры, отчего Фаусту было как-то не по себе. К тому же завтрашний день обещал быть весьма трудным — ему предстояла встреча с тремя последними кандидатами.

Наконец он заснул и проспал тяжелым беспокойным сном до тех пор, пока не зазвонил телефон. Фауст поспешно оделся и спустился в бар. Попивая кофе, он перелистывал записную книжку.

Итак, первая встреча в 9.30 в помещении «Моррис компани» с господином Юджином Моррисом младшим. В свое время Юджин Моррис унаследовал от отца скромное рекламное агентство, а теперь оно стало по значимости третьим в Соединенных Штатах.

Зал ожиданий был довольно стандартным: на стенах — рекламные плакаты и медали фирм. Немного погодя курьер провел Фауста в служебный кабинет шефа. Моррис, худой, лысый, был одет весьма скромно для президента столь крупного и влиятельного рекламного агентства.

Однако Фауст с радостью отметил, что ему несвойственна механическая, заученная вежливость, присущая большинству американских бизнесменов. Он улыбался дружелюбно и открыто.

Фауст начал разговор, как обычно: вынул заранее заполненный чек на миллион долларов и положил его на стол перед Юджином Моррисом.

— К сожалению, в данный момент я лишен возможности сообщить вам название фирмы, интересы которой я представляю. Поэтому прошу вас принять этот аванс как доказательство нашей абсолютной платежеспособности,— сказал он.— А теперь, господин Моррис, позвольте задать вам несколько вопросов.

В ответ Моррис улыбнулся обаятельной улыбкой.

— К вашим услугам.

— Ваше агентство специализируется на рекламе какой-либо особой продукции или же вы рекламируете самые различные товары?

— Любые товары.

— А не согласились бы вы разрекламировать нечто такое, что публика отвергает из давних, укоренившихся предубеждений?

— С удовольствием,— ответил Моррис.— Сложные случаи — наша гордость. Вы помните историю с порошковым молоком Бебелуйа?

Фауст, понятно, не помнил, но сказал, что да, конечно, такое забыть нельзя.

— Это молоко,— продолжал Моррис,— вызвало смерть семидесяти пяти младенцев. Разразился грандиознейший скандал. И тогда фирма обратилась к нам. Мы выждали год, а потом развернули по всей стране мощную рекламную кампанию. «Бебелуйа гигантом сделает меня». Вы, разумеется, не забыли плакат, на котором изображен младенец, держащий на руках мать?

Фауст кивнул головой.

— Так вот, теперь молока Бебелуйа продают больше, чем до скандала.

— Все это так, — сказал Фауст, — но продукт, который мы хотим разрекламировать, осужден общественным мнением в силу древних предрассудков. Собственно, это даже не продукт...

— Никакой предрассудок не устоит перед техникой оккультного убеждения.

— Тем более, — заметил Фауст, — что в нашем случае речь идет о рекламе вещи объективно вполне приемлемой.

— Это не имеет значения. Я, знаете ли, закоренелый скептик.

— Простите, как вы сказали?

Моррис удивленно взглянул на него.

— Закоренелый скептик.

— В таком случае извините за беспокойство, но мы вынуждены отказаться от ваших услуг.

Моррис развел руками и возвратил чек.

О, круг смыкается — осталось всего двое.

Фауст вызвал такси и дал шоферу адрес фирмы «Фултон энд Фултон». Оставалось больше часа до встречи с Макдональдом — генеральным директором фирмы, но Фауст уже знал по опыту, что в Нью-Йорке чем раньше выедешь, тем лучше. Больше всего его поражали светофоры; он испытывал восторг и одновременно растерянность при мысли, что миллионы людей с совершенно различными вкусами, желаниями, характерами одинаково покорно подчиняются ритму красного и зеленого цвета.

Резиденция фирмы «Фултон энд Фултон» — высоченный небоскреб из стекла и мрамора — мало чем отличалась от служебных зданий аналогичного типа. В ней царил тот же дух деловитости и оптимизма.

Вначале разговор с господином Макдональдом складывался вполне благоприятно. Старый шотландец не выразил удивления даже тогда, когда Фауст упомянул о том, что, если они придут к соглашению, фирме «Фултон энд Фултон» предстоит развернуть рекламную кампанию во всем мире. Правда, ему с трудом удавалось скрыть свое любопытство, но Фауст не торопился раскрыть все карты. Прежде чем сделать конкретное предложение, он хотел установить с генеральным директором дружеский контакт.

Было обеденное время, и Фауст пригласил его в лучший ресторан города. К их столику тут же подошел метрдотель и протянул им меню. Ресторан славился изысканными кушаньями, но Макдональд заказал вареную рыбу в белом соусе.

— Как вижу, в еде вы очень скромны,— заметил Фауст.

— Отнюдь нет. Но сегодня пятница. А я очень религиозен.

Обед протекал вяло. Фауст не знал, как ему сказать Макдональду, что разговор потерял для него всякий интерес. В конце концов он принял решение быть откровенным. «Религиозность не входит в число достоинств, которые требуются от наших будущих сотрудников».

На морщинистом лице старого шотландца отразилось явное разочарование, и Фаусту это было неприятно. Оба они испытывали неловкость и, не сговариваясь, поспешили встать из-за стола.

Оставался всего один. Фаусту захотелось немедленно в последний раз испытать судьбу, и он решил отправиться в «Турриззи энд Ломбардо компани», не дожидаясь условленного часа встречи.

Внешне небоскреб рекламного агентства выглядел весьма стандартно, но стоило Фаусту войти внутрь, как он убедился, что атмосфера здесь иная. Несколько носильщиков

перетаскивали письменный стол, другие были заняты разборкой большого книжного шкафа. В коридоре шумела и волновалась группа служащих. Фауст подошел к ним.

— Где я могу видеть господина Джона Турриззи? — спросил он.

— Сегодня вам едва ли удастся с ним поговорить, — с иронией ответил один из служащих.

— Господина Ломбардо тоже нет?

— Есть-то они оба.. — промычал другой.

— Вон они. Тот, что помоложе — Турриззи, — сказала пожилая женщина.

Из комнаты в глубине коридора вышли двое мужчин и направились к выходу. Яростно жестикулируя, они о чем-то спорили. Фауст догнал их почти у самого выхода. Один из владельцев фирмы что-то доказывал, а другой слушал его с легкой усмешкой. Подойдя поближе, Фауст стал невольным свидетелем спора — Джо Ломбардо говорил так громко, что его невозможно было не услышать.

— Ерунда, дорогой мой, говорю тебе, ерунда! В нашем деле нельзя быть слишком щепетильным. Контракт был выгодным или невыгодным?

— Я не желаю иметь дело с мафией, — отвечал Джон Турриззи.

— Послушайте-ка этого ангелочка! К нам обращается вторая по влиянию после католической церкви организация, просит нас развернуть мощную рекламную кампанию с целью упрочить ее репутацию, а мистер Турриззи, видите ли, брезгует. Между тем еще вчера ты в принципе не возражал. Разве не ты мгновенно придумал гениальную рекламу: «Мафия — это правосудие на дому»? А что случилось за ночь?

— Просто я передумал.

— Но ты же отлично знаешь, — продолжал Джо Ломбардо, — что значит поссориться с мафией. Она и дня не

стала ждать. Налоговые инспекторы уже пожаловали к нам в гости.

Они вышли из здания и остановились на тротуаре, не прекращая спора. Фауст не знал, как поступить. При сложившейся ситуации, вероятно, бессмысленно даже приставать к Турриззи с вопросами.

В этот момент на противоположной стороне улицы показался человек с автоматом.

— Первое предупреждение, Турриззи,— крикнул он и дал очередь по зданию фирмы.

В нескольких метрах от них стоял полицейский. Фауст в испуге подскочил к нему.

— Вы что, не видели?

Полицейский неторопливо повернул голову и отчеканил:

— Нет, не видел.

Фауст посмотрел на двух компаньонов. Джон Турриззи улыбнулся ему печально и чуть насмешливо.

— Ты плохо кончишь, милейший, с твоими благородными помыслами! — воскликнул Джо Ломбардо. — Абсолютный кретин!

И он в ярости удалился.

Фауст подошел к Джону Турриззи.

— Религиозные сомнения?

— Нет, просто моральные принципы!

— Я не прочь выпить. Не составите ли мне компанию? Заодно поговорим об одном деле, которое может вас заинтересовать.

Они гуляли и беседовали о всякой всячине до самого вечера. Лишь когда они уселись на высоченных табуретках в фешенебельном баре, Фауст заговорил конкретно о своем предложении.

— По-моему, мистер Турриззи, вы — самый подходящий человек для того, чтобы организовать одну рекламную

компанию. Но прежде чем перейти к сути дела, должен вас предупредить, что это может вызвать неприятные последствия. Некоторое время назад мы хотели поручить это дело одному крупному рекламному агентству, но вынуждены были отказаться — иначе оно потеряло бы всех своих клиентов.

Джон меланхолически улыбнулся.

— Мне почти нечего терять.

— Вы готовы выехать сегодня же? — с живостью спросил Фауст.

Он ждал, что его собеседник, как и все другие, поинтересуется: «Куда, зачем?»

Но тот в ответ лишь молча кивнул головой.

Тем лучше — на месте будет куда легче убедить Турризи принять его предложение. Фауст подумал, что на сей раз он, пожалуй, не ошибся в выборе.

— Идемте, — сказал он своему новому знакомому.

Он подвел Джона Турризи к лифту, открыл дверцу, и они вошли в кабину. Фауст не нажал никакой кнопки, но лифт стал медленно опускаться вниз. Только теперь Джон Турризи выказал некоторое удивление, однако и тут не задал ни единого вопроса. Лифт набирал скорость. Минуту спустя он неожиданно плавно остановился. Фауст открыл дверцу.

— Прощу вас, — с улыбкой сказал он.

Они вышли на залитый солнцем пляж. На песке загорало несколько купальщиков, другие плавали в спокойном бирюзовом море. Кругом царил удивительная тишина, воздух был чист и прозрачен.

— Ни разу не бывал в этих местах, — сказал Джон Турризи.

— Это четвертый ров второго круга, — объяснил Фауст. Но, сообразив, что Турризи не понял, добавил: — Мы с вами в аду.

— Я представлял его себе совсем иначе,— бросил Джон.

— Охотно верю. Но не думайте, что весь ад таков. Некоторые рвы сохранили свои традиционные признаки. Идемте, я вам покажу.

Он взял Турриззи за руку и повел вдоль берега по горячему песку. Они подошли к высокой скале.

— Здесь должен быть вход в третий круг,— объяснил он.

За второй скалой они увидели извилистую дорожку; сюда не проникали лучи солнца, и дальше они двигались уже в полутьме. Скала заканчивалась сводом, который вел в пещеру. Они спустились вниз, и тут их взорам предстала ужасающая картина: языки адского пламени, каменные зубцы, вопли грешников, сатанинский хохот дьяволов. Мимо них с озабоченным видом прошествовал молодой дьявол. Он крикнул Фаусту:

— Жизнь прекрасна, когда есть стоящее дело, не правда ли, милейший?

— Э, да тебе и на отдыхе неплохо живется, любезнейший,— в тон ему ответил Фауст.

— Если вы сумеете хоть несколько секунд вытерпеть эту проклятую жару,— обратился он к Турриззи, — то давайте выйдем через лестницу F. Я хотел бы показать вам первый ров четвертого круга.

Они поднялись по лестнице и вскоре очутились на травянистом склоне. Здесь не слышно было адского шума, а воздух был таким же живительным и ароматным, как в горах. Они миновали холм, и пред ними возникла горная цепь, освещенная ярким солнцем. Несколько человек, сидя в траве или в тени пиний, мирно беседовали. Вдали паслось стадо, и слышался мелодичный перезвон колокольцев.

— Тех, кто предпочитает озера,— пояснил Фауст, — мы разместили в пятом рве седьмого круга. Там к их услу-

гам парусники, водные лыжи, пневматические шлюпки. Во всех обновленных рвах вы найдете разнообразнейшие виды развлечений: спектакли, балеты, танцы, можете заказать в библиотеке любую книгу. Мы изрядно потрудились, но поверьте, это было необходимо.

Они сели в густую траву. Джон сунул в рот стебелек мака.

— Очевидно, вас интересует, зачем мы все здесь перестроили? Попробую вкратце объяснить, — сказал Фауст. — Когда по целому ряду причин загробный мир разделился на рай и ад, владыки обоих царств постановили, что наверх попадут праведники, а вниз — грешники. Не так ли?

Джон Турриззи кивнул.

— Несколько веков, — продолжал Фауст, — все шло как нельзя лучше. Но затем начались споры о критериях оценки. По мнению владык рая, праведниками следовало считать тех, кто соблюдал определенные установления, а все же остальные относились к грешникам. Часто к нам в ад посылали людей, которых мы объективно считали хорошими и потому не знали, куда поместить. Не стану вам описывать всех недоразумений, приведу лишь один пример: многих грешников беспрестанно перебрасывали из одного рва в другой, а ответственный за данный ров не хотел их принимать. Все наши попытки заявить протест успеха не имели — владыки рая продолжали руководствоваться критериями, принятыми раз и навсегда.

В этот момент старик, прогуливавшийся по тропинке с книгой в руках, приветливо поздоровался с Фаустом. Тот привстал и любезно ответил:

— Добрый день, господин Вольтер.

Затем шепнул Джону Турриззи:

— Вот он, скажем, был великим человеком, абсолютно честным и неподкупным. Но, кажется, он нарушил какие-

то догматы... и его прислали к нам, в ад. Не могли же мы поместить его в ров пыток.

Турризи начал кое-что понимать.

— Конечно, для закоренелых грешников, — продолжал Фауст, — мы ничего не в состоянии сделать. Это не в нашей власти, но честным, порядочным людям, которые часто попадают к нам, мы можем кое-чем помочь. Лет двести назад мы начали пересматривать положение отдельных грешников и произвели соответствующий отбор. Одновременно мы приступили к грандиозным строительным работам. Многочисленные пещеры были разрушены, а на их месте были возведены шале и оборудованы чудесные пляжи.

— И вы хотите их разрекламировать? — сказал Джон Турризи.

— Совершенно верно, нас огорчает, что на Земле еще не знают об этих новшествах. Поэтому мы и обратились к вам.

Джон на секунду задумался.

— Это будет нелегким делом.

Фауст решил еще сильнее его заинтересовать.

— Вы получите соответствующее вознаграждение: миллион долларов сразу, не считая оплаты текущих расходов, а после смерти — вечный отдых на одном из наших курортов.

Он вынул из кармана заполненный чек и испытующе посмотрел на Джона Турризи. Потом ловко сунул ему чек в боковой карман пиджака.

— Итак, вы согласны?

— Да, но, поверьте, не ради денег.

Фауст в порыве радости обнял его. Затем проводил Джона к тому же лифту.

И Джон снова очутился в баре. У него было такое чувство, словно он только что очнулся от солнечного удара. Но чек в боковом кармане неопровержимо свидетельство-

вал о том, что случившееся не было сном. «Прежде всего необходимо собраться с мыслями, разработать план действий».

Он вышел из бара и направился в свое агентство. Привычный шум на улицах производил на него сейчас угнетающее впечатление. И этим людям, лихорадочно спешащим куда-то, он должен рекламировать ад, такой далекий для них и абстрактный?! Им овладело уныние. По силам ли ему такая задача?

Он в задумчивости подошел к зданию агентства и, подняв глаза, увидел на фасаде следы автоматной очереди. Ему показалось невероятным, что с того момента прошел всего день. Быть может, идея возникла у него, когда он смотрел на выбоины в мраморе, оставленные пулями. Как бы то ни было, он решил действовать без промедления. Впоследствии власти ада заподозрили неладное, но им так и не удалось собрать реальных доказательств.

Джон отправился в полицейское управление, где написал официальное донесение на неизвестных лиц, совершивших днем ранее вооруженное нападение на здание рекламного агентства «Турризид энд Ломбардо компани». Не забыл он сообщить и о своих подозрениях относительно мафии.

Выйдя из полицейского управления, он сел в сквере на скамейку. Выстрел на люпары* не заставил себя долго ждать. Сраженный пулей в сердце, Джон еще успел подумать, что скоро он окунется в бирюзовое море и уплывет вдаль. А потом будет сидеть на горячем песке, любуясь прекрасным до невероятности пляжем.

* Люпара — охотничье ружье. — *Прим. перев.*

УКРАДЕННАЯ ДУША

Внезапно врач задал ему странный вопрос: «Вы дорожите своей душой?» До этого визит протекал как обычно, и Зигфрид Моргентойфель ясно дал понять, что весьма сомневается в успехе. Долгие месяцы бесплодных хождений по врачебным кабинетам основательно подорвали его веру в медицину. Впрочем, к этому врачу он попал на прием впервые. Обратиться к нему Моргентойфелю посоветовал знакомый психолог. Но он почему-то сказал, что никому не следует называть имени этого врача. И теперь Зигфрид Моргентойфель подумал, что, видимо, предприимчивый медик, стремясь сильнее подействовать на пациента, умышленно окружил себя ореолом таинственности. Очевидно, и этот, казалось бы, неожиданный вопрос был отрететирован заранее.

— Разумеется, я дорожу своей душой, хотя и не слишком, — ответил он.

Врач улыбнулся.

— Надеюсь, вы не приняли меня за Мефистофеля? Речь идет о научном открытии. Правда, аппарат еще проходит экспериментальную проверку, и его применение в лечебных целях пока запрещено законом. У меня могут быть неприятности. К тому же аппарат чрезвычайно дорогой.

— Что до цены, — сухо ответил Зигфрид Моргентойфель, — то, как вам уже известно, это беспокоит меня меньше всего.

Врач выдержал эффектную паузу и затем продолжал:

— Аппарат называется Экстрактор дельта, изобретен

он совсем недавно и предназначен для извлечения души без какого бы то ни было ущерба для пациента. Но, повторяю, он еще не прошел окончательные испытания.

— Значит, чтобы избавиться от кошмаров, я должен пожертвовать своей душой?

— Совершенно справедливо, ведь больна именно ваша душа.

Зигфрид Моргентойфель растерянно потер глаза и сказал, что подумает. Он никогда не был особенно ревностным католиком, но мысль о том, что придется навсегда лишиться души, привела его в смятение.

Вообще-то рассказывать эту историю нелегко, ибо, в сущности, это две истории, в какой-то момент слившиеся в одну. Если прибегнуть к математическому сравнению, то это равносильно тому, что две параллельные прямые пересекаются в некой точке А. Нелепость, абсурд? Да, но и сама эта история абсурдна.

Итак, наступил момент, когда параллельные прямые вот-вот должны были пересечься. Два главных действующих лица, незнакомых друг с другом, едут в одном купе первого класса. У окошка сидит Зигфрид Моргентойфель, шестидесятичетырехлетний владелец пекарни в Цюрихе. Напротив устроился Винченцо Лагана, двадцативосьмилетний калабриец из селения Корильяно. Сиденья обиты желтым бархатом. У Моргентойфеля на коленях лежит газета, но он не читает. Он дремлет, прислонившись головой к спинке сиденья, его одутловатое лицо первно подергивается. Винченцо Лагана не спит, он смотрит в окно на поля и деревья. Время от времени он начинает разглядывать свои руки. Одет он с претенциозной элегантностью, свойственной богатым южанам.

Конечно, путешествовать в вагоне первого класса — это вам не шутка. Винченцо Лагане правится чувствовать себя важным синьором. Он с удовлетворением потянулся.

В купе первого класса сиденья удобные, мягкие, не то что в тот раз. Да, в тот раз... А ведь прошло каких-нибудь десять дней.

Тот вагон заполнили молодые калабрийцы, одетые так же плохо, как и он сам. Сиденья были жесткие, деревянные. Стоило на минуту отлучиться в коридор или даже в уборную, как по возвращении тебя обдавало запахом дешевого сыра, вина и пота. Во сне ты прислонялся головой к плечу соседа, а он к тебе.

Скорый прибыл на пограничную станцию Кьяссо. Слабый толчок при торможении разорвал непрочную нить сна Зигфрида Моргентойфеля. Он выпрямился и кончиком указательного пальца быстро снял желтую пленку в уголках глаз. Началась проверка паспортов. Таможенный чиновник вежливо обратился сначала к пожилому господину, затем к молодому человеку. Протягивая зеленую книжицу, Винченцо сумел притвориться уверенным и равнодушным. Чиновник небрежно перелистал листы и возвратил паспорт, даже не поставив печати.

Маневровый паровоз оттащил состав на несколько сот метров, и Винченцо вновь увидел бетонную ленту вокзала, где их выгрузили десятью днями раньше, чтобы отправить назад. Некоторые громко протестовали и ругались, рискуя угодить в тюрьму. А Винченцо сразу понял, что спорить бесполезно. Путь закрыт — Швейцарии больше не нужны итальянские эмигранты.

Каким мучительным было возвращение в переполненном вагоне! Милан. А что дальше? Одни поехали на юг, в родные места, другие, у кого не было денег, но было много надежд, остались в Милане. Остался и Винченцо Лагана. Прежде всего, решил он, надо хорошенько обдумать положение. Он пересек привокзальную площадь и зашел в большой ярко освещенный бар. Возле стойки пять-шесть человек спорили о футболе. Один из них обругал защитни-

ков команды «Турин». Лагана хотел было сказать несколько теплых слов этому болвану, но потом решил не вмешиваться — хватит с него своих неприятностей. В углу стоял музыкальный ящик. Сесть за столик — значит непременно заказать что-либо. Так не лучше ли послушать песню? Он подошел к ящику со сверкающими клавишами, выбрал песню Челентано и сунул в прорезь монету. Нажал на клавиши и тут же негромко выругался. Ну и кретин! Нажал В-15, а надо было В-14. Теперь слушай бог весть кого. С ума можно сойти, это же сказка — он по ошибке выбрал детскую пластинку. Счастье еще, что другие клиенты продолжали громко спорить о футбольном чемпионате, не то бы они посмеялись над ним от души. Но раз уж он потратил пятьдесят лир, стоит послушать сказочку. В ней рассказывалось о коте в сапогах, который помог разбогатеть своему хозяину, жалкому бедняку, нарядив его в шикарное платье. Король принял бедняка за настоящего принца и отдал ему в жены свою дочь-принцессу. Говорящий кот — ерунда какая-то. Один из болельщиков сказал, что игроки туринского «Ювентуса» — живые мертвецы. В другое время горячая калабрийская кровь Винченцо вскипела бы и не миновать бы ссоры. Ведь южане болеют не столько за Турин, сколько против Милана, города богачей, которые имеют все, чего нет у них, нищих калабрийцев. Но сейчас Винченцо лишь окинул этого глупца презрительным взглядом, его мысли были заняты котом, который помог хозяину стать богатым, нарядив его в богатые одежды.

А ведь это неплохая идея. Швейцария не хочет итальянских эмигрантов. Ну что ж, значит, нужно пересечь границу под видом богатого синьора. И Винченцо решил рискнуть всеми своими сбережениями, довольно-таки скудными, но достаточными, чтобы купить отличный костюм и билет в вагон первого класса.

Приобрести костюм оказалось делом совсем не легким,

потому что продавец магазина заподозрил неладное: обычно клиент в рваной одежде не покупает костюм за сорок тысяч лир. Винченцо пришлось вначале показать ему деньги. Помимо костюма, он купил рубашку и платок в верхний кармашек пиджака, галстук, носки, ботинки. Когда он вышел из магазина, одетый с иголки, его остановили двое полицейских и потребовали документы. Продавец тут же позвонил в полицию — он твердо знал, что, когда оборванец вдруг одевается как синьор, это означает, что он совершил одно ограбление и теперь готовит другое. Полицейские тщательно обыскиали Винченцо, но и это не особенно повлияло на его хорошее настроение. Спасло его рекомендательное письмо приходского священника бывшему односельчанину, который теперь жил и работал в Цюрихе. Больше того, встреча с полицейскими оказалась даже полезной, она позволила Винченцо усовершенствовать свой план. Один из полицейских, схватив его за руку, презрительно посмотрел на грязные ногти и мозолистую ладонь. Кот в сапогах никогда бы не допустил подобной оплошности. С такими ногтями самый роскошный костюм не поможет ему пересечь границу. Маникюрша изрядно потрудилась, но когда Винченцо вышел из парикмахерской, его пальцы нельзя было узнать.

И вот теперь скорый, миновав границу, мчится вдоль Луганского озера. Мерное покачивание вагона таит в себе опасность — оно навеивает сон и одновременно не дает заснуть. Когда поезд въехал в туннель и стук колес сменился грохотом, проснулся и Зигфрид Моргентойфель. Он посмотрел на часы и попытался снова забыться сном. Но это ему не удалось. Тогда он взял лежавшую на коленях газету и стал рассеянно просматривать первую страницу. Читать не хотелось. С минуту он разглядывал своего соседа по купе. Наверняка итальянец. Одет довольно безвкусно, но если бы все итальянцы были такими же аккурат-

ными и презентабельными, не существовало бы и его проблемы.

А его проблема — итальянские эмигранты, которых он принял на работу в пекарню. Тогда-то и начались ночные кошмары, нервное истощение и бесконечные визиты к врачам. Первое время он испытывал лишь смутное чувство неприязни. Ему было противно смотреть на этих черных волосатых оборванцев. Его раздражала их манера тараторить на своем тарабарском наречии, и эта их привычка вечно собираться в круг. Не говоря уж о варварском обычае носить в кармане нож.

Он всячески пытался избавиться от этой напасти, но его неприязнь к итальянцам все усиливалась.

В газетах писали, что наплыв итальянских эмигрантов с юга грозит нарушить этническую структуру Швейцарии, и это очень беспокоило Зигфрида Моргентойфеля. Его мучили угрызения совести — ведь он один из тех, кто невольно помогает создавать подобную диспропорцию.

У них и слуха-то нет. А еще говорят, что все итальянцы музыкальны от природы. Сплошное вранье — когда они поют хором, то это похоже на рев пьяных ослов. И все-таки хуже всех Риччапулли, иссиня-черный, словно бедуин, грязный, вульгарный, охочий до женщин, к тому же наглец, каких мало.

Всех их уволить? Легко сказать. А кто будет работать в пекарне? С некоторых пор швейцарцы предпочитают не заниматься тяжелым физическим трудом. Нет, он не мог их уволить. Они это прекрасно знали. А он, Моргентойфель, знал, что они это знают, и оттого ненавидел их еще сильнее.

Однажды ему приснилось, что Риччапулли уцепился за бок белокурую работницу, и тогда он хорошенько отлупил нахального итальянца. Утром он проснулся в превосходном настроении — его лишь разочаровало, что это был сон.

Потом, быть может от переутомления, а возможно, от чрезмерного нервного напряжения, его сны стали все более беспокойными и тревожными. К Риччапулли прибавились другие итальянцы, и теперь он не только избивал их, но и бросал живыми в печь и со сладострастием глядел, как в огне они, наконец, из черных становились черно-красными. Впрочем, эти ночи еще нельзя было назвать кошмарными. Больше того, они были своего рода отдушиной, выхлопным клапаном, благодаря которому находили выход (и при том безболезненный) переполнявшие Моргентойфеля чувства.

Но внезапно канва сновидений изменилась. Случилось это однажды вечером, когда на ужин он поел жареного перца с рисом. Едва он заснул, как очутился в зале суда. На нем был серо-зеленый арестантский костюм. Судья, толстый, безликий человек в штатском, не говорил, а кричал: «Вы обвиняетесь в умерщвлении тысячи итальянцев. Что вы можете сказать в свое оправдание?» Присутствовавшие в зале негодовали. Кто-то крикнул: «Убийца!» Судья повторил вопрос, стукнув деревянным молотком по столу: «Что вы можете сказать в свое оправдание?» Его адвокат, сухой, морщинистый старик, подошел к нему и, брызгая слюной, прохрипел: «Скажите, что вы действовали согласно приказу вышестоящих властей». Судья громовым голосом рявкнул: «Отвечайте же!» «Я выполнял приказание». Жирный судья покрутил в воздухе молотком и вновь с яростью стукнул им по столу. «Ах, приказ! Все убийцы так говорят».

Зигфрид Моргентойфель подскочил в постели, словно его ударили электрическим током. Какое-то время он тешил себя надеждой, что виною всему жареный перец, но, увы, он ошибался. На четвертую ночь сон повторился и уже больше не оставлял его, всегда один и тот же, безмерно страшный. Менялось лишь число убитых — с каждым

разом оно все возрастало: две тысячи, пять, двадцать тысяч. И в конце неизменно: «Все убийцы так говорят».

За несколько месяцев Зигфрид Моргентойфель катастрофически похудел. Врачи выписывали ему какие-то дурацкие лекарства, советовали отдохнуть, ничего лучшего придумать не могли. Теперь приближение ночи приводило Зигфрида Моргентойфеля в содрогание. Он пробовал обращаться к другим врачам — никакого эффекта. Лишь доктор Гольдентойфель, единственный из всех, предложил нечто конкретное: Экстракт дельта. Но слишком уж подозрительный тип, этот Гольдентойфель. И потом, где гарантия, что он сможет жить без души, не испытывая неприятных ощущений?

С каждым новым сном росло число убитых итальянцев: сорок тысяч, пятьдесят, сто тысяч. Кошмары стали преследовать Моргентойфеля и днем. Если взгляд его случайно падал на молоток, он тут же вспоминал деревянный молоток грозного судьи. Однажды он буквально опозорился на официальном приеме в муниципалитете — в момент, когда произносились тосты, он заметил, что пожилой ассессор похож на сухого, морщинистого адвоката. Ему стало нехорошо, пришлось уйти с приема.

Не помогали ни специальный курс лечения, ни рентгенотерапия, ни таблетки. Искушение вновь сходить на прием к Гольдентойфелю было очень велико, но он решительно отверг саму мысль об этом. Как-то в газете ему бросилась в глаза заметка о знаменитом шведском специалисте по психоанализу, творившем чудеса в лечении невроза. Он отправился в Стокгольм. Лекарство, которое ему прописал шведский профессор, принесло облегчение всего на одну ночь. Затем снова начались кошмары. Теперь число убитых достигло пятисот тысяч. Оставался один выход — Экстракт дельта. Когда искушение доводит вас почти до испуга, всегда находится уловка, чтобы сдаться, при-

творяясь, будто вы сопротивляетесь. Уловка эта изящно именуется компромиссом. Механизм предельно прост — он ничем не отличается от автомата с прорезью, только вместо жетона вводится словечко «если»: я твердо решил отказаться, поищу-ка другие возможности; лишь в том случае, если и эти попытки окажутся безрезультатными, я отвечу «да». Но это будет «да» с весьма серьезной оговоркой, ибо оно обусловлено целым рядом «если».

Он снова отправился к Гольдентойфелю. В этот раз кабинет врача не произвел на него такого мрачного впечатления, как прежде. И все-таки ему подействовала на нервы самодовольная улыбка Гольдентойфеля, встретившего его словами: «Я знал, что вы решитесь».

— Я еще ничего окончательно не решил, — сказал Зигфрид Моргентойфель. — Вначале я хотел бы кое-что уточнить.

— Всегда к вашим услугам, — врач почтительно склонил голову.

— Я хочу хорошенько отдохнуть, месяца два, не меньше. Быть может, длительный отдых поможет мне избавиться от кошмаров.

— Превосходная идея.

— Если уж и отдых не принесет мне облегчения, я прибегну к Экстрактору дельта. Однако я намерен сам выбрать место и время. Могу ли я купить аппарат и затем, в случае нужды, сам, без вашей помощи, воспользоваться им?

— Прошу вас, вот инструкция, аппарат очень прост и удобен в обращении.

И врач вынул Экстрактор из белого пластмассового футляра.

— Одну минуту, — остановил его Зигфрид Моргентойфель. — Мне требуется еще одна гарантия. Видите ли, у меня нет ни малейшего желания остаться без души. Поз-

воляет ли ваш аппарат обменять мою душу на душу другого человека?

— Конечно, конечно,— заверил его Гольдентойфель. И тут же убедительно посоветовал никому не показывать Экстрактор, ибо это может вызвать серьезные осложнения.

Наконец он назвал цену. Цифра была совершенно фантастическая, но больной вручил требуемую сумму без малейших возражений.

От врача он ушел в превосходном настроении. Так или иначе, но его мучения прекратятся. Местом отдыха он выбрал Италию. И не случайно — путешествие по этой стране позволит ему познакомиться с итальянцами из высшего общества, и тогда он, возможно, сумеет преодолеть отвращение к итальянским рабочим из пекарни.

Он посетил Капри, Таормину, Гаргано и другие знаменитые курорты, где отдыхают и развлекаются приличные, состоятельные люди. Правда, на улицах встречались и нищие, но здесь они были живописной деталью пейзажа, элементом фольклора. Тут все помогало забыть о горестях и бедах. Однако исчезнут ли кошмарные сновидения? Первое время ему снилось все то же убийство итальянских эмигрантов, но постепенно сны становились более расплывчатыми, туманными. Однажды ночью безликий судья предстал пред ним в купальном костюме, вместо молотка он держал в руке резиновую надувную утку. А затем ему и вовсе перестали сниться рабочие-итальянцы; два месяца полного спокойствия. И теперь Зигфрид Моргентойфель, довольный, умиротворенный, возвращался в скором поезде в родной Цюрих. В багажной сетке в чемодане из крокодиловой кожи покоился Экстрактор дельта. Он так и не вынул его из футляра. Выброшенные на ветер деньги, и все-таки это лучше, чем ночные кошмары.

До прибытия в город оставалось еще несколько часов. Зеленый, однообразный пейзаж навевал сон. Солнце за-

шло, и стук колес стал более размеренным. Контролер бесшумно открыл дверь. С минуту он подождал, не проснутся ли оба пассажира, но те не просыпались. «Эти хорошо одетые господа не из тех, кто ездит зайцем», — подумал контролер и, решив не будить их, осторожно закрыл дверь.

Зигфрид Моргентойфель проснулся внезапно, негромко вскрикнув от испуга. Но Винченцо Лагана спал так крепко, что ничего не слышал. Старый предприниматель закрыл лицо руками. Кошмарное видение, снова кошмарное видение! И на этот раз отчетливое до ужаса.

Среди свидетелей обвинения Моргентойфель сразу же узнал Риччапулли. Он сидел рядом с белокурой работницей-швейцаркой, и та тоже крикнула ему: «Убийца!». Нет, от этого кошмара никуда не спрячешься. Мирные сны на отдыхе были всего лишь кратковременной иллюзией. Зигфрид Моргентойфель мгновенно взмок, словно только что пробежал стометровку. Задышавшись, он поднял голову и с завистью посмотрел на своего попутчика, спавшего сном праведника.

Решение пришло тут же, и с этой минуты он действовал автоматически. Он встал, дотянулся до чемодана, открыл замок и ощупью отыскал среди вещей пластмассовый футляр. Вынув Экстрактор дельта, он снял колпачок и ослабил винт. Он столько раз читал инструкцию, что теперь делал все механически. Два шнура заканчивались маленькими присосками. Один из них Моргентойфель закрепил на запястье своей левой руки, другой — на запястье правой руки Винченцо Лаганы. Затем опустил рычаг и нажал белую кнопку. Он не ощутил ничего, кроме легкого покалывания. В инструкции было сказано, что в короткие минуты извлечения души у него возникнет такое же чувство усталости, какое обычно испытывает донор. Зигфрид Моргентойфель терпеливо ждал, когда загорится зеленый глазок — знак того, что взаимный обмен душами закончен.

В его затуманенном мозгу вяло шевелилась мысль: «Интересно, что я почувствую в этот миг?» Но что это? Молодой человек проснулся, вскочил и сунул руку в карман. Молниеносный взмах руки, блеск лезвия, и Зигфрид Моргентойфель вдруг увидел на груди кровь, свою собственную кровь. А затем пустота, холод смерти — душа Моргентойфеля и нож Винченцо Лаганы совершили убийство.

Полиция, разумеется, верила лишь документам. Молодой человек по имени Винченцо Лагана, уроженец селения Корильяно, был арестован.

Наутро швейцарские газеты сообщили, что трагический эпизод — новое доказательство роста преступности, вызванной наплывом итальянских эмигрантов. Некоторые ультраправые организации предложили ввести смертную казнь, но для одних иностранцев.

Убийца знал, что он не Винченцо Лагана, а Зигфрид Моргентойфель, но и не подумал заявить об этом. Отчасти потому, что не сомневался — ему все равно не поверят, отчасти же потому, что был даже рад, что это убийство вновь привлекло внимание общественности к тяжким последствиям все возрастающей эмиграции итальянцев. Этих варваров, принесших ему столько бед.

НЕОБЫЧНЫЙ АНГЕЛ

Больше всего его печалило отношение коллег. Они словно воздвигли перед ним стену. Стену, сложенную из уважения и одновременно антипатии. Добрый день, добрый вечер, да еще несколько дежурных фраз, без которых невозможно работать в одной и той же канцелярии. А их взгляды недвусмысленно говорили: «Нам наплевать, что в прошлом ты занимал важные посты, здесь все равны».

Но ангел Епифаний ничего другого и не желал. А вот коллеги, угнетаемые комплексом неполноценности, упрямо относились к нему совсем иначе, чем друг к другу. Первое время Епифаний попытался завязать со всеми дружеские отношения, но вскоре убедился в тщете своих усилий. И за ним прочно утвердилась слава гордеца. Он делал вид, будто это его не трогает, но втайне очень переживал. Дабы не ухудшить окончательно своего положения и желая убедить коллег, что он вовсе не карьерист и не собирается кого-либо обскакать, Епифаний преднамеренно не проявлял служебного рвения. Впрочем, если тебя в наказание перевели из ангела-хранителя в ангела-кладовщика, о карьере даже думать смешно. В результате коллеги пришли к выводу, что ангел Епифаний уваливает от работы. Но он предпочитал слыть бездельником, чем гнусным карьеристом. Поэтому он был неприятно удивлен, когда вице-архангел, ревизор складов, подошел к нему и громко сказал:

— У меня есть для тебя одно деликатное поручение.

Вице-архангел обратился именно к нему, Епифанию, по той простой причине, что ему нравилось приказывать тому, кто совсем недавно был одним из самых уважае-

мых ангелов-хранителей. Однако коллеги наверняка решат, что он ловко плел интриги в надежде раньше срока добиться повышения по службе. О господи, как нелегко жить в раю!

— Епифаний, тебе надо проверить все книги, имеющиеся на складах, и отобрать произведения писателей-юмористов,— объявил вице-архангел.

— Юмористов? Но я не думаю, что...

— Коль скоро на складах их не окажется, тебе придется поискать в других местах, если понадобится, даже на Земле.

На Земле. Его коллеги хранили абсолютное молчание, но при слове «Земля» они вскинули глаза и обменялись многозначительными взглядами.

Епифаний легко угадал их мысли. Они, бедняги, работали на складах с самого начала вечности, и дутешество на какую-нибудь планету было их тайной мечтой. Было бы просто чудом, если бы одному из них выпала столь великая удача! И вот, когда вдруг представилась такая возможность, на Землю посылают именно его, ангела Епифания. А ведь он и так провел на ней тысячи лет и, конечно, не жаждал вернуться туда в роли старьевщика.

Но, увы, выбора не было. Епифаний не питал на этот счет никаких иллюзий — он прекрасно знал, что на райском складе юмористических книг быть не могло. Смеху, порождаемому столкновением двух противостоящих реальностей, вход в рай был закрыт. Смех — явление, присущее только человечеству, и он является типичным доказательством несовершенства человеческой природы. В раю, этом царстве абсолюта, не может произойти столкновения двух противостоящих реальностей, ибо в нем господствует единственная и безраздельная истина. Это так же просто и неопровержимо, как дважды два — четыре. Поэтому в раю днем с огнем не сыскать книги писателя-юмориста. Но

приказы свыше не обсуждаются, сколь бы нелепыми они ни были.

Епифаний спустился на нижнее облако и стал рыться в пыльных шкафах, пребывая в отвратительном настроении. Ведь этим вечером ему не удастся предстать Хосефе во сне. А эти вечерние «свидания» стали для него единственной услугой. Листая каталог на букву А, он вспомнил каштановые волосы и черные глаза Хосефы. Эта тоненькая девушка из Барселоны была последним живым существом, порученным его заботам, когда он еще служил ангелом-хранителем. Как и тысячи других мужчин и женщин, она пользовалась его покровительством с самого дня рождения. Девочкой она, помнится, не блистала красотой — все ее лицо было усыпано веснушками. Но лет в шестнадцать Хосефа внезапно расцвела. Епифаний до сих пор не забыл, какой страх и растерянность охватили его в тот день, когда он понял, что влюбился в девушку. Влюбился до безумия. Такого не случалось с незапамятных времен. Ни один ангел-хранитель не влюблялся в девушку. Любовь для ангелов — страшное зло, отступление от незыблемых канонов; ведь они бесполоы и неподвластны чувству любви. Между тем — одному богу известно, как это могло произойти, — Епифаний, уважаемый ангел-хранитель, влюбился в Хосефу. Но влюбленный ангел-хранитель — это бессмыслица, неопровержимое доказательство явного нарушения установлений. Епифаний понимал это. И он понял также, что его долг — попросить себе замену.

Однако правила крайне суровы, они не позволяют заменять ангела-хранителя. Епифанию пришлось повторить свою просьбу. Его поведение было истолковано как непослушание, тем более что он не сумел объяснить причины своего необычного прошения. Да, но что, собственно, он мог объяснить? Что спустя тысячелетия он внезапно испытал чувство любви, почувствовал себя отнюдь не бес-

полым существом? В подобных вещах нелегко признаться даже самому себе.

Епифаний поставил на место том каталога на букву А и снял с полки другой — на букву Б, подняв целое облако пыли. Бессмысленная работа была ему не по душе. Она не требовала сосредоточенности, и Епифаний беспрестанно отвлекался.

Ему припомнился неприятный эпизод, когда его дело разбирал третейский суд архангелов. Ему было сообщено, что, если он не разъяснит причин, побудивших его отказаться от миссии ангела-хранителя сеньориты Хосефы Альварец, его ждет изгнание из рая. Однако он упрямо стоял на своем. Он готов был на любые муки, лишь бы не оказаться в неестественном и двусмысленном положении. Учитывая прежние заслуги Епифания, его оставили в раю, но перевели на самую низкую ангельскую должность.

Епифаний отложил и второй том каталога; разумеется, он не нашел ни одного названия юмористического произведения. Он невольно задал себе вопрос, зачем начальству понадобились такого рода книги, но тут же усилием воли подавил любопытство. Отныне он всего лишь жалкая пешка и должен вести себя соответственно. Он стал поспешно перелистывать следующие тома.

Когда он добрался до буквы Т, то обнаружил, что потратил меньше времени, чем было положено. Значит, если он закончит работу намного раньше срока, то, возможно, успеет явиться Хосефе во сне. Эти встречи стали для него единственной целью жизни. Лишь они вознаграждали его за полнейшую изоляцию, в которой он очутился.

Ангел Епифаний захлопнул последний том. Обычно, прежде чем явиться девушке во сне, он приводил себя в порядок — причесывал волосы и надевал самые лучшие крылья. На сей раз ему не хватило времени. Увы, он предстанет перед Хосефой в своем старом наряде, да еще запо-

рошенном пылью. На миг он сосредоточился, произнес магическую формулу и очутился в комнате девушки. Хосефа и во сне сохраняла грацию и гармоничность, ее темные волосы разметались по подушке.

С той минуты как он отказался от своих обязанностей, Хосефа была поручена заботам другого ангела-хранителя, но Епифаний знал, что бояться ему нечего. Согласно установлениям, ангелы-хранители должны были проверять сны своих подопечных. Однако, по старой традиции, никто этого не делал. Имеет же право и ангел-хранитель отдохнуть хоть в ночные часы!

На следующее утро Епифаний явился в канцелярию вице-архангела, старшего ревизора, чтобы доложить ему о безрезультатности своих поисков. Само собой разумеется, вице-архангел велел ему отправиться на Землю.

— Ты должен купить двадцать восемь миллионов юмористических произведений известных авторов.

Ангел Епифаний еще не научился молча подчиняться любым приказаниям. Невероятная цифра заставила его подскочить.

— Двадцать восемь миллионов? — повторил он, решив, что не расслышал слов вице-архангела. Чтобы купить такое фантастическое количество книг, ему придется пробыть на Земле не меньше двух недель. Значит, целых пятнадцать дней он не сможет видаться с Хосефой. Ведь пока ангел выполняет официальную миссию, никакое тайное заклинание не поможет ему явиться кому-либо во сне.

— Двадцать восемь миллионов, — подтвердил вице-архангел.

Задай ему подобный вопрос любой другой ангел-кладовщик, он бы не преминул добавить: „Постарайся с первого раза понять, что тебе говорят“. Но к ангелу Епифанию он испытывал чувство некоторого почтения. И вообще появление в его отделе бывшего ангела-хранителя

придало больший вес подвластному ему учреждению. Поэтому он даже доверительно поведал Епифанию:

— Книги — лишь составная часть обширной программы новшеств. Я не должен был тебе этого говорить, но похоже, что высшие власти хотят предоставить блаженным право на смех.

— Смех в раю? Это же противоречит понятию абсолюта! — не удержался Епифаний.

И в тот же миг сообразил, что допустил оплошность. Вице-архангел не любил углубляться в философские дебри; он нахмурился и сухо сказал:

— Не нам обсуждать приказы вышестоящей власти, — и дал понять, что разговор окончен.

Э, нет, слишком просто в любом случае прикрываться приказом. Епифаний решил разузнать все до конца. Он отправился в центральное управление и попросил аудиенции у старшего серафима. Собственно, ему нечего было терять — в худшем случае серафим откажется его принять, и тогда он обратится к кому-либо другому. В какие-нибудь несколько минут он превратился в прежнего энергичного ангела-хранителя.

Неужели власти отважились на столь ответственный шаг? Ему лично было совершенно все равно, позволят ли блаженным смеяться или нет. Но он хочет знать, с какой целью все это делается.

Старший серафим, разумеется, был занят. Его принял помощник старшего серафима, очень деловой и любезный чиновник. Он ничуть не удивился, что Епифанию известно, для чего потребовалось закупить романы писателей-юмористов.

— Видите ли, — сразу же приступил он к объяснениям, — последние опросы показали, что популярность рая среди людей резко упала. Более того, даже блаженные не ценят в полной мере своего счастья. Будем говорить от-

кровенно — им в раю скучновато. Прежде для их полного блаженства достаточно было звуков арф, но теперь нужно придумать нечто совсем иное. Конкуренция очень сильна, и если мы хотим победить, необходимо шагать в ногу со временем, воздействовать прежде всего на фантазию. Мы начнем с раздачи юмористических книг и организуем большие представления, словом, постараемся всячески скрасить блаженным пребывание в раю.

— Все это не вызывает сомнений, — ответил Епифаний, — но мне кажется, что недостаточно просто раздать юмористические книги. Одно это не пробудит у блаженных способности смеяться. К тому же вам прекрасно известно, что смех противоречит понятию абсолюта. А на этом принципе основано...

— Конечно, — прервал его помощник серафима, — мы это учитывали. Нам ли не знать, что в царстве небесном господствует абсолютизм? Но почему бы не влить в души блаженных малую дозу относительности, ну, скажем, два процента. Мы сохраним девяносто восемь процентов абсолюта, и одновременно блаженные обретут способность к смеху. Мои доводы убедили вас?

— Простите, — возразил неугомонный Епифаний, — но абсолютизм — это абсолютизм, не так ли?

— Э, перестаньте, — вежливо упрекнул его чиновник. — Нельзя так жонглировать словами. — И, внезапно протянув ему руку, ледяным тоном произнес: — Счастливого пути.

Епифаний вышел от помощника серафима, негодуя на самого себя. С какой стати ему вздумалось лезть не в свое дело? Откровенно говоря, его мало беспокоили будущее рая или неизбежность понятия абсолюта. Его действиями руководила любовь к логике. Он ненавидел любые приблизительные выводы и решения. Как можно совместить абсолютизм с относительностью? Впрочем, им виднее.

«Но теперь и вправду жди чудес», — не удержался от злорадной мысли бывший ангел-хранитель.

На следующий день он отправился на Землю, полный самых радужных надежд. За ночь он до мельчайших подробностей обдумал хитроумный план. Все свои дела он выполнит за неделю, а вторую неделю проведет в Барселоне, родном городе Хосефы. Важных чиновников рая он убедит, что Испания, и особенно Барселона, стала главным центром книжной торговли. А пока что он одну за другой облетал столицы крупных государств. Издатели и книготорговцы из кожи лезли вон, стараясь его угодотворить. Ведь он заказывал совершенно невероятное количество книг.

У Епифания зародилось даже подозрение, не вступил ли кто из чиновников небесной канцелярии в сговор с издателями, задумав изрядно нажиться на операции «Юмор». Однако конкретных доказательств у него не было, и он предпочел не доискиваться правды.

И вот, наконец, он в Барселоне. Неделя, проведенная в этом городе, принесла ему и радости и муки.

Ангелам категорически запрещено принимать человеческое обличье, за исключением тех случаев, когда это диктуется целями их секретной миссии. Поэтому Епифаний мог наблюдать за Хосефой, лишь оставаясь невидимым. Девушка посещала лекции в университете, и ее всегда окружали однокашники. Для Епифания это было причиной невероятных мучений. Почти все студенты были, как видно, бунтарями; время от времени они собирались на митинги и выкрикивали какие-то непонятные лозунги. Каждый раз полиция немедленно пускала в ход дубинки и разгоняла демонстрантов. Новый ангел-хранитель Хосефы был явный глупец и бездельник — он преспокойно позволял ей быть в самой гуще схваток с полицией. А ведь девушке вполне могли дубинкой проломить голову.

Как-то Епифаний с чердака наблюдал за сходкой студентов. Он не столько следил за их речами (а они все говорили о политике), сколько не спускал глаз с обожаемой Хосефы. Она тоже произнесла взволнованную речь, и ей дружно аплодировали. Когда она вернулась на свое место, к ней подошел худой, темнокожий студент. Епифаний придвинулся поближе.

— Бесполезно настаивать,— говорила Хосефа,— ты мне нравишься, но я в тебя не влюблена.

— Ты влюбилась в другого?

— Может быть, и так.

Больше она ничего не сказала, но и это «может быть» звучало для ангела приятнее райской музыки.

Он вернулся в рай преисполненный самых нелепых грез.

За удачную покупку книг он удостоился всеобщих похвал. Старший серафим поблагодарил его за хорошую работу.

Все книги были занесены ангелами-кладовщиками в каталог, а затем центральное управление приказало раздать блаженным творения знаменитых юмористов Марка Твена, Джерома К. Джерома, Вудхауза и других.

Как и следовало ожидать, никто из них не смеялся — ведь в раю царила атмосфера абсолюта. Но все было предусмотрено заранее. Напротив центрального управления была смонтирована установка для распространения духа относительности. Так как установка была весьма сложной и даже единственной в своем роде, приводить распылитель в действие могли исключительно старший серафим и служащие его канцелярии.

Была организована простая, но весьма впечатляющая церемония. Святой Петр потянул за шнур, и мгновенно упало белое покрывало, которым был задрапирован огромный фонтан. Вдоль фонтана стояли двадцать блаженных с книгами писателей-юмористов в руках. Все они были по-

гружены в чтение. И тут в действие вступил распылитель относительности. Вначале ровным счетом ничего не произошло. Потом на лице блаженного, который читал «Гаргантюа и Пантагрюэля», дрогнул мускул и судорожно колыхнулся живот. Другой блаженный, державший в руках томик Альфонса Доде, издал странный гортанный звук — так некогда смеялся человек, еще не научившийся смеяться. Спустя несколько секунд вся группа подопытных чтецов уже буквально задыхалась от смеха. Первым рухнул низенький блаженный, который читал Стерна. Внезапно он утратил ореол и белую тунику, принял вид и форму человека и с оглушительным хохотом полетел к Земле. За ним устремились второй и третий блаженные. Облака-подпорки стали расползаться. Всех присутствующих охватила паника. Кто-то понял, что происходит, и у него достало присутствия духа крикнуть:

— Отключите распылитель!

И тут ангела Елифания осенило. Прежде чем техники канцелярии старшего серафима догадались выключить распылитель, Елифаний бросился под струю относительности. Его обдало фонтаном брызг. Он почувствовал, что обретает весомость и форму человека, и стремительно полетел к Земле.

«Только бы упасть неподалеку от Барселоны», — подумал он. Мимо проплывали облака. Он камнем падал вниз и был счастлив.

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ГРАДУСОВ ПО ЦЕЛЬСИУ

Как обычно, первым, кого встретил Нико, выйдя из дома, был агент ВМО. Худой, морщинистый, он был одет в амарантовый комбинезон и накидку, ниспадавшую на плечи и собиравшуюся в складки, словно закрытый шелковый зонтик. Этот тип, по имени Эспозито, с тоненькими усиками и пучком волос возле уха, отвечал за весь район и лез буквально в каждую дыру, как, впрочем, и все другие агенты ВМО.

Нико остановился шагах в десяти от него и аккуратно застегнул пальто. Он чувствовал себя превосходно: на голубом небе ни облачка, в меру тепло — самое время для прогулок малышей в городском парке. И все же, увидев Эспозито, Нико машинально поднял воротник пальто.

— Добрый день, — поздоровался Эспозито.

Нико в ответ помахал рукой и хотел было улизнуть, но бдительный агент ВМО схватил его за рукав.

— Набрюшник надели?

— Конечно, конечно.

— А теплую майку?

— Тоже.

— Отлично, — невозмутимо сказал представитель ВМО. — Советую вам, синьор Берти, остерегайтесь холодов. Апрель — месяц коварный. А главное, не снимайте пальто, иначе не миновать штрафа.

— Не беспокойтесь, уважаемый синьор агент, все правила будут соблюдены.

Он поспешно отошел, чуть не угодив под стремительную голубую машину. Нико проводил ее завистливым

взглядом. Слева по сверкающей полосе из стеклопластика мчались левакары, большие и маленькие, новые и уже устаревшие. Но даже самые маленькие и вышедшие из моды были прекрасны и комфортабельны. Желтый, красный, опять желтый; краски такие яркие, что даже в глазах рябит. Нико снова тяжело вздохнул. Медленными, словно заученными шагами он одолел пятьдесят метров, отделявших его от остановки, и прошел под навес, где человек тридцать-сорок нетерпеливо ожидали элибуса. Крупный, пожилой мужчина попытался преградить ему дорогу, но Нико, старательно работая локтями, все же пробился к самому краю навеса. Когда подошел элибус, Нико оттолкнул стоявшую чуть впереди женщину и первым вскочил на подножку. Рядом кто-то выругался.

— Такое возможно только у нас, в Италии,— возмутилась полногрудая синьора.

— Наглец! — поддержал ее старик в роговых очках. — Если вы так торопитесь, взяли бы такси-левакар.

Кто-то больно толкнул Нико в бок — это паренек лет шестнадцати, пытаюсь пролезть вперед, задел его фибровой папкой. Автоматическая дверь элибуса захлопнулась, и в ней застрял чей-то зонтик. Сосед Нико негромко рассмеялся. Элибус тронулся, оставив на остановке более двух десятков человек, грозно воздевавших ввысь руки.

Нико с трудом протиснулся мимо толстухи, в отместку толкнул в спину мальчишку с папкой и наконец пробрался в середину вагона, где народу было поменьше. Держась правой рукой за поручни, он, как и каждое утро, принялся разглядывать рекламные объявления, которыми были оклеены все стены элибуса. Собственно, он давно выучил их наизусть: «Я сплю на пневматических подушках Лишемин», «Покупайте уцененные левакары «джулия-гамма», «Нет ничего лучше пневматических подушек Лиреппи»... И снова левакары, левакары различных марок и типов —

«демергес», «дорф», «троечин». Целая галерея, от которой невозможно отвести глаз.

Ты решил остаться
червяком
на всю жизнь?
Нет.
Тогда что же ты медлишь
с покупкой «троечина»?
«Троечин»!
70 000 лир в месяц
без залога
«троечин»!
Левакар, который летит
и побеждает!
«Троечин»!
«Троечин»!
«Троечин»!

А чуть пониже:

Друг, проснись.
Если ты любишь
нестись как вихрь,
Купи левакар «джулия-гамма» —
280 километров в час.
Машина, одобренная
ВМО.

Опять ВМО — Всеобщее медицинское объединение! От него никуда не спрячешься. Его контролеры и агенты настигнут тебя повсюду. И заставят платить штраф.

Нико повернулся, но и на противоположной стороне элибуса огромными красочными буквами было выведено:

Гражданин,
ты уверен,
что твоя совесть чиста?
Послушай совета ВМО:
проверь,
захватил ли ты
тюбик аспирина.

Эти свиньи и в рекламе чувствуют себя как боги. Нико невольно пощупал, лежит ли в кармане аспирин.

Не говорите,
что забыли
термометр
в кармане
другого пиджака.
Это жалкое
объяснение.
У кого при контроле
не окажется
термометра,
тот не избежит штрафа
в триста восемьдесят лир.

Нико приложил руку к груди — термометр на месте, в нагрудном кармане, вместе с карандашом и расческой.

Помогите нам
обслужить вас еще лучше.
Помните:
поливитамины
два раза в день.

Нико фыркнул. Он искал стеклорегулятор, но тут на его плечо легла чья-то рука.

— Что вы хотите сделать? — вежливо, но твердо спросил человек, стоявший рядом.

— Открыть окно, — ответил Нико. — В элибусе адская жара.

Незнакомец посмотрел ему прямо в глаза, потом покачал головой.

— Окно открывать не положено.

Нико усмехнулся.

— Вот это здорово! Я задыхаюсь и не могу, видите ли, открыть окно. Вам-то какое дело до всего этого, черт побери?

— Довольно, хватит, — сурово сказал незнакомец. Он

вынул из кармана билет и потряс им перед носом у Нико.

— Я контролер первого класса ВМО. Довожу до вашего сведения, что, согласно статье пятой соглашения между Всеобщим медицинским объединением и компанией городского транспорта, окна элибусов остаются закрытыми до 31 мая. А сейчас апрель. Вы член Объединения, не так ли?

— Да,— упавшим голосом ответил Нико.

— Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

— Но... при чем тут мои документы?

— Повторяю, предъявите документы. Удостоверение личности, санитарную карту и трудовое соглашение.

— Это неслыханно! Только из-за того, что я хотел открыть окно...

— Водитель! — крикнул контролер. — Остановите, пожалуйста, машину. Я должен сойти и произвести проверку.

Водитель затормозил, и они спрыгнули на мостовую. Автоматическая дверь мгновенно захлопнулась, и элибус умчался под насмешливые возгласы пассажиров.

— Следуйте за мной.

— Но я опоздаю на службу, до начала работы осталось десять минут.

Контролер ВМО втолкнул Нико в пустынный двор.

— У меня все в порядке,— сказал Нико, протягивая ему документы. — Вот термометр, вот тубик аспирина, вот таблетки от кашля, а это витамин С, витамин В-12, антисептическое средство, лейкопластырь, тальк, пакет антибиотиков. Все на месте. Вы не имеете права меня штрафовать.

Агент ВМО проверил все тщательнейшим образом.

— А набрюшник? — спросил он, буравя Нико глазами.

— Послушайте, я опаздываю. Мое министерство на площади Фламини. Если я не попаду в следующий элибус, мне не успеть вовремя.

— Набрюшник? — повторил контролер.

— О господи! Я надел и набрюшник, и плотную майку, и шерстяные носки.

Нико расстегнул пальто и пиджак, поднял пуловер и рубашку.

— Смотрите, уважаемый синьор. Вот майка и набрюшник.

Контролер вынул блокнот и принялся что-то записывать.

— Вас полезно держать под особым наблюдением,— сказал он.

— За что? Я никаких правил не нарушил.

— В данный момент. Однако ваша попытка открыть окно элибуса — явный симптом опасных тенденций. Я сообщу о вас в Главную контрольную комиссию. Идите.

Нико бросил на него злобный взгляд, сунул в карман термометр, тубики с лекарствами и документы и помчался на остановку элибуса. Под навесом уже толпились люди. Нико сделал резкий рывок и вихрем ворвался в толпу ожидающих. Невероятным усилием ему удалось схватиться за ручку двери и втиснуться в отходящий элибус.

Чуть отдышавшись, он отер ладонью пот со лба и посмотрел через окно на дорогу. А по ней неслись сверкающие левакары: красный, желтый, голубой, белый, снова желтый, красный, голубой. Нико на миг зажмурил глаза, а когда вновь их открыл, то сразу же устался в потолок. Но и тут его настигла красочная реклама «троечина»:

Черви ползут,
а человек,
который себя уважает,
мчится со скоростью
200 километров в час
на «троечине»,
левакаре
наших дней.

О господи, от «троечина» нигде нет спасения!

Он повернулся вправо, но здесь его, словно удар кулаком в лицо, ослепила огромная, во всю стенку, розовая афиша:

Гражданин,
при первых симптомах
простуды —
аспихинин!
Человек: предупрежденный —
наполовину спасенный.
Сто лир штрафа
с нарушителя.

Нико проработал, не отрываясь, полных два часа. В десять вошел рассыльный и положил на стол еще одну стопку бумаг. В десять тридцать Нико вызвал к себе на доклад начальник отдела. В одиннадцать он принял витаминную таблетку и выпил чашку кофе.

В пять минут двенадцатого зазвонил телефон.

— Никола Берти слушает,— сказал он, поспешно сняв трубку. Он надеялся, что звонит Дорис, но, увы, ошибся. Незнакомый мужской голос официально произнес:

— С вами говорит Д'Андреа из Главной контрольной комиссии.

— Слушаю вас,— пробормотал Никола.

— Сегодня в семь вечера вам надлежит явиться в Центральную амбулаторию на виа Гамберо.

— В амбулаторию?.. А зачем?

— Анализ крови и рентген легких.

— Но я...

— С целью проверки содержания алкоголя и никотина в крови. Желаю вам плодотворной работы, синьор Берти.

Только этого ему не хватало! Этот паршивый контролер ВМО хочет любой ценой сделать карьеру. Угроздило его сесть в тот же элибус!

Нико извлек из кармана начатую пачку сигарет и положил их на стол. Осталось всего шесть штук. Он собрался закурить, но в последний момент передумал — этих шести сигарет должно хватить до конца рабочего дня.

— Черт побери!

Коллега Джобби, за столом напротив, на миг оторвался от бумаг и поднял голову.

— Что случилось, Нико?

Нико пожал плечами. Бесполезно объяснять что-либо этому Джобби — он тих и покорен, как овца. Да и вообще Джобби не курит, и ему не понять, что десяток сигарет в день — сущий пустяк для энергичного двадцатипятилетнего мужчины. Конечно, он мог выкурить и больше — достаточно ввести в автомат две, три, пять монет, и тот выбросит столько же пачек. Но потом при проверке содержания никотина в крови преступление откроется. Стоит чуть превысить допустимую норму, и сразу же на тебя обрушится штраф в сорок, а то и в пятьдесят тысяч лир.

Порывшись в памяти, Нико прикинул: да, за последнюю неделю он выкуривал куда больше, чем десять сигарет в день. Но он намеревался уравнять счет на следующей неделе. Этот подонок, контролер ВМО, все испортил. Рентген легких назначен на семь вечера. Пожалуй, рентгенологов не обманешь. Хотя, если выпить литра два молока и больше не курить, может, как-нибудь и обойдется. Он собрал сигареты и сунул их в ящик письменного стола. Затем закрыл ящик на ключ и позвал Джобби.

— На, держи. Вернешь мне ключ за пять минут до ухода. А если я попрошу его раньше, можешь послать меня ко всем чертям.

Желание покурить становилось совершенно нестерпи-

мым. Чтобы хоть как-то отвлечься, Нико сунул в рот огрызок карандаша и вновь склонился над бумагами. Автор песен «Распад души» и «Глаза цвета редиски» жаловался, что в нескольких журналах помещены глупые пародии на его оригинальные произведения. Жалоба, посланная одновременно и в профсоюз песенников, призывала власти энергичнее защищать интересы автора.

Нико тут же вспомнил текст одной из этих песен: «Моя любовь, стынет кровь в сердце моем, когда мы не вдвоем».

До самого полудня Нико в поте лица трудился над бумагами, отыскивая пародии на вторую песню, в которой тоже воспевалась «безумная любовь, взбудораженная кровь, увядшие цветы, я и ты».

Все же ему пришлось прерваться, когда в дверь просунулась голова Ортензи, агента ВМО, курирующего Министерство песни.

— Все в порядке? — спросил Ортензи.

— В полном порядке, — хором ответили Джобби и Нико.

— Пилюли приняли?

Обе головы согласно кивнули.

— Температура?

— Тридцать шесть и восемь, — ответил Джобби.

— Тридцать шесть и семь, — солгал Нико.

В это утро он так и не вынул термометра из кармана. Но, к счастью, Ортензи торопился и явно не собирался устраивать тщательную проверку.

Дорис все не звонила, и это волновало Нико куда больше, чем вызов в амбулаторию. Первым его побуждением было позвонить нотариусу Алоизи, в конторе которого работала Дорис. Но он так и не снял трубку — нотариус этот — порядочная скотина, он не терпит, когда его подчиненные в рабочее время беседуют по телефону по личным делам.

Наконец подошел час дня, и зазвонил звонок на обеденный перерыв. Нико сунул бумаги в письменный стол и бегом спустился вниз, в огромную столовую министерства. В столовой еще почти никого не было — лишь двум служащим удалось опередить его. Но очень скоро к автоматам-распределителям нельзя будет пробиться. К Нико подошел Джобби.

— Ты что берешь?

— Молоко и компот-ассорти.

— Ты что, спятил? Я возьму бифштекс с жареным картофелем.

— Не мучай меня, Джобби. ВМО и так отравило мне все существование. Подумай только, сегодня вечером я должен пройти медицинскую проверку на содержание никотина в крови.

— Скверные дела, Берти.

— Да, представляешь, а я как назло в последние дни дымил, как турок. Теперь жди штрафа. И все этот гнусный тип из ВМО, на которого я утром наткнулся в элибусе. Я не допустил никаких нарушений, но он все равно донес на меня в Главную контрольную комиссию. Ну, попадись он мне еще раз, придушу, как цыпленка.

Они устроились в углу, спиной к объявлению, напомнимавшему всем членам ВМО старинное изречение медиков салернской школы:

Стул хороший по утрам
жизнь продлит надолго вам.

С год назад Нико, собрав множество подписей, обратился с официальным прошением о том, чтобы этот плакат сняли со стены, но получил от начальства отказ.

Молоко пахло карболкой, и все же Нико, давась, проглотил три стакана и закусил компотом-ассорти. Потом с завистью уставился на Джобби: бифштекс, похоже, был из

натурального мяса, а от жареного картофеля исходил соблазнительнейший аромат. Нико резко отодвинул стул.

— Дай мне газету, Джобби, я поднимусь наверх.

Он захватил с собой бутылку молока и, низко опустив голову, вышел из столовой.

Дорис нервно прохаживалась по коридорам почты. Время от времени она подходила к большому столу в холле и, окинув рассеянным взглядом счета и телефонные бланки, впивалась глазами в большие электрочасы. Обычно Нико не опаздывал. В девять Дорис не на шутку забеспокоилась. Дробно стуча каблуками, она покружилась у входных дверей, то и дело поглядывая на стрелки электрочасов. «Наверно, не придет. Наверно, с ним что-то случилось, и он не придет. Подожду еще минут пять и уйду». Взгляд ее упал на окошко с надписью: «Заказные письма». Дорис принялась писать на стекле: «Да, нет, да, нет. Придет, не придет, придет, не придет». Нет, он не придет, с ним что-то стряслось. И в тот же миг появился Нико. Он был бледен, глаза возбужденно блестели, а галстук, как всегда, съехал набок.

— Что случилось, Нико?

Он ничего не ответил. Взял ее под руку и повел к выходу.

В этот час виа дель Корсо была похожа на растревоженный муравейник; толпы народу у витрин и перекрестков, сплошные заторы; по четырем эстакадам еле ползли левакары.

— Позвони домой. Скажи, что сегодня ты поужинаешь со мной, — сказал Нико, останавливаясь у дверей бара.

— Но мы же договорились! Что-нибудь случилось, Нико?

— Позвони и не задавай лишних вопросов. Я зверски

проголодался. Съедем пиццу, выпьем по бутылке пива и прямоком на Вилла Боргезе.

Дорис вошла в телефонную будку и тут же позвонила родным.

— Но потом ты мне все объяснишь,— сказала она, беря его под руку.

— Конечно, конечно.

Они свернули на виа Фраттина, и Нико увлек Дорис в небольшой бар, помог ей взобраться на высоченную табуретку в глубине пустого, очень узкого зала.

Они ели молча. Нико уминал пиццу с такой жадностью, словно голодал целую неделю. А Дорис легонько постукивала вилкой по тарелке. Она грустно, с материнской нежностью смотрела на Нико, следя за тем, как ритмично двигаются его челюсти и пульсирует жилка на виске. Ребенок, самый настоящий ребенок. А иногда он казался ей каким-то особым существом, не подвластным общепринятым правилам. Она не проронила ни слова, пока Нико не кончил есть. Насытившись, Нико отодвинул тарелку, вытер губы бумажной салфеткой, скатал ее в шарик и бросил в тарелку. Затем стал рыться в карманах в поисках сигарет.

— Я был на виа дель Гамберо.

— С чего вдруг?

— Понимаешь, на виа дель Гамберо, в Центральной амбулатории. Прошел проверку на никотин.

Дорис открыла сумочку и принялась сосредоточенно рыться в ней, чтобы Нико не заметил, как дрожат у нее руки. А он продолжал рассказывать о своих злоключениях, проклиная на чем свет стоит всех агентов ВМО.

— Что же теперь будет, Нико?

— Результаты анализов выяснятся послезавтра. Но ты не волнуйся, ничего плохого не произойдет. Сегодня я папился молока до тошноты и выкурил всего четыре сигареты!

По знаменитой лестнице на площади Испании грязным каскадом стекало молоко. Над крышами в переплетении телевизионных антенн покачивалась луна.

— Не волнуйся,— повторял Нико,— ничего плохого не произойдет. Я их оставил в дураках.— Он не выпускал ее руки и осторожно вел Дорис по извилистой лестнице.

Они остановились у самой балюстрады. Над ними была крыша из пальм и высоченных пиний. Рядом о чем-то своем лопотал фонтан. Внизу, с террас Пинчо, Рим загадочно подмигивал двум влюбленным.

Нико целовал Дорис руки, пальцы, плечо. Дорис осторожно отстранялась в страхе, что кто-нибудь их увидит.

— Послушай,— сказал Нико и крепко обнял ее.— Послушай...

— Нико, перестань. Идем сядем на скамейку.

Но Нико еще сильнее прижимал ее к груди.

В нескольких шагах от них остановился левакар. Водитель свернул со стеклопластиковой полосы на усыпанную гравием дорожку. Свет фар ослепил обоих.

— Кретин, нашел где обниматься!

Дорис схватила Нико за рукав.

— Идем, там внизу есть свободная скамейка.

Нико неохотно подчинился. Он шел мрачный, злой, сжимающая кулаки.

— Перестань, Нико. Сядь и расскажи мне о чем-нибудь интересном.

— Сейчас пойду и разнесу к чертям его дурацкий левакар.

Дорис закрыла ему рот рукой.

— Здесь так хорошо, Нико, не правда ли?

— Да... Когда я, наконец, куплю левакар, устрою им хорошенькое представление. Положу в выхлопную трубу баллончики с вонючим газом и промчусь по главным улицам Рима. А тому, кто осмелится протестовать, сверну шею,

Он набрал пригоршню камешков и стал по одному кидать их в фонтан. Постепенно ярость улеглась, уступив место меланхолической покорности судьбе. Разговор перешел на их извечную тему: «Тебе какой цвет левакара нравится? Мне — серый, бежевый тоже неплохо, но только не черный, черный слишком мрачен. Я отложил шестьдесят тысяч, годик придется обождать. Если б не эти ежемесячные взносы, я бы хоть завтра мог его купить. ВМО схватило меня за горло и не отпускает. Кончится тем, что я выйду из этого всеобщего объединения жуликов». «Перестань, Нико». «Они же прохвосты, как ты этого не понимаешь, Дорис?» «А ты не понимаешь, что без ВМО не обойтись». «Ну да, да, только без левакара тоже не обойтись».

И снова: «Красный цвет тоже неплох... За лето я сумею отложить еще шестьдесят тысяч, будь проклято это ВМО». «Прошу тебя, Нико, не начинай все сначала». «Но ты сама подумай, сколько денег я дарю каждый месяц этим свиньям, черт бы их побрал». «Перестань чертыхаться». «Все было бы так просто...» «Ты уверен? А если ты выйдешь из ВМО, а потом заболеешь?» «Кто, я? Да я здоров как бык, у меня ни разу в жизни температура не поднималась. Они украли у меня не один миллион лир, эти прохвосты. А я как болван все плачу и плачу налоги».

Так они спорили, долго и упорно. Потом Дорис взглянула на часы и со вздохом сказала:

— Уже поздно, мне пора домой.

— Домой, в такую ночь?

Он обнял ее за плечи, и Дорис прильнула к нему. Она закрыла глаза и нежно погладила Нико по волосам. Шум шагов заставил ее вздрогнуть. К ним подошел агент ВМО — на груди его фосфоресцировала бляха с двумя сплетенными змейками посредине.

— Что вам не нравится? — срывающимся голосом

спросил Нико.— Разве правилами запрещено целоваться в парках?

Агент ВМО зажег электрический фонарик, посмотрел на часы и отцепил с фуражки водомер.

— Уже поздно, молодые люди. А главное, сегодня очень сыро. Лучше вам пойти в кафе.

— А мне, любезнейший, нравится здесь, а не в кафе.

— Напрасно вы так волнуетесь, молодой человек! Я дал вам добрый совет...— Он снова взглянул на водомер.— Через полчаса опустится туман. Разумнее вам прогуляться. Если влажность увеличится и мой коллега обнаружит вас здесь, не миповать крупных неприятностей.

— Но здесь под каждым кустом прячется влюбленная парочка! Какого же дьявола вы привязались именно ко мне? С меня хватит. Если уж вам так приспичило надоедать людям, попробуйте для разнообразия побеседовать, скажем, с владельцем вон того левакара.

Агент ВМО направил луч своего фонарика в указанном направлении.

— Синьор остался в левакаре,— флегматично объяснил он.— Капот закрыт, стекла подняты. Так что не вижу никаких нарушений.

Нико стиснул зубы, а Дорис потянула его за рукав, отчего он рассвирепел еще сильнее. Но горло сжало узлом, и он не мог произнести ни слова.

— Я вас предупредил,— сказал агент.— Этого требует мой служебный долг. Будьте здоровы и счастливы.

Лишь через полчаса Нико немного успокоился.

— Ну и денек, все мне выходит боком,— пожаловался он.

Они медленно спустились на пятачок дель Пополо. Дорис жила далеко, в районе Транстевере, но, хотя движущиеся тротуары еще работали, Нико непременно хотел идти пешком.

— Чао, — попрощался он у закрытых ворот ее дома. Поцеловал ее в щеку и грустно улыбнулся.

— Увидимся завтра.

Было уже очень поздно. Нико ускорил шаги, купил газету в киоске на мосту Гарибальди и помчался за последним элибус-экспрессом.

Всю дорогу он смотрел вниз, нервно теребя пальцами газету. Он устал от бесконечных преследований агентов ВМО. Они не давали ему покоя ни на службе, ни дома, ни на отдыхе, ни в пути. Доколе же это будет продолжаться? Он не Джобби, который покорно позволяет издеваться над собой.

Дома он налил рюмку коньяку, поставил ее на ночной столик, неторопливо разделся, закурил сигарету и лег в постель. Выпил коньяку и стал просматривать газету. «Хорошо бы очутиться вдруг на пустынном острове. Я и Дорис, и никого вокруг».

— Эй, там, на пятом этаже! — прервал его мысли мужской голос, доносившийся со двора.

Это был Эспозито, агент ВМО по его дому.

— Синьор Берти, закройте окно.

— Чтоб ты сдох! — про себя сказал Нико. И снова отпил коньяку.

— У вас открыто окно, синьор Берти!

— Чтоб ты сдох! — повторил Нико и жадно затянулся. «Лучше не отвечать. Завтра утром скажу этому Эспозито, что меня не было дома, а свет я, уходя, забыл потушить».

Эспозито позвал его еще раз пять, затем уgomонился. Прикончив всю пачку сигарет, Нико, наконец, потушил свет.

— Мой дорогой друг, вы слишком чувствительны,— сказал профессор Крешенцо.— Впрочем, как и все молодые люди. Однако не волнуйтесь, молодость — это болезнь, которая быстро проходит. В один прекрасный день вы убедитесь, что окончательно выздоровели.

Он поправил шахматную доску и, вынув фигуры, стал бережно их расставлять.

— Значит, нет никакой надежды, что когда-нибудь все изменится? Нелепая, бездушная система, а мы...

— Простите,— прервал Крешенцо.— Вы пришли играть со мной в шахматы или же беседовать о социальных проблемах?

— Я... Я пришел, чтобы спросить у вас совета.

— Совета? — Профессор поднял голову и внимательно поглядел на Нико. Затем снял очки, подышал на стекла и принялся протирать их фланелевой тряпкой.— Совета? Гм... Какого рода?

— Я... я... хотел бы выйти из ВМО.

Крешенцо никак не отреагировал на его слова. Он еще раз протер очки и закурил сигарету.

— Не ждите, что я похвалю вас, любезнейший. Вы хорошенько подумали, прежде чем пришли к такому решению?

— Э, с мыслью об этом я ношусь уже давно.

— Вот и продолжайте носиться с нею, мой дорогой друг.

Нико улыбнулся.

— А вы сами, профессор, когда вышли из ВМО?

— Вышел? Я никогда не записывался в члены сего достославного объединения. В '74 году, когда медицинское обслуживание приняло ныне существующие формы, я учинил своей совести наистрожайший экзамен и решил: нет, это не для меня. Не потому, что мне было жаль денег — первое время ежемесячный взнос был сравнительно невы-

сок. Но я ни разу в жизни не уступал шантажу. Для меня это было вопросом принципа. И представьте себе, я ошибся.

— Значит, впоследствии вы раскаялись в принятом решении?

Профессор встал, открыл дверцу бара, вынул бутылку виски и два стаканчика и поставил их на столик рядом с доской.

— Выслушайте меня внимательно, милый Нико,— сказал он, разливая виски по стаканчикам.— Я всю жизнь курировал по сорок сигарет в день, пил сколько душе угодно, никогда не соблюдал диеты и не делал витаминных уколов. Я знать не знаю, что такое таблетки, мази, антибиотики, которые вы принуждены повсюду таскать с собой. И, разумеется, я сэкономил уйму денег. Этот дом, книги, ковры, картины... Мог бы я купить все это, если б мне пришлось каждый месяц платить взносы в кассу ВМО? Однако это не значит, что я не мучился. Мой юный друг, вы не знаете, что такое внезапно проснуться ночью от кошмарных сновидений. Каждый миг, каждая минута радости были отравлены страхом, липким, неотвязным страхом. Уже много лет я засыпаю с мыслью, что, случись мне заболеть, ни один врач не придет мне на помощь и я подохну в муках, как бездомная собака.

Нико хотел было задать ему вопрос, но профессор его опередил.

— Вы хотите знать, почему я впоследствии не подал заявления с просьбой о приеме? Все объясняется очень просто — для этого мне нужно было бы уплатить взносы за все прошедшее время плюс огромный штраф. А таких денег у меня не было. Подумайте, хорошенько подумайте, друг мой. Не принимайте поспешных решений. Учтите, что потом вам придется полагаться исключительно на собственное благоразумие и удачу. Особенно на удачу.

— Зато я буду свободен,— возразил Нико.— Я смогу,

наконец, купить левакар и другие нужные мне вещи. И потом... потом никто уже не заставит меня проходить эти дурацкие проверки. Ни один ублюдок из ВМО не посмеет требовать, чтобы я показал ему, надел ли я набрюшник.

— Пустяки, мой друг, сущие пустяки. Ну как, начнем партию?

Нико отодвинул в сторону доску.

— Я должен выговориться, излить душу. Я больше не могу. Не понимаю, как правительство согласилось поддерживать ВМО, как этот спрут сумел всех сдавить своими щупальцами, навязать свои идиотские правила?! И никто не решился сказать: хватит, прекратите ваш шутовской карнавал, представление окончено. Ведь и пятьдесят лет назад, при старой системе здравоохранения, врач, хоть и не был миллионером, жил совсем неплохо. Стоило кому-либо заболеть, как вызывали врача и платили за визит соответствующую сумму. А теперь все иначе, теперь нужно платить заранее, когда вы здоровы, утешаясь тем, что во время болезни не придется платить ни лиры. Это же абсурд, возможный только в наш сумасшедший век.

— Нет, друг мой. Это не абсурд. Подобная система практиковалась пять тысяч лет назад.

— Пять тысяч?..

— Дорогой Нико, я окончил исторический факультет, и потому можете мне поверить на слово. Так вот, пятьдесят веков назад крестьяне Маньчжурии разуверились в познаниях своих лекарей. И, кстати, не зря. Во все времена медики стремились извлечь как можно больше выгоды из болезней своих пациентов. Чем дольше длится болезнь, тем больше доход врача. Это столь очевидно, что не требует доказательств. Так вот, одному крестьянину надоело, что его без конца водят за нос. И он сказал врачу, который его пользовал: «Я заплачу тебе, когда выздоровлю, и буду платить все время, пока останусь здоровым. Но если я снова

заболею, ты не получишь от меня ни одной серебряной монеты и ни одной горсти риса». Врач согласился, и уже на следующий день крестьянин выздоровел. А мы лишь пять тысяч лет спустя поняли, что надежнее полагаться на корыстный интерес, чем на профессиональную честность.

Нико побледнел.

— Значит... значит, вы одобряете ВМО и готовы защищать систему?

— Да, но я осуждаю методы, которые отравились на системе. Наша жажда наживы все испортила. А это следовало бы предвидеть, нужно было с самого начала положить конец бесконтрольному хозяйничанью врачебной конгрегации, установить соответствующие тарифные ставки. Главное же, этим эскулапам нельзя было давать право вмешиваться в личную жизнь граждан. Недалекие и неумелые законодатели этого не поняли. Впрочем, кое-кто наверняка догадался, но взятки сделали свое дело. Представьте себе, поначалу все шло как нельзя лучше. Стоило человеку кашлянуть, и он уже мчался на прием к врачу. А медики всех — психопатов, хронических больных, симулянтов — встречали самым любезным образом. Тогда многие вообще перестали беречься. Все равно, рассуждали они, стоит мне заболеть, врач в два счета поставит меня на ноги. Не удивительно, что доктора зарабатывали бешеные деньги. И постепенно из лечебного учреждения ВМО превратилось в ассоциацию по предупреждению болезней. Теперь врачи работают куда меньше, а их доходы стали куда больше.

— Это же бесстыдный грабеж!

— Мой юный друг, жаловаться бесполезно. Надо считаться с неумолимой действительностью, как говорил один знаменитый историк шестнадцатого века. Методы, к которым прибегает ВМО, безусловно, незаконны, но они довольно логичны. Словом, раз уж вы согласились, так сказать, на

опеку сего благородного заведения, не следует удивляться, если оно делает все возможное, чтобы температура вашего тела не превышала тридцати семи градусов по Цельсию.

— Допустим. Почему же в таком случае правительство не принимает никаких мер?

— Ах, правительство! — буркнул профессор Крешенцо. — Насколько мне известно, наше правительство всегда верой и правдой служило власти имущим. А сейчас богатство и, значит, власть — в руках ВМО, автомобильных и магнитофонных королей.

— Ради бога, не упоминайте при мне о песнях. Я и так целый день только и делаю, что слушаю идиотские песни и разбираю споры законодателей музыкальных вкусов.

Но профессор уже не в силах был остановиться.

— Конгрегация медиков теперь столь могущественна, что подчинила себе даже священников. Давным-давно идет борьба между целителями тела и целителями души. Но теперь чаша весов явно склоняется в пользу первых. Мир обуян жаждой наслаждений, и у него нет больше времени слушать церковные проповеди. Тело восторжествовало над душой. ВМО держит в своих руках ключи от рая земного и небесного.

— Я не совсем понимаю вас, профессор.

— Э, я пошутил, милый Нико. Но ходят слухи, что тридцать пять процентов акций Объединенной автомобильной компании принадлежат ВМО. Современный человек озабочен своим здоровьем, и для него нет ничего дороже левакара. И здоровье, и машина зависят от ВМО. Разумеется, пока никто не запрещает нам искать забвения в канцонеттах, этом музыкальном опиуме, который нам вдобавок продают втридорога. Но говорят, что ВМО протянуло свои щупальца и к фирмам грампластинок.

Профессор Крешенцо хрипло расхохотался, отчего Нико невольно вздрогнул.

— Эс-ку-ла-по-кра-тия. Звучит совсем неплохо.—
И Крешенцо снова громко засмеялся.

Субботнее утро. Как красив в эти часы Рим, сплошь в куполах и шпилях. Небо бледно-голубое, с колоколен каскадом обрушиваются вниз крикливые ласточки. Воздух напоен запахом пиний и мяты. На Лунготевере ни души.

Дорис медленно идет по пустынной улице Древнего Города. Конторы больше не существует, а все служащие исчезли, растворились словно призраки, исчезли и вещи — пишущая машинка, гербовая бумага, печати, пресс-папье. Сам нотариус умер. Умер до понедельника. Целых два дня ей не придется терпеть его скрипучий голос, его взрывы ярости, непереносимую скуку.

Нико ждет ее у входа в метро, но она вышла из дому очень рано и теперь идет неторопливо, даже медленно; на минуту задерживается у цветочного киоска, переходит дорогу и останавливается на мосту. Внизу бурлит и пенится Тибр, из-под аркады вылетает мотоскутер, в лучах солнца сидящий у руля человек кажется сделанным из латуни. Платаны вдоль берега поблескивают зеленой листвой, а их белые стволы, словно животные после спячки, расправляют складки коры. Дорис приятно на ходу провести ладонью по сучкам и наростам, почувствовать, что, кроме цемента, стали и пластика, существуют деревья с их таинственной, неподвластной воле человека жизнью.

Внезапно она ощутила, что весна вступила в свои права. И тогда она сначала ускорила шаги, а потом побежала навстречу Нико.

Он все еще бледен, лицо осунулось, под глазами темные круги, но во взгляде светятся ласка и веселье.

Нико берет ее под руку и увлекает за собой, в сторону, противоположную остановке метро.

— Что случилось, Нико? Прогулка к Замкам отменяется?

Нико останавливается возле бара-киоска.

— Давай выпьем по чашечке кофе.

Не спеша наливая кофе, он насвистывает танцевальный мотив, пальцы ритмично постукивают по сахарнице, взгляд скользит по фиолетовой неоновой трубке вдоль стены.

— Так мы поедem к Замкам?

— Конечно. Допьем кофе — и в путь.

У тротуара стоит новехонький красный левакар.

— Вот на нем бы поехать, — со вздохом говорит Нико. — А то трясись полчаса в битком набитом вагоне метро.

Дорис укоризненно качает головой.

— Прощу тебя, Нико, не начинай все сначала.

Они выходят из бара. Нико останавливается возле машины, не спеша обходит ее, любовно поглаживает рукой капот.

— Красивая, правда?

— Очень. Но поторопись. Иначе нам придется стоять всю дорогу.

— Она тебе и в самом деле нравится?

Он вытаскивает из кармана связку ключей и подносит ее к самому носу Дорис.

— А ведь машина-то моя.

Дорис громко смеется.

— Сумасшедший. Тебе бы только шутить!

Но когда Нико вставляет ключ и открывает дверцу, Дорис бледнеет.

— О боже, что это значит?

— Садись.

— Нет, сначала объясни.

— Садись же, садись, потом все расскажу.

Дорис не знает, что ей делать, она с испугом смотрит

на кожаные сиденья, на никелированный переключатель скоростей. А Нико уже включил зажигание, на пульте управления зажглись красные и зеленые огоньки. «Нет, все это розыгрыш, сейчас Нико выйдет и скажет, что он пошутил и к тому же весьма глупо, попросит у нее прощения».

— Ну, чего ты ждешь?

Дрожая от страха, Дорис пробралась на переднее сиденье. Нико захлопнул дверцу.

— Красавица, верно? Новенькая, только что с конвейера. Смотри, вот радиоприемник, это ручка обогревателя, сетка для журналов, миниатюрный холодильник. А вот тут свободное место для проигрывателя. Как только накоплю немного денег, поставлю и его.

— Но значит... Значит, это и в самом деле твоя машина?

— А ты думала — моего дедушки?!

Нико включает первую скорость, и машина срывается с места, чуть резковато, как и у всех начинающих водителей. Сквозь стекла кабины дорога кажется огромной сценой, пешеходы, похожие на забавных марионеток, быстро перебирают руками и ногами.

— Нико, объясни же, что произошло?

Левакар мчится в ряду других машин. Нико крепко сжимает руль, беспокойно оглядывается по сторонам, резко тормозит на перекрестках. На поворотах машину сильно заносит.

— Нико!

— Молчи.

Левакар маленький, даже крошечный, но Нико держит руль гордо, словно штурвал могучего парусника. Наконец они выбираются за городскую черту, теперь дома встречаются все реже, им навстречу все чаще попадают мастерские и заводи, отделенные друг от друга се-

рыми пыльными лужайками, напоминающими старые, дырявые ковры.

Дорога широкая, в четыре полосы. Левакар несется по ней стремительно, с легким комариным жужжанием. Нико вынимает сигарету, закуривает.

— Прибыл вчера, в полдень, — говорит он.

— Кто прибыл?

— Результат анализов.

Дорис радостно прищелкнула пальцами.

— Теперь все понятно. Ты оставил их в дураках? А на отложенные деньги купил машину... Но их все равно не хватило бы даже на первый взнос. Кто же дал тебе недостающие деньги?

— Никто. Хватило моих. Рассрочка на два года. Ежемесячный взнос сорок тысяч лир.

— Ты с ума сошел! Уж сколько раз мы считали, прикидывали, и неизменно выходило, что таких денег тебе из бюджета не выкроить.

— Прежде, но не теперь. Слушай меня внимательно, Дорис. Они меня накрыли, поняла? Анализ дал положительный результат. А они только этого и ждали. Эти крокопишцы потребовали, чтобы я в месячный срок внес штраф. Мне предстояло отдать все мои сбережения. При одной мысли об этом...

— Что ты сделал, несчастный?

— Я написал заявление о выходе из ВМО; по всем правилам, на гербовой бумаге, и отправил его заказным письмом с оплаченным ответом. Отныне я свободен и волен делать все, что захочу!

Они проспорили целое утро, стоя у перил Виллы Альдобрандини, под белым палящим солнцем. Повсюду, на

деревьях и перильцах, красовались навязчивые объявления:

Избегайте длительных прогулок,
не стойте подолгу под деревьями,
Сырость — общественный враг Номер Один.

— Скажи,— настаивал Нико, показывая на объявления.— Может нормальный человек без конца сносить все это? У меня лопнуло терпение.

Они спорили уже часа два, и Дорис почувствовала, что больше не в силах возражать, доказывать, что он поступил крайне глупо и неосмотрительно.

Горизонт заволокла блекло-голубая дымка, скрывшая море, стену гор и оставшийся где-то далеко позади город. В дубовой роще слышались птичьи трели, неустанное воркованье, шепот листьев... Дорис промолчала. Она обняла Нико и положила голову ему на плечо. Ей больше не хотелось спорить, разбираться, кто прав, кто виноват, Греться бы вот так в лучах солнца и медленно, бездумно спускаться вниз по узкой тропинке в туфовой скале, ступая по вязкой черной земле. Когда они снова сели в машину, ей вдруг без всякой причины захотелось плакать. Сомнения, страхи улетели прочь, рассыпались как непрочный картонный домик, осталась лишь легкая ищемая боль.

— А радио работает?

— Что за вопрос! Здесь все новое, только что с завода.

Нико повернул рычажок, и кабину залила волна звуков.

Дорис откинулась на сиденье, закрыла глаза и незаметно задремала, убаюканная мелодичной музыкой, равномерным гудением мотора, легкими толчками на поворотах. Казалось, Нико ведет машину в полной синхронности с невидимым оркестром. Дорис приоткрыла веки —

Нико хитро ей подмигнул. Она попыталась ответить ему тем же, но губы расплылись в глупой, детской улыбке.

Нико рассмеялся.

— Неплохо жмет, а? — сказал он, взглянув на показатель скорости. — А ведь это только обкатка. Подожди, через месяц я всех буду обставлять.

Минут через пять они подъехали к пригородному поселку. На дверях бара висела кукла. Покачивая головой, она протягивала огромную руку к огненной надписи:

Крон!

Тонизирующий напиток
без тонизирующих веществ.

— А я закажу двойной черный кофе. И пусть все агенты ВМО лопнут от злости.

Потом Нико зашел в лавку, пропахшую специями и перцем, купил свежий крестьянский хлеб, пакетик маслин, кусок жареной телятины и банку маринованных огурцов.

— Поехали. Я хочу поест в беседке, где нет этих идиотских плакатов.

Левакар снова помчался по асфальтовой ленте и свернул на дорогу, ведущую в Гроттаферрату. Навстречу бежали виллы, зеленые, пастельные, цвета охры. Машина миновала селение и понеслась по направлению к аббатству дельи Ортодосси. Наконец Нико затормозил у домика с облупившимися стенами и маленькими окнами. На окнах — решетки из побуревшего железа, металлическая ручка приоткрытой двери проржавела и еле держалась на столь же ржавых гвоздях.

В прихожей никого не было. В погребе сплошными рядами стояли фьяски, дамиджана*, валялись воронки, пластмассовые трубки.

* Дамиджана — большая оплетенная бутыль. — *Прим. перев.*

Нико громко позвал хозяина. С лестницы, ведущей вниз, кто-то откликнулся певнятым хриплым голосом. Нико залюбовался подвешенными на черных крюках к потолку «косами» чеснока и гирляндами красного перца, обвивавшего стены.

— Потрясающе! — воскликнул Нико. — Нет, ты только посмотри на этот старый в разводях стол! Тебе не хочется его погладить, а, Дорис?

Неся на плечах бочонок, появился хозяин. Втроем они вынесли столик в увитую лозой беседку.

Нико раскупорил бутыль. Потом стал нюхать стол.

— Он пахнет вином. Вернее, винной бочкой. Дорис, понюхай, сама убедишься, какой у него приятный запах.

Чтобы доставить ему удовольствие, Дорис понюхала стол и объявила, что он действительно пахнет вином и бочонком.

— Многие до сих пор считают крестьян глупцами и невеждами. Между тем только они и живут как люди, знают, что едят и что пьют, — разглагольствовал Нико, уминая куски жареной телятины. — А мы, горожане, живем среди шума и вони. Как в тюрьме. Ты не замечала, что все мы живем в огромной тюрьме?

Дорис покорно молчала, давая ему выговориться. Она по опыту знала, что достаточно не возражать, и его полемический задор вскоре угаснет сам по себе. Так оно и случилось.

— Послушай, Дорис, что будем делать дальше? Хочешь, поедem к озеру или за ягодами? Хотя нет, лучше всего отправиться в Тусколо. Там замечательный лес. И к тому же это совсем близко.

Он уговаривал Дорис выпить еще стакапчик. Дорис отнекивалась, со смехом отодвигала стакан. Она не привыкла к вину, у нее и так кружилась голова.

Издали хозяин делал им какие-то знаки. Но Дорис

слегка опьянела и поняла, какая им грозит опасность, лишь в тот момент, когда инспектор ВМО вырос у Нико за плечами.

— К нам пожаловали гости,— процедила она сквозь зубы.

Нико допил вино, вытер рот тыльной стороной руки и неторопливо повернул голову — амарантовый комбинезон, фуражка с термометром, водомером и реактивами. С виду весьма ретивый чинуша.

— Прошу прощения.— Инспектор ВМО был предельно вежлив.— Чистая формальность, синьоры. Этот левакар?..

— Мой.

— Совершенно новый, не так ли?

— Да, только вчера куплен.

— Очевидно, вы и водительские права получили совсем недавно?

— Ваша правда. И пока что вожу машину очень плохо.

— Отлично. Искренность — весьма похвальное качество, но нарушение, и крайне серьезное, налицо. Вам, как новичку, следовало бы придерживаться строжайшей самодисциплины.— Инспектор показал на стакан и бутылку с вином.— Вы представляете несомненную опасность для пешеходов даже в нормальном состоянии. Возбуждающие напитки вам абсолютно противопоказаны. Вам и вашей девушке.

Он порылся в карманах, вытащил пластиковый тюбик, отвинтил крышку и вынул круглую белую таблетку величиной с горошину.

— Прошу вас,— он протянул таблетку Дорис.— Подержите-ка ее немного во рту.

— Минуточку. Левакар вожу я. Девушка здесь ни при чем.— Нико зло прищурил глаза.— К вашему сведению,

она вообще не пьет. И могла бы хоть сейчас пройти контроль на содержание алкоголя в крови. Но я не вижу причин, по которым она должна мусолить во рту вашу таблетку. Забирайте ваши реактивы, уважаемый, и отчаливайте.

Инспектор ВМО побагровел, но тут же взял себя в руки и ледяным тоном произнес:

— Допустим, синьорина и в самом деле не нарушила правил. Но вы? Вы-то совершенно пьяны, и это легко доказать. Прошу вас.

Он положил таблетку рядом со стаканом Нико. Тот усмехнулся.

— Вы непременно хотите, чтобы я пососал эту гадость? Не смею отказать хорошему человеку.

Он подмигнул Дорис, положил таблетку в рот и закурил сигарету. Затем налил себе полный стакан вина.

На сей раз инспектор побледнел от гнева и уставился на хронометр, делая отчаянные попытки сдержаться.

— Ваше время истекло. Покажите.

Нико выплюнул таблетку на пол. Она стала цвета спелой вишни.

— Что и требовалось доказать! — с торжеством воскликнул инспектор ВМО. — Придется заплатить штраф, синьор.

Нико покачал головой.

— Вы ошиблись, милейший. Мне наплевать на ваши проверки. Я не член ВМО.

Лицо инспектора стало землисто-серым.

— Это неслыханно! Почему же вы сразу не сказали?

Нико пожал плечами.

— Я только вчера подал заявление.

Он вынул из кармана документы и положил их на стол.

— Можете проверить, если желаете.

Низко опустив голову, инспектор ВМО поспешно удалился.

Дорис засмеялась, но когда Нико показал уходящему инспектору кукиш, вспыхнула:

— Перестань, это уже лишнее.

Но ей было слишком хорошо, она не могла долго сердиться.

— Налей-ка мне еще, Нико. Ведь сегодня необычный день.

Голос у нее был с хрипотцой, как у актрис, играющих роль алкоголичек.

В сердце Нико на миг закралось сомнение, не разыгрывала ли Дорис комедию, изображая из себя скромную, непорочную девушку. Наливая вино, он внимательно следил за выражением ее лица. Но тут же устыдился нелепых подозрений.

Они встали и направились к машине. К своей машине.

Левакар бешено мчался вперед, пролетая мимо зеленых галерей, изумрудных холмов и лугов, нежившихся под солнцем. Несколько крутых поворотов — и дорога неожиданно уперлась в площадку, обнесенную загородкой. В глубине, под тенью каштанов, стояли еще три левакара.

Кругом царство тишины... и руин. Они тянулись ввысь из густой травы словно грозный указующий перст. Долина сбегала вниз в беспорядочном чередовании виноградников и оливковых рощиц.

Нико стал быстро взбираться вверх по узкой крутой тропинке. Дорис, держа в руке транзистор, с трудом поспевала за ним.

Вот он остановился у края обрыва, и его фигура четко вырисовывалась на фоне голубоватых гор.

Дорис закричала. Не от страха, просто, чтобы доказать самой себе, что она полна жизни и что ее, тоненькую и маленькую, все же не придавили красота и величие пейзажа. Она включила транзистор на полную мощность. Но здесь, в поднебесье, музыка звучала смешно и нелепо.

Чуть поодаль темнели руины римского театра. Дорис и Нико принялись танцевать на выщербленных, поросших мхом ступеньках. Нико крепко, до боли прижимал ее к себе. Из транзистора тонкой струйкой текла сладкая до приторности музыка дада. Певец нежным голоском напевал о любви и муках влюбленного. А ее переполняло безмерное счастье, ощущение подлинной свободы и полноты жизни.

— К дьяволу эти идиотские сентиментальные песенки! Дорис, иди сюда.

Голос Нико звучал необычно глухо.

Он увлек ее вверх по белой тропке, что вилась меж седых от древности перевитых плющом камней. Тропинка исчезала, терялась в туннеле сплетенных веток и снова появлялась под сводом сверкающих листьев.

Дорис лежала рядом с ним на ложе из веток бузины.

— Послушай...

Он без конца повторял это «послушай», все крепче сжимая ее в своих объятиях. И даже не заметил, как оцарапал шею о ржавую колючую проволоку, предательски торчавшую из земли.

В первой песне поется о красочных рассветах, во второй — о ночи, пахнущей туманом и тенью, в третьей — самой банальной — о несчастной любви...

И так изо дня в день. Проклятое радио с раннего утра начинает бомбардировать вас песенками, рекламными объявлениями, снова песенками. Покупайте кондиционирующие установки, приобретайте холодильники, современный человек немислим без электрокухни, и опять сентиментальные канцонетты, объявления ВМО: запрещается то, не рекомендуется это.

Дорис с досадой выключает радиоприемник. Кончив

причесываться, она застывает перед зеркалом и начинает тщательно подводить ресницы и брови.

Звонит телефон. Незнакомый голос говорит в трубку, что Нико заболел.

Дорис весело смеется в ответ.

— Послушайте. Я спешу на службу. Вы, синьор, выбрали неподходящее время для шуток.

Но незнакомец отвечает, что он отнюдь не шутит. Дорис задумчиво вешает трубку.

— Кто это звонил? — спрашивает мать, высовываясь из-за двери.

— Да Нико. Вечно со своими глупыми шутками.

Стоя у конфорки, она выпивает чашку кофе с молоком. «Нет, не может быть. Вчера вечером, когда мы расстались, он чувствовал себя превосходно. Позвоню ему днем в министерство и скажу, что улетаю в Америку. Пусть немного поволнуется».

Но потом, на улице, ее вновь охватили сомнения. Она задумчиво смотрела, как на остановке нетерпеливые пассажиры проталкивались к переполненному элибусу, и не двигалась с места. Постояла немного, затем решительно зашагала к дому, где жил Нико. На пятый этаж она влетела бегом и яростно позвонила два, три, четыре раза. «Крентин, самодовольный болван, ты мне за все заплатишь!»

В дверях появился пожилой человек в пижаме.

— Проходите, — еле слышно сказал он. — Меня зовут Крешенцо. Я сосед Нико по лестничной площадке. Это я звонил вам.

Дорис побледнела.

— Что с ним? Ему плохо?

Профессор Крешенцо сокрушенно развел руками.

— Тошнота, головокружение, а потом начались рвота, судороги. Я дал ему успокаивающие таблетки, сейчас он спит.

Но нет, Нико не спит. Из коридора донесся протяжный стон.

Дорис бросилась в спальню: Нико, согнувшись, сидит на постели и держится за живот. Его глаза умоляют о помощи, лоб потный, лицо искажено гримасой боли. Он валится на кровать и начинает корчиться, отчаянно просит: «Воды, воды». И снова раздается долгий, душераздирающий стон.

Дорис не в силах вымолвить ни слова, у нее подкашиваются ноги, и, чтобы не упасть, она прислоняется к шкафу.

— Нужно что-то предпринять. Вызвать врача из амбул...— выдавливает она из себя и замолкает на полуслове.

Это невозможно. Нико вышел из ВМО в пятницу. Извещение об этом наверняка уже поступило в районную амбулаторию. Бесполезно звонить, все равно никто не придет. И подавать заявление о повторном приеме в члены ВМО бессмысленно. Не говоря уже об огромном штрафе, понадобится по крайней мере два-три дня, прежде чем будут выполнены все формальности. Да еще день-два, пока соответствующие документы не поступят в амбулаторию. А без официального подтверждения врач из ВМО и пальцем не пошевелит.

Крешенцо нерешительно потер подбородок.

— Есть у меня знакомый врач. Но не знаю, согласится ли он приехать. Он живет километрах в тридцати от Рима, занимается земледелием, с тех пор как его лишили докторского диплома. Только за то, что он оказал помощь больному, не состоящему в этом проклятом ВМО. Попробую ему позвонить.

В глазах Дорис блеснул луч надежды. Профессор Крешенцо, с трудом волоча ноги, направился к телефону, стоявшему в коридоре.

Дорис подошла к постели, взяла руку Нико в свою и тихо заплакала.

Нико смотрел на нее и не узнавал.

— Меня грызут собаки, тысячи собак грызут мой жи...

Он перекинулся на другую сторону, свесился вниз, и из горла у него хлынула желтая пенная вода.

— Врача нет дома. Жена сказала, что он отправился поудить и вернется лишь к полудню. Я попросил ее послать кого-нибудь за ним на озеро. Через час позвоню еще раз,— сказал вошедший в комнату Крешенцо.

— Через час? Но ему очень плохо! Его снова вырвало.

— Знаете что: спуститесь-ка вы пока в аптеку. У вас ведь есть книжечка ВМО, не так ли? Мои таблетки тут не помогут. Скажите, что у вас люмбаго, боли в пояснице, впрочем, лучше — невралгия, затронут тройничный нерв. Можете стонать, плакать, кричать, лишь бы вам дали сильнодействующее успокоительное средство.

Дорис заколебалась. Она переводила взгляд с профессора Крешенцо на Нико, который отчаянно корчился в постели.

— Мне нельзя,— пояснил Крешенцо.— Я не член ВМО, мне не дадут и аспирина.

Дорис бегом спустилась по лестнице и помчалась к аптеке. Но попробуй перейти улицу, когда по ней сплошным потоком мчатся левакары! А подземный переход, как назло, далеко. Сколько лишнего времени придется потратить! Она ощутила острую боль в спине и в боку. Неужели и в самом деле началась невралгия? Нет, сейчас все пройдет. Надо только взять себя в руки и не глупить. Все будет хорошо. Солнце, казалось, прожигающее навес крытого рынка, напомнило ей о недавней прогулке, о зеленом куполе леса. Ничего, ничего, все обойдется.

Обычно сильнодействующие таблетки не выдают без рецепта. Но когда Дорис попросила лекарство, аптекарь в

белом халате лишь взглянул на ее перекошенное лицо и молча выбил чек.

В полдень пришла ее мать. Ее негодованию не было предела. Она беспрестанно качала головой в знак осуждения, фыркала и то и дело повторяла:

— Я же тебе говорила, дочка, он совершенно безрасудный человек. А ты еще хотела связать с ним свою судьбу!

— Перестань, мама, перестань. Нико — фанфарон и задира, но он чудесный парень. Просто случилось несчастье, и он тут не виноват.

Крешенцо метался из одной комнаты в другую. Он попробовал еще раз позвонить своему другу. Никто не ответил.

«Цветы распускаются в мае, цветы распускаются в мае», — когда-то, в детстве, эта веселая песенка очень ей нравилась. Дорис не может понять, почему этот незатейливый припев припомнился ей именно сейчас.

Мать стоит у спинки кровати и, вытянув шею, словно гусыня, наблюдает за Нико. Время от времени она сокрушенно разводит руками и говорит с наигранным участием:

— Он задыхается. Ему нечем дышать. Разве вы не видите, что он задыхается?

А Крешенцо ни секунды не стоит спокойно на месте: он то прищелкивает пальцами, то лезет в карман за сигаретами и тут же прячет их назад, сообразив, что дым может повредить Нико.

В половине третьего мать берет Дорис за руку и уводит ее из комнаты.

— Идем домой. Поешь, отдохнешь с часок, потом вернешься.

Дорис решительно выдергивает руку и возвращается в спальню.

Лицо Нико искажено гримасой боли, челюсти крепко сжаты, из уголка рта стекает желтоватая слюна. Он молчит и не отвечает на вопросы. Дорис расплакалась, умоляла его: «Ну, скажи что-нибудь», но он в ответ лишь тихонько стонал.

Крешенцо снова бросился к телефону. Подошла жена врача и сказала, что на озере мужа не нашли, а домой он еще не вернулся.

Крешенцо смотрит на Дорис виноватыми глазами.

— Позвоню попозже. Пойду заварю чай.

Крешенцо тоже устал, он с трудом удерживается, чтобы не закурить. Мать Дорис, эта свиная туша, облаченная в цветастое атласное платье, стоит в дверях и неодобрительно хрюкает. Она не намерена терпеть, чтобы ее дочка превратилась в сиделку, и в который раз уговаривает ее уйти. Дорис не отвечает. В ушах по-прежнему назойливо звучат слова: «Цветы распускаются в мае». А перед глазами кружатся в танце девочки в беленьких платьицах. Счастливые, бездумные дни детства, бегущие быстро и гладко, словно застежка молнии... А сейчас время тянется медленно, тоскливо, как в полусне.

Она осталась одна. Мать ушла, Крешенцо тоже куда-то исчез. В полутемной комнате тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на столике да слабыми, на одной ноте, стонами Нико.

Дорис держит руку Нико в своей. Рука горячая, липкая. Нет, Нико не только глупец, но и бунтарь. Он способен на самые благородные порывы, но одновременно упрям и эгоистичен. И ему дико, катастрофически не повезло. Выйти из ВМО и буквально через несколько дней заболеть, причем не простудой или гриппом, а какой-то странной и опасной болезнью! Неужели ему ничем нельзя помочь?..

Она наклоняется к самому уху и тихонько зовёт: «Нико, Нико, ты меня слышишь?»

А Нико ощущает лишь прикосновение холодной руки ко лбу. Он совершенно обессилел и уже не в состоянии собрать воедино разбегающиеся мысли. На стене тени то сплетаются в клубок, то разбегаются в разные стороны. Нет, это не тени, а животные, цветы, птицы, снежные кристаллики. Внезапно от стены отделяется человек с широким костлявым лицом и словно призрак склоняется над постелью. Он в белоснежном халате. Это врач. Из кармана у него виден термометр, а в правой руке он держит шприц, оттопырив указательный палец, чтобы удобнее было колоть.

Мгновенная вспышка света, и видение исчезает. Но тут же к постели подступает уже множество людей в белых халатах. Они выползают из темных углов и по одному подходят к Нико. Каждый прикладывает к его груди стетоскоп, ощупывает, вынимает спасительный шприц, с адским смехом прячет его за спину и исчезает.

И вот уже комната наполняется термометрами, огромными, пузатыми, с длиннющими столбиками ртути. Хруст стекла, белые пятна в глазах. Кто-то зажег свет. Это Дорис, рядом с нею профессор Крешенцо и какой-то незнакомец.

— Пришел доктор, он быстро поставит тебя на ноги.

Доктор? Нико хочет пошевелить рукой, сказать что-то, по горло перехватило тугим узлом, и он не в силах выдавить из себя ни звука. Лишь молча, недоверчиво глядит на незнакомца.

Дорис тоже во все глаза смотрит на вновь прибывшего. Плотный, с красным, обветренным лицом, он совсем не похож на врача. Седые, коротко подстриженные волосы и мясистое лицо в морщинах придают ему скорее вид торговца или земледельца. А может, так кажется потому, что он

одет во фланелевую рубашку, серый плотный пиджак и холщовые брюки. В руке он держит плетеную корзину для рыбы. Незнакомец кладет корзину на столик, открывает крышку и вынимает медицинскую сумку.

А, так это врач, исключенный из ВМО за то, что он помог незарегистрированному в амбулатории больному. Врач протягивает Дорис свою крупную мозолистую руку и гулким, уверенным голосом называет себя. Разумеется, имя и фамилия — вымышленные, ведь он сейчас рискует угодить в тюрьму.

Врач наклоняется над больным, ощупывает его лоб, поднимает веки, вывертывает нижнюю губу, обнажает белые десны.

— А это что такое? — спрашивает он, проводя пальцем по царапине на шее.

— Он оцарапался о колючую проволоку. В прошлую субботу за городом, — смущенно лепечет Дорис.

Врач задумчиво почесал щеку. Затем снова принялся осматривать Нико, не торопясь, самым тщательным образом. Дорис не понимает, почему врач то и дело потирает переносицу. Когда он вынул из сумки шприц и приготовился сделать укол, она не выдержала и тронула его за плечо.

— Скажите, что с ним?

Врач пожал плечами.

— Не знаю. Похоже на столбняк. Но я вполне мог ошибиться. Отнюдь не исключено, что это обычное заражение. Тогда этот укол ему поможет. К сожалению, у меня почти не осталось лекарств. Если это банальное заражение, то все обойдется. Но если это все же... Словом, противостолбнячной сыворотки у меня нет. И потом, вводить ее теперь все равно слишком поздно.

— Значит?..

— Не надо заранее бояться самого худшего. Сейчас

сделаем ему укол, и часа через три-четыре температура должна упасть.

Дорис отвернулась и подошла к окну. Она стояла и невидящим взором глядела во двор, где на веревках висело белье.

Врач вынимает иглу и кладет шприц в сумку.

— Это все, что я мог сделать,— говорит он, обращаясь в пространство.

Протягивает Дорис свою огромную, мускулистую руку и, потоптавшись, решительно направляется к выходу. Крешенцо провожает его до дверей.

— Доктор, мне вы можете сказать,— шепчет он.— Есть хоть какая-нибудь надежда?

В ответ — еле заметный отрицательный жест.

Но Дорис ничего не заметила. Она вновь садится у изголовья постели и с надеждой ждет. Ждет, когда Нико станет лучше.

РЫБЫ-КОТЫ ДЛЯ ВЕНЕРЫ

Сэм Эллингтон мерно покачивался в своем уютном кресле-качалке на веранде в тени густых олеандров. Солнце клонилось к закату, в воздухе кружились комары и прочая мошкара, все звуки словно бы стали приглушенными.

Сэм устал за день. И его брат, Арчи Эллингтон, тоже устал. Они до самого вечера охотились за дичью, одолевали вброд ручьи и болота. Им пришлось часами брести по сильно пересеченной местности, где на каждом шагу их подстерегала опасность. Теперь они сидели в углу веранды, наслаждаясь блаженным теплом, которое разливается по телу после тяжелой работы. Сэм развалился в удобном кресле-качалке, а Арчи сидел прямо на полу, прислонившись спиной к стене.

В глубине виллы жены готовили ужин; через неплотно прикрытую дверь отчетливо доносились их досадливые возгласы — нетрудно было догадаться, что обе женщины не слишком-то опытные кулинары. Мальчишки играли в саду. Время от времени из-за куста высовывался пластмассовый револьвер, щелчок — и струя воды долетала до самой веранды. Как обычно, мальчишки играли во вторжение инопланетян. Сэм и Арчи слишком устали, чтобы прикрикнуть на ребят и заставить их прекратить эту глупую игру.

Сразу за садом начиналась дорога, по которой теперь все чаще проносились машины, нагруженные всевозможными рыболовными снастями. И не удивительно, ведь эти места были подлинным раем не только для охотников, но и для рыболовов.

- Слизняки! — презрительно фыркнул Арчи.
- Улитки! — поддержал его Сэм.
- Сони! — с еще большим презрением откликнулся

Арчи.

Вошедшая в поговорку вражда охотника к рыболову получала сейчас новое доказательство в виде самых изощренных ругательств, которыми Арчи и Сэм награждали любителей ловить рыбу.

— Они все до одного впали в детство, — не унимался Арчи. — Когда эти кретины держат в руке удочку, луна может свалиться с неба, а они ничего не заметят.

— Это верно! — подтвердил Сэм, хлопнув себя по шее, чтобы избавиться от назойливого комара. — На прошлой неделе мне попался в «Панче» один фантастический рассказец Томаса Уотта. Занятный. Представляешь, корабль с Венеры приземляется на берегу реки Хавтер. Экипаж ракетоплана выходит наружу, и командир начинает приставать с вопросами к одному из этих чокнутых, которые в состоянии беседовать с тобой лишь о наживке «Сильвер» и искусственном червячке «Питер Росс». Так вот, командир экипажа подходит к нему и говорит: «Добрый вечер, я прилетел с Венеры». Уотт пишет, что жители Венеры очень похожи на нас, только глаза у них расположены не горизонтально, а вертикально, и притом на лбу. Что бы ты сделал на месте того рыбака? Помчался бы прочь, словно безумный, либо застыл на месте от изумления и ужаса! Ну а рыбак? Он взглянул на корабль, окинул равнодушным взглядом членов экипажа и преспокойно принялся насаживать на крючок свою дурацкую искусственную муху. Потом, не поднимая глаз, сказал: «Подождите немного, я занят». Понимаешь, так и сказал.

— Ну, это уж слишком, — возразил Арчи и встал. — Трудно поверить...

— А я тебе говорю, так оно и было. Жаль, что Елена сожгла журнал, а то бы...

— Ты меня невсрно понял, Сэм. Просто я хотел сказать, что Уотт несколько преувеличивает. Увидев, к примеру, марсиан, даже рыболов обратился бы в бегство.

— Ты глубоко ошибаешься. Удрали бы все, кроме рыболова. Он же глуп, глупее даже тех рыб, которых так старательно ловит! Когда он сжимает в руке удище, то ничего не видит и не слышит вокруг. И кроме того, рыбаки вообще не умеют бегать. Они же настоящие квашни.

Спор возобновился после ужина. Уложив детей спать, женщины завели разговор о вязании и способах приготовления пудинга, а Сэм и Арчи удрали на веранду.

— На сколько спорим, что, если завтра мы переоденемся марспанами, рыбаки этого даже не заметят? — спросил Сэм.

Арчи засомневался. Как всякий заядлый охотник, он не питал никакого уважения к любителям рыбной ловли. Но всему есть предел. Невозможно представить, чтобы человек, пусть даже рыболов, продолжал невозмутимо заниматься своим делом, внезапно увидев перед собой инопланетян.

— Идем, я хочу показать тебе кое-что, — сказал Сэм.

Они миновали сад и подошли к домику сторожа Эрнста. Под навесом рядом с садовыми ножницами, лейками и сеялками валялся всевозможный хлам.

— О господи! — простонал Арчи при виде всей этой ржавой рухляди. — Зачем ему металлолом?

— Кто его знает. Должно быть, в нем пробудился инстинкт антиквара.

Сэм взобрался на кучу хлама и принялся копать в ней.

— Вот! — воскликнул он и бросил Арчи водолазный шлем. — Тут должен быть еще один.

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас поймешь, — ответил Сэм. — Завтра утром мы наденем зеленый комбинезон, высокие резиновые сапоги, шлемы, нацепим на себя игрушечные пистолеты наших сыновей, и нас сам черт не отличит от марсиан! А потом отправимся на реку — подшутить над этими глупцами-рыболовами.

— По-моему, эта шутка может скверно кончиться.

— Ну что ты! — не унимался Сэм. — Они едва взглянут на нас и вновь уставятся на поплавок.

Если вечером комары весьма назойливы, то на рассвете они просто невыносимы. Тот, кто с самого утра отправляется в лес или на болото либо бродит по берегу реки, совершенно незащищен перед несметными полчищами этих вечно голодных и прожорливых насекомых.

Арчи и Сэм шли по тропинке, ведущей к реке. На обоих были длинные, до бедер, сапоги, зеленые комбинезоны с застежкой-молнией на груди. Сэм нес на спине два пустых водолазных баллона, а Арчи, не найдя ничего более подходящего, водрузил на плечи опрыскиватель, которым Эрнст, одновременно и сторож и садовник, опрыскивал виноградные лозы. За поясом у обоих болтались пластмассовые пистолеты, украденные у детей.

— Давай наденем шлемы, — предложил Арчи, убедившись, что пощады от комаров не дождешься.

Старый шлем оказался неимоверно тяжелым. У него не доставало винтового крепления, а потому он покоился прямо на плечах и к тому же страшно давил на затылок.

Наконец они добрались до проезжей дороги и прошли по ней метров сто. Внезапно из-за поворота вынырнул велосипедист в крестьянской одежде, с вилами за плечами. Он спокойно катил навстречу Арчи и Сэму, но, едва заме-

тив их, бросил велосипед и вилы и с воплем помчался прочь. Братья не сдержали довольной ухмылки. Затем настала очередь автомобилиста. Не доезжая метров пятидесяти, он резко затормозил, дал задний ход и, свернув на боковую тропу, на бешеной скорости скрылся вдали.

— Ого! — воскликнул Арчи. — Кажется, наш фокус с переодеванием возымел эффект.

Они вновь сошли с дороги и начали не спеша спускаться к реке.

— Остановись, Арчи, — сказал Сэм, едва они углубились в прибрежный кустарник. — Река совсем близко. — Он снял шлем и положил его на землю рядом с пистолетами. — Я схожу на разведку, а ты подожди здесь.

Минут через десять он вернулся.

— Там, в заводи двое этих психов уже уйдут.

Братья снова надели шлемы, нацепили пистолеты и пошли дальше.

— Говорить буду я, — сказал Сэм. — А ты молча стой рядом и постарайся не смеяться.

Они пересекли небольшую поляну, а затем Сэм повел брата вниз к реке по крутой тропке, еле заметной среди густой травы и кустарника. Берег реки сплошь порос канадским тополем, робинией, плакучей ивой; подернутая ряской вода лениво лизала их корни.

Первый рыбак сидел на большом гнилом бревне, наполовину утонувшем в грязи. Его напарник выбрал место чуть повыше, на расстоянии метров двадцати. Пахло илом и сыростью.

— Привет вам, люди Земли! — громко сказал Сэм, выставляя напоказ пластмассовый пистолет. — Мы прибыли к вам с Марса.

Рыболов даже не пошевелился.

— Тс-с-с! — прошептал он, по-гусиному вытягивая шею. Казалось, глаза его, словно магнит, притягивали к се-

бе пробковый поплавок, который как раз в этот миг тихонько дернулся.

— Эй, вы что, не слышали?! Мы прилетели с планеты Марс! — не сдавался Сэм.

Рыболов повернул голову и, прищурившись, взглянул на них. Затем встал и подтянул удилище.

— Подождите немного, — равнодушно произнес он. Потом нагнулся, открыл коробку с червями и стал копать в ней. Наконец он отобрал жирного червяка и ловко насадил его на крючок, после чего плавным движением руки снова забросил удочку в воду.

— Так, значит, вы прилетели... А, вспомнил, с Марса.

Разговаривая, он не сводил глаз с поплавка.

— Эй, Винни, — крикнул он другу. — Они прилетели с Марса.

В ответ тот лишь что-то недовольно промычал.

— Теперь убедился? Точь-в-точь как в рассказе, — шепнул Сэм брату.

— Меня зовут Сандерс, — сказал незнакомец. — Из-за вас я упустил вот такую рыбину. Тут всегда богатый улов. Но рыбы, они очень пугливы. Малейший шум, и уж их поминай как звали.

— Нам пришлось долгие годы слушать ваши радиопередачи, чтобы выучить ваш язык, — Сэм не знал, что бы еще такое сказать.

— А, радиопередачи... понятно... Когда же вы прилетели?

— Вчера после полудня. Наше летающее блюдце здесь неподалеку, на поляне.

— А-а!

В то же мгновение поплавок нырнул. Человек по имени Сандерс молниеносно подсек удилище. На приманку клюнула здоровенная рыба-кот, которая теперь отчаянно

билась в траве. Рыболов осторожно снял ее с крючка, поднял крышку ведра с водой и бросил туда добычу.

— Послушайте,— сказал он, отыскивая в коробке нового червяка для наживки.— Мне сейчас не до разговоров. В это время рыба клюет лучше всего. Приходите часа через два, тогда потолкуем.

Настаивать было совершенно бесполезно. Арчи воочию убедился, что в удивительных историях о рыболовах нет ни капли преувеличения — даже появление марсиан не в силах отвлечь их от любимого занятия. Братьям ничего другого не оставалось, как только вернуться домой.

Человек по имени Сандерс сложил удочку и собрал рыболовные снасти. Его примеру последовал и другой рыбак.

Когда они заглянули в ведра с водой, где плавали пойманные рыбы, на их лицах отразилось удовлетворение.

— Что им от тебя было нужно? — спросил Винни.

— Да ничего. Ты же знаешь этих землян. Им бы только шутки шутить. Одного не пойму — почему, когда им нужно устроить карнавал, они не в состоянии придумать чего-либо пооригинальнее, чем марсиане и летающие блюда?!

— Напрасно ты удивляешься, Сандерс. Откуда им знать, что Марс необитаем?

— Согласен. Но меня раздражает это полнейшее отсутствие воображения.

Они молча направились к лесу. На полпути Винни спросил:

— Как ты думаешь, эти рыбы-коты смогут акклиматизироваться в наших озерах?

— Разумеется,— ответил Сандерс.— Сначала придется пустить их в более холодные северные озера, а уж затем — в южные. Конечно, им придется туго. Рыбы Венеры

не выносят чужаков. Но ручаюсь тебе, у нас эти рыбы-коты приживутся.

Они подошли к поляне. Сандерс вынул из кармана странный на вид предмет серебристого цвета, нажал рычажок, и, словно по мановению волшебной палочки, на поляне появилось летающее блюдце.

— Этот кретин утверждал, что они приземлились именно здесь, — сказал Сандерс, поднимаясь по трапу.

Едва он захлопнул дверцу, как летающее блюдце точно растворилось в небе. Гудение двигателя в момент взлета едва ли было чуть сильнее гудения бесчисленных комариных стай, круживших над лесом; не удивительно, что никто из людей ничего не услышал. Впрочем, если бы даже летающее блюдце и можно было различить, кто бы его увидел? На этом участке реки не было никого, кроме рыболовов, а те, известное дело, когда удят, не видят ничего, кроме подрагивающего на воде поплавка.

МАКС

Сердце бешено колотится, в висках стучит, капли пота стекают со лба, на какой-то миг повисая на бровях, волосы спутаны. Он бежит, вернее, рывками несется от куста к кусту, бросок — и он застывает в кустах, потом снова отчаянный бег по траве, мимо дорожки, усыпанной галькой. Будь на нем мягкие мокасины, он ступал бы по-кошачьи бесшумно. А он бежит в сандалиях, перехваченных спереди ремешком, и малейший треск сухого сучка заставляет его застывать в неподвижности. Еще вчера ночью он мирно гулял по лугам. Но было ли то явью? Сердце колотится о ребра, пот струей катится по спине, тонкая майка прилипла к телу. Коттеджи утопают в тени гигантских олеандров. В зыбком свете луны, словно в глубине сцены, виднеется бело-голубой фасад. Луну заволакивают облака, но его самого куда сильнее опутал клубок сомнений: бежать... но куда? Спасибо тебе, Роланд, что ты меня предупредил. А, впрочем, за что же, собственно, благодарить? За торопливые слова: «Беги, Макс, беги, тебя решили убить»? При этом он дрожал, словно плющ, обвивающий стены, и всем телом прижимался к двери, как бы опасаясь, что ее внезапно могут распахнуть и тогда все увидят, что он, Роланд, встретился с ним в час ночи.

Макс задыхается, в горле жжет, все сильнее подступает тошнота, бежать дальше нет сил. Он останавливается у большого круглого миртового куста и хватается за шею: прожилки на ней пульсируют так сильно, будто сердце стучит здесь, прямо под кожей, а не в грудной клетке. Если бы не страх и невероятная усталость, он готов был взвыть,

уподобясь смертельно раненному зверю, в бок которому вонзилась стрела. А ведь всего полчаса назад он блаженно спал на своей узкой кровати, накрывшись простыней. Ему снился чудесный сон: будто он за несколько тысяч итабир купил старинную библиотеку на холме и теперь любителю ею. А за окном шелестели листья платана, и в комнату проникали звуки музыки, баюкая его сон словно плавное скольжение качелей.

Шум в висках немного стих. Макс выглянул из-за миртового куста, пытаясь определить, куда бежать дальше — длинная дорожка справа минут за двадцать приведет его к ограде, но хруст гальки будет отчетливо слышен в ночной тишине, даже если идти босиком; слева же, почти сразу за тропинкой, начинается густой лес. Правда, чтобы добраться до заграждения, ему придется переплыть через озеро, а это займет не меньше часа. И все же осторожности ради он предпочел именно этот вариант — так безопаснее. Он вновь приподнялся, но в тот же миг в ближайшем коттедже зажегся свет; его отделяли от коттеджа каких-нибудь десять метров.

Макс молниеносно спрятался за куст, а затем пополз в густую траву под надежной защитой тени от мирта. Он ползет, словно хромая собака: в правой руке зажаты сандалии, и он не может опираться о землю обеими руками. Нет, его даже с собакой нельзя сравнить. Если собака никого не кусает, не портит ковры, не пачкает на полу и не ворует оставленное в кастрюле мясо, то ее никто не станет убивать только за то, что она собака. Это же нелепо. А его хотят убить лишь за то, что он существует и одним этим мешает кое-кому обделывать свои делишки. Труссы, подлые, низкие трусы!

Распахнулось окно, и в проеме возник чей-то силуэт. Макс различает даже, как поблескивают стекла очков. А, это Деана, главный врач Генетического центра. Ему не

спится, он смотрит в небо, на подернутую облаками луну. Он повернулся, потер лоб. Сутулый, с одутловатым морщинистым лицом, он кажется еще старше в косом свете луны, прочертившем глубокие темные полосы у глаз и над подбородком. Понятно, почему ему не спится: должны же у него сохраниться остатки совести — ведь это не шутка убить человека или, на худой конец, принять решение о его смерти. Под старость остаются хотя бы угрызения совести, видно, они-то и мучают сейчас Деану, раз он не в состоянии безмятежно спать после того, как полчаса назад вынес смертный приговор. Он никак не отходит от этого проклятого окна. Из-за этого он, Макс, не может подняться. Стоит ему выйти на тропинку, как этот убийца Деана заметит и узнает его. А если даже не узнает, то сразу заподозрит, что кто-то пытается бежать, а этим «кто-то» может быть только Макс. И тогда Деана поднимет тревогу, сторожа бросятся в погоню, ловушка захлопнется и ему, Макс, придет конец.

Сзади слышались шаги, скрип гальки, мужские голоса. Если они увидят, что он прячется за кустом, то, само собой разумеется, спросят, что случилось. Возможно, они тоже входят в совет семи, который решил умертвить его (четырьмя голосами против трех). Тогда они сразу поймут, что он *знает* и решил спастись бегством. И в довершение всех бед Деана не отходит от окна — в лунном свете его серое лицо кажется маской покойника.

Макс поднимает голову, темное облако на миг обволакивает коттедж, силуэт Деаны, миртовый куст, дорожку. Шаги приближаются, вот они уже совсем рядом.

— Черт поberi, какая темень! Почему они не зажигают фонари?

— В районе коттеджей свет выключают ровно в полночь. Вероятно, из романтических побуждений.

«А, это Реверси и Пинкотти, ассистенты кафедры биохимии».

— Либо из соображений экономии, дорогой Пинкотти. Здесь, как видно, экономят на всем, даже на времени.

Шаги постепенно удаляются, хруст гальки становится слабее.

Впрочем, Реверси и Пинкотти прибыли в центр всего две недели назад, они не входят в совет семи.

Облако ширится, растет, за несколько секунд он сможет перебежать через дорогу и спрятаться за первым же кустом. Только бы Деана отошел от окна. Но он словно прилип к нему. А сейчас он, кажется, поднял руку и поднес ее ко лбу. Макс с трудом различает силуэт Деаны, а ведь он отчаянно напрягает зрение. Так неужели Деана, который даже не подозревает, что он прячется рядом, в кустах, может увидеть его? Ждать дольше невыносимо — облако может исчезнуть так же внезапно, как надвинулось, и вновь нестерпимо ярко засверкает луна. И тогда ему не удастся перейти на другую сторону, хотя дорожка неширокая, всего каких-нибудь метра четыре. Долго еще этот Деана будет торчать у окна, точно часовой?

Раньше Деана казался ему строгим и решительным, но в глубине души добрым и великодушным. А этот великодушный человек осудил его на смерть, даже не посчитав нужным допросить. Как плохо он, Макс, знает людей! От скольких иллюзий ему еще предстоит избавиться?..

Рядом протяжно застонала птица. Хоть бы все птицы в ночном лесу вдруг застонали и закаркали, заглушив шум его шагов по предательской гальке!

Настал момент действовать.

Макс приподымается на локтях и, по-прежнему сжимая в руке сандалии, встает во весь рост. У края тропинки он останавливается и в последний раз окидывает бдительным оком коттедж — его фасад и окна утопают во тьме. Макс с

величайшей осторожностью ступает босыми ногами по гальке; под порывами ветра шелестит листва робиний и орешника; теперь его защищает одно только облако, секунда-другая — и густой лес надежно укроет его и поведет за собой до самого озера.

Когда до спасительных кустов оставался всего метр, дорогу внезапно залило слепяще-ярким светом. Макс инстинктивно прыгнул через канавку и спрятался в диком орешнике. Тихо. Деана не окликнул его, скорее всего он вообще ничего не заметил. Снова застучало в висках и бешено заколотилось сердце, но еще яростнее, еще настойчивее бьется одна мысль: бежать, скорее, скорее, если он хочет остаться в живых.

Да, но у него есть преимущество: пока никто не знает о побеге, никто его не преследует. Макс немного успокаивается. За несколько часов он почти наверняка сумеет выбраться за ограду и скрыться либо в одном из ближайших селений, либо в городе. Если в Генетическом центре все спят, то его преимущество во времени перед потенциальными преследователями будет весьма существенным. А раньше чем эти негодяи сообразят, что он удрал, какой-нибудь ранний турист или шофер грузовика уже подвезет его до города.

Приободрившись, Макс не спеша двинулся к озеру по мокрой от росы траве. Потом сел на камень и надел сандалии. Узкие тропинки змеятся в густом кустарнике, и он боится, как бы не сбиться с пути. Когда он вышел на опушку леса и увидел озеро, по воде вдруг пробежали белые полосы — ну и луна сегодня! Нет, то не луна, а лучи прожектора! Они безжалостно вонзаются в воду, словно кинжалы в тело жертвы, скрещиваются, разрубают тьму, а луна, эта продажная тварь, спотыкаясь, бежит им на помощь. Значит, Деана что-то заподозрил и принял меры! Быть может, на берегу кто-нибудь притаился в кустах, возле

прожекторов? Иначе зачем их вдруг зажгли ночью? Макс осторожно, стараясь слиться с кустарником, повернул назад. Каждый шаг — это победа, раз его не прерывают голоса, чужие шаги, выстрелы. Они, видимо, подозревают, что он решил бежать, однако еще не обнаружили его исчезновения. Впрочем, они знают, что кратчайший путь к заграждению лежит через озеро, и поэтому предосторожности ради решили осветить его прожекторами. Но он перехитрит их — пересечет лес, держась левой стороны, и выйдет на левый берег, где сразу же за холмом начинается заграждение. Вряд ли они поставили охрану вдоль всей ограды. Разве что... Нет, нет, они не могли вызвать из города наряд полиции. Им пришлось бы сообщить причину, а на это они не пойдут.

Макс чувствует себя сейчас гораздо спокойнее и увереннее. Он углубляется в чащу; ветер шелестит в листве, заглушая звук его шагов, густые кроны деревьев надежно укрывают его от преследователей. Время от времени вдали голубоватой полоской блеснет озеро и снова исчезает.

Теперь он уверен, что его никто не отыщет. Он ощупывает рукой слегка раздувшийся задний карман. Хорошо, что он прихватил это с собой...

«Тебя хотят уничтожить, убить... Беги, Макс, беги. Возьми пистолет, защищайся, если тебя обнаружат».

Но он откроет огонь лишь в крайнем случае. Когда кончится этот лес?! А может, лучше, чтобы он вообще не кончался?

— Кто идет? — раздается из темноты.

Макс бросается в сторону, спотыкается о камень и падает, оцарапав щеку о колючий куст. Шаги приближаются. Макс вскакивает, хочет бежать, но его настигает голос:

— Чего ты испугался, Макс?

Макс попятился назад, сунул руку в задний карман.

— Пропусти меня, не то...

— Что с тобой, Макс? Это же я, Антонио, ты разве меня не узнаешь?

— Не приближайся!

— Хорошо, хорошо. Но чего ты боишься?

«Значит, Антонио ничего не знает. Вероятно, он отправился в ночной обход, прежде чем его успели предупредить».

Антонио ни о чем не подозревает, он совершает обычный ночной обход. Странно, что он, Макс, не признал его по характерной мохнатой шапке. Сколько раз прежде, когда он поздним вечером выходил погулять, они усаживались с Антонио на камень, сторож раскуривал свою пенковую трубку, и начиналась неторопливая беседа. Ему двадцать лет, а Антонио — пятьдесят. Сколько интересного рассказал ему Антонио, особенно о травах и растениях. И если он, Макс, научился различать цикорий, вербену, цикуту, вьюнок, лютик, то это только благодаря Антонио. А теперь он чуть было не...

— Видишь ли, Антонио, мне стало нехорошо, я испугался...

— Если тебе плохо, почему же ты не остался дома?

— Мне захотелось подышать свежим воздухом, а потом я сбился с пути, но теперь, прошу тебя, уйди, я хочу побыть один.

— Что же тебя могло испугать, Макс? Раньше ты ничего не боялся.

— У меня закружилась голова. Но все прошло. Отойди в сторону, дай мне пройти.

— Пройти? Куда ты собрался, Макс? Ведь тебе худо...

— Было. А теперь я чувствую себя отлично. И не смотри на меня так.

Поддайся он приступу безумного страха, и Антонио валялся бы сейчас в траве мертвым. Он не должен думать,

что все уже знают, что все против него, Макса. Он, которому никогда в жизни не приходилось защищаться, отныне должен защищать ото всех свою жизнь.

А вдруг Антонио знает и лишь притворяется? Что, если он хочет задержать его разговорами, пока не подспеют остальные?

Макс подскочил к Антонио, схватил его за плечи и стал яростно трясти.

— Признавайся. Мне все известно.

Сторож задрожал от страха.

— Что ты, Макс? В чем признаваться?

— Я пристрелю тебя как собаку, если ты не скажешь всю правду.

— Да ты рехнулся, Макс! За что ты хочешь меня убить? Что я тебе такого сделал?

— Скажи мне, только не лги, в котором часу ты вышел из дому?

— В одиннадцать...

— Тебе кто-нибудь звонил?

— Никто...

— Как я могу проверить, что ты вышел из дому в одиннадцать часов?

— У меня в кармане расписание дежурств. Я каждый раз пробиваю время ухода и возвращения.

Электрочасы не лгут: 22 часа 59 минут. В это время совет семи еще заседал в конференц-зале. Антонио действительно ничего не знает.

— Прости меня, Антонио. Прощай.

— Макс, но почему вдруг...

— Поклянись, что ты никому не скажешь, что видел меня.

— Клянусь. Но объясни, почему...

— Моя жизнь в опасности. Больше я ничего не могу тебе сказать, да и не знаю. Если ты будешь молчать, мне,

скорее всего, удастся спастись. А если ты проговоришься, меня ждет смерть.

— Ты любишь шутить, Макс. Придумал себе приключения, какие-то опасности. А все потому, что ты слишком много читаешь. Вечно сидишь за книгами. Я всегда говорил, это до добра не доведет, ты...

Но Макс уже скрылся в кустах. Антонио его не предаст, он добрый верный друг. Однако разве доброта не переходит порой в недомыслие, а верность — в чрезмерную доверчивость? Если Антонио решил, что он сошел с ума, то, чего доброго, ему может взбрести в голову предупредить докторов и самого Деану, что надо спасти бедного мальчика. Нет, скорее всего Антонио сохранит тайну, очевидно, он все понял, а может, даже все уже знал и просто притворялся. С какой целью? Да чтобы он, Макс, мог спастись бегством.

Бежать, вырваться из этой невидимой паутины, избавиться от давящего страха и надежд, мгновенно сменяющихся подозрениями. Теперь он знает, что значит вздрагивать при каждом шорохе, при шелесте листвы, при малейшем неосторожном шаге.

Бесполезно ломать себе голову, знает Антонио или нет, выдаст он его или промолчит, опасность исходит от других, и прежде всего от сторожей большой ограды. Конечно, лучше бы этой крайне нежелательной встречи не было, но если она все-таки произойдет, он сумеет постоять за себя.

Он снова нащупал пистолет в заднем кармане. Эта маленькая плоская штуковина порождает в нем чувство горькой уверенности в своей способности защищать собственную жизнь даже ценой чужой жизни. А ведь Деана, да, да, именно Деана, воспитывал его в духе благородства и справедливости, в духе доброжелательности к другим. Но разве сам Деана не показал себя неблагородным и несправедливым? Поэтому он, Макс, имеет полное право не ща-

дить своих преследователей. Подставлять другую щеку, когда тебя бьют, не только глупо, но порой и бесчеловечно. Если тебе нанесли оскорбление, то повториться это не должно. Впрочем, разве сейчас можно говорить об оскорблении? Разве покушение на его жизнь можно сравнивать с обидой, сколь бы тяжелой она ни была?

Нет, он имеет моральное право и просто на защиту — бегство и на крайнюю меру — убийство во имя самосохранения.

Над его головой колышутся ветви, от резких порывов ветра срываются и падают наземь листья, и на востоке уже занимается заря. В гнездах зашевелились птицы, где-то вдали запел петух.

Макс шагает в постепенно редеющей тьме, и с каждым шагом растет надежда, что на рассвете он доберется до подножия холма, где как-то во время прогулки он обнаружил небольшую пещеру и замаскировал вход в нее ветками. Там его ждут книга и начатая пачка печенья. Там он отсидится до наступления ночи, а потом одолеет холм, заграждение с колючей проволокой и вырвется на свободу, наконец-то вырвется на свободу...

Двойная спираль, каждое кольцо в цепи — двойная спираль, черная и белая, а цепи, словно жала змей, тянутся от огромного сосуда. А может, это вовсе и не спирали, а две змеи, одна черная, другая белая. Нет, то не змеи, а цепи, образующие два завитка. Оба они уходят куда-то в бесконечность от прозрачного сосуда, в котором бурлит похожая на желатин жидкость. В сосуде, а может над ним, клубится темно-серое облачко, и от него протянулась двойная цепь, черная и белая, словно дорога, уходящая вдаль, и невозможно даже вообразить, где она кончается. Прозрачный сосуд, и от него спиралью змеятся дороги-цепи.

Двойное кольцо, и на него нанизывается еще черное и белое, и еще. Десятки, сотни цепей сбегает вниз, тянутся вверх, влево, вправо, насколько хватает глаз. И между каждой цепью — пустое пространство, крохотное и одновременно необъятное. Разве пространство может быть крохотным и в то же время необъятным? Но он же отчетливо видит и каждое кольцо в отдельности, и всю необъятную махину цепей, берущих свое начало в сосуде, вечном источнике жизни. Ничто не создается, ничто не уничтожается. Но если ничего не создано, то зачем же уничтожать его, Макса? А если ничто не уничтожается, то к чему было его создавать? Что, если он вообще не был создан и, следовательно, не поддается уничтожению? И если все-таки создан, то кем и для чего?

Нуклеиновая кислота, хромосомы, рибонуклеиновая кислота, биосинтез, гены, метаболические реакции, цепи... кровь, нервы, костяк, мускулы, ногти, волосы, цепи, которые генетически умножаются, новые цепи, параллельные первым, смыкаются с вертикальными цепями, образуя бесконечную решетку, черную и белую, черную и белую... Непонятно, как они могут быть параллельными и одновременно исходить из одной и той же точки, из сосуда жизни?

Он протягивает указательный палец к этой решетке, хочет проверить ее прочность, палец вонзается в сплетение колец. И сразу же цепи сомкнулись вокруг костяшек пальцев, запястья, локтя, обвилились вокруг спины. Вот они уже обхватили его руки, ноги, сжимают тело все сильнее, все неумолимее.

Но кто-то в белом халате подходит к сосуду и обеими руками начинает вычерпывать из него желатинообразную массу. Цепи лопаются с адским треском, разрывая ладонь, руки, ноги, все его тело. Он, Макс, больше не существует, но почему-то отчетливо сознает это. Деана, да, да, это Деана безумными глазами глядит в небо, ищет луну, но и

она исчезла, растворилась во тьме. Ничего, кроме безбрежной тишины и тьмы, — если только тьма еще существует, черная точка в пространстве, готовая в любой миг взорваться пистолетным выстрелом...

Где-то совсем рядом грохнул выстрел. Макс вскочил и ошалело уставился в темноту. Значит, он жив, жив. А цепи, а жидкость в сосуде? Новый выстрел... Ружейный. Его нашли и хотят запугать. Но зачем им было стрелять? Они преспокойно могли убить его во сне, беспомощного, неспособного сопротивляться.

Впрочем, разве Деана уже не умертвил его, вычерпав из сосуда жидкость и разрушив цепи жизни? Умертвил его во сне, точнее в сновидениях, если верно, что раньше он видел сны, а теперь проснулся. А может, наоборот — прежде он бодрствовал, а теперь грезит наяву? Он вконец запутался.

— Посмотри-ка, он рядом.

Незнакомый голос звучит спокойно, уверенно, словно преследователь окончательно убедился, что добыча у него в руках.

Так, значит, все кончено, его нашли.

Выйти и сдаться? Покорно, без всякой борьбы? Сколько их? Пистолет — жалкая игрушка в сравнении с их оружием. А может, лучше вступить в переговоры? Но захотят ли они его выслушать?

— Возьмем ее живьем?

«Почему «ее», а не «его»?»

Голоса звучат совсем близко от его замаскированной ветками пещеры.

— Какая маленькая нора!

— Она выбежит вон отсюда!

Это же голоса трех сыновей химика Бальдинелли! Они

ищут не его, а лисицу, за которой безуспешно охотятся каждое утро. Вероятно, они обнаружили поблизости ее нору. Что, если они начнут рыскать вокруг и увидят пещеру? Надо затаиться и терпеливо ждать — густой кустарник у входа в пещеру надежно укроет его. В пещере темно, снаружи проникает лишь бледная полоска света. Мальчишки, наверно, притаились сейчас у норы.

— Ее нужно выкурить. У тебя есть спички?

— Да, но где взять бумагу?

— Наломай побольше веток.

— Они мокрые.

— Тише вы, лису спугнете.

— Ей все равно не удрать. Ведь мы стережем вход.

Один из мальчишек подобрался к самой пещере, ломает сухие ветки. Затрещали брошенные в костер ветки и сучья. Если сейчас выстрелить, решат, что это стрелял охотник. Но сумеет ли он застрелить всех троих? Кто-нибудь из ребят наверняка убежит и поднимет тревогу. А главное, на его совести будут три жизни. Вот до чего довел его Деана! Впрочем, сам-то господин профессор, верно, уничтожил не трех человек. А может, он, Макс, его первая жертва?

Тень у входа в пещеру заколыхалась. Слышно было, как мальчуган обломал ветку у самого входа.

— Марио, хватит, огонь и так разгорелся на славу.

Тень удалилась, в пещеру вновь ворвалась полоска света.

— Приготовьте сеть, ей придется вылезти, не захочет же она сгореть живьем.

— Вон она, держите, набросьте сеть!

И сразу же горестный крик:

— Удрала!

Макс отер пот со лба, обессиленный, прижался к стене. И он тоже лиса, которую ищут, хотят выкурить из убежища. Нет, он даже не лиса, хитрая и ловкая, а пуг-

ливый заяц, которого неотступно преследуют и хотят подстрелить.

Дождавшись, когда все вокруг стихло, Макс прикинул глазом к расщелине. По всей вероятности, сейчас часов шесть-семь вечера, до наступления ночи ждать осталось не так уж долго.

Прекрасный зеленый холм, ты стал местом ловушек и опасностей, холм, мирно опочивший на равнине, ты грозишь мне смертью из засады. Каждая травинка, каждый цветок кажутся сейчас глазами врага, выслеживающего меня во тьме...

Почему так громко стучит сердце? Уймись, глупое, не бойся. Они ищут тебя у заграждения, у бесконечно длинной ограды. И эта бесконечность спасет тебя — встреча со смертью не состоится. Прекрасный холм, ужасный холм, прощай!

Преодолеть ограду оказалось не таким уж сложным делом. Полная и чистая июльская луна покорно светила ему, пока он карабкался наверх и, до крови обдирая ладони, спускался вниз. Ей он посвятит свое лучшее стихотворение, потом, когда минует опасность. Он уже давно пишет стихи, но никто об этом и не подозревает, да он и сам порой стыдится своих ребяческих восторгов. Кто в наше время читает стихи? Поэзия умерла, высохла в плетеных пыльных переплетах, в разошедшихся книжных шкафах. Никто не прикасается к пожелтевшим страницам, разве что отдельные чудачки, вроде него, Макса. Кому в наше время нужны послания человеческой любви? Да и заслужили ли земляне его любовь? Скорее, ненависть. Все до одного? Или только те семеро, вернее, четверо убийц, что

осудили его на смерть? Четверо из семи. Значит, и на Земле еще есть люди, достойные этого высокого имени.

Поднятый вверх указательный палец, и шофер Государственного центра снабжения молоком и молочными продуктами резко притормозил свою гигантскую турбомашину.

— Куда?

— В Милан.

— Садись.

На вид ему лет тридцать, лоб прорезала глубокая морщина, щеки запали, под живыми черными глазами темные круги. Время от времени он зевает во весь рот, протяжно, со вкусом.

— Спать хочется?

— Зверски.

— А меня мучит голод.

— Голод?

— Да, чертовски хочу есть. С утра во рту маковой росинки не было.

Не грех солгать, да и можно ли назвать едой пачку витаминного печенья?

— На, возьми, Мариза каждое утро накладывает в корзину столько всего, словно я собираюсь на Луну. Восемь бутербродов — ни больше, ни меньше. И бесполезно спорить. «Лучше взять лишнее, чем недобрать», — говорит она. Ешь.

Макс жует бутерброд медленно, неторопливо, но если бы не эти дурацкие правила приличия, он бы проглотил его в один присест. До чего вкусен свежий мягкий хлеб! Он изысканным жестом стряхивает с брюк крошки, но вот съеден третий бутерброд, четвертый...

— Пожалуй, хватит, не то тебе ничего не останется.

— За меня не волнуйся. Мне до того спать хочется, что кусок в горло не лезет. Я всю ночь глаз не сомкнул. Дочка ревела до самого утра. А потом только задремал, задремал будильник. Даже побриться не успел.

— Э, я тоже. Понимаешь, прибыла телеграмма из Милана — бабушка заболела. Пришлось сразу же отправляться в дорогу.

— Почему же ты не поехал поездом?

— В моем селении первый поезд останавливается только в шесть. Вот я и предпочел воспользоваться авто-стопом.

— А-а-а-а-а...

На этот раз зевок был особенно продолжительным и сладким — если уж поспать нельзя, то хоть позевать вволю.

— Как тебя зовут? Меня — Джанни.

— А меня Макс.

— Иностранец?

— Нет, итальянец.

— Почему же тебя называли Максом?

— Э, кто знает. Впрочем, имя как имя, не хуже других.

— Так вот, я Джанни Торриззи. А ты?

— Макс.

— Это я уже понял. А фамилия?

— Фамилия... Зачем тебе, собственно, это знать?

— Да так, к слову пришлось. Но если не хочешь, не говори. Надеюсь, ты не выблюдок?

Макс не знает, что такое «выблюдок», но догадывается.

— Моя фамилия — Деана. Макс Деана, — выпаливает он первое, что пришло ему на ум. Хотя нет, он не случайно вспомнил именно этого человека, самого близкого и самого ненавистного.

— Деана... Деана... Знакомая фамилия. Может, я ее в газете встречал?

— В Италии полно Деан. У меня самого восемь братьев, у моего отца, Витторио Деана, — двенадцать. Так что, видишь, сколько у меня дядьев, а у каждого из них в среднем пять сыновей. И это только в нашем селении.

— Где оно?

— Там, за холмами... Ого, какой шикарный элиспидер! Когда кончу учиться, непременно куплю себе такой же.

— Послушай, ты машину водить умеешь?

— Приходилось.

— Тогда подмени меня. Мне бы соснуть хоть полчасика. Иначе не выдержу. А-а-а-а-а...

— Говорят, что это рискованно.

— С чего вдруг?

— У меня с собой нет прав.

— Велика важность. Главное, водить машину можешь? Восемнадцать тебе уже исполнилось?

— Конечно.

— Так в чем же дело? Пойми, если я опоздаю, придется платить штраф. А я больше не могу, глаза слипаются. Всего-то минут на пятнадцать.

Он притормозил, они поменялись местами. Макс нажал кнопку, и машина вновь помчалась по автострате. Через спущенное окошко в кабину залетает прохладный утренний ветерок и приятно обвеивает лицо. Как это чудесно, вести по глассасфальту турбомобиль, везущий в Милан молоко и молочные продукты! Скорости переключаются автоматически, огромные шины способны выдержать невероятные нагрузки. Да, этим мастодонтом управлять легче, чем малолитражкой, которой Деана иногда позволял ему пользоваться. Опять Деана! Пора бы уже выкинуть его из головы. Его, Макса, ждет пятнадцатимиллионный город, в котором он непременно найдет себе работу по вкусу.

Мимо проплывают деревья, кусты, небоскребы, машина беспрекословно повинуется воле автомата, ему остается

лишь следить за сигнальной лампой... Высоченные колокольни возносятся прямо к небу, и в воздухе плывет металлический перезвон, поют колокола, записанные на пленку. А ведь много веков назад звонари и в самом деле звонили в большущие бронзовые колокола: дин-дон, дин-дон, звуки растут, ширятся, нагоняют турбомобиль, кажется, будто сотни молоточков стучат по рельсам... Почему так гудят рельсы?.. И сразу за этой мыслью — пустота, тьма...

— Никак не придет в себя?

Макс слышит это, открывает глаза: он лежит на траве. Над ним склонились трое дорожных полицейских, один из них хлопает его по щекам.

— Наконец-то ты очухался, милоч.

— Где я?

— Государственная дорога 10027, участок икс 15. Ты выехал на обочину, и машина опрокинулась.

— А Джанни?

— Второй шофер? В больнице. Перелом костей черепа.

— Перелом?! О боже...

— Не поминай бога, а предъяви-ка лучше документы.

— Документы? Они в кабине.

— Оставь его в покое, не видишь разве, что он ничего не соображает. Здорово ударился, парень? Дай-ка я посмотрю. Э, даже царапины нету. Тебе повезло, милейший, вылетел через дверцу и растянулся на траве. Даже поспал немного.

— Где Джанни?

— Тебе же сказали — в больнице.

Турбомобиль лежит на боку у края дороги, похожий на уснувшего динозавра. Лишь теперь Макс понял, что произошла серьезная авария. И зачем только он согласился подменить Джанни?! Ведь он ни разу в жизни не водил грузовиков. Видимо, он и в самом деле задремал, убаю-

канный мерным звоном колоколов и шуршанием шин, успокоенный необычайной легкостью управления. А по его вине бедняга Джанни оказался в больнице.

— Куда его отвезли?

— В боль-ни-цу.

— Да, но куда именно?

— В Милан.

— Мне надо его повидать. И немедленно.

— Не торопись, дорогой, не торопись. В кабине мы нашли удостоверение личности на имя Джанни Торриззи, родившегося в 2032 году в Атом-Ро. Джанни — это ты или тот, другой?

— Другой.

— Кто из вас шофер?

— Джанни.

— А твои документы где?

— Они лежали вместе, не понимаю...

Полицейские снова принимаются рыться в найденных бумагах. Макс сидит на траве и смотрит, как луч солнца золотит каплю росы на верхушке стебля и та сверкает и переливается, словно прозрачный хрусталик.

— Тут больше ничего нет. Поищи у себя в карманах.

Капля медленно стекает вниз по стеблю...

— Эй, ты что, оглох?

Один из полицейских бесцеремонно залез к нему в карманы.

— О, да у тебя пистолет! Где разрешение на ношение оружия?

Макс не отвечает — он не знает, кто он, как себя назвать, как объяснить отсутствие документов.

— Зачем тебе понадобился пистолет? Откуда ты? Отвечай, нечего разыгрывать из себя простачка. Тут дело нечисто, Бернардо, похоже, он удрал из тюрьмы. Пиши донесение.

Бернардо вынул записную книжку и ручку.

— Диктуй.

«Сегодня, дня 28 июля 2063 года, в 6.31 на государственной дороге 10027, участок икс 15, нижеподписавшимися агентами дорожной полиции Лучани Марио, Антини Бернардо, Берточчи Карло был обнаружен перевернутый турбомобиль Центра снабжения молоком и молочными продуктами, номерной знак ЛОМВ 30900321. Был обнаружен также некий Торриззи Джанни, 31 года, что подтверждается документами... Перелом черепной коробки... Отправлен в больницу на машине скорой помощи... Найден некий юноша без документов... отказывается назвать себя... имел при себе пистолет, прилагаемый ниже... документов не имеет... Вызывает подозрения... Решено передать его в руки Центрального полицейского управления Милана, в отдел подозрительных лиц.

Акт составлен по всем правилам.

Лучани Марио, Антини Бернардо, Берточчи Карло».

Какой смысл молчать? Почему откровенно не рассказать обо всем? Иначе они подумают, что он преступник или убийца, бежавший из тюрьмы. Его обвинят во всех преступлениях, действительных и мнимых. Но разве это его вина, а не тех, кто осудил его на смерть, заставил бежать?

Поверят ли ему? Кто поверит, что в Генетическом центре... Как доказать, что он действительно существует? То, что он, Макс, сидит сейчас перед ними, для полиции ничего не значит. Ей нужны его имя и фамилия, данные об отце с матерью, место рождения, особые приметы. Но он не может представить этих сведений. В мэрии он не зарегистрирован, его лицо, лоб, нос, глаза не запечатлены ни на одной фотографии в каком-либо документе. Он, Макс, не существует.

Глядя на толстую, носорожью физиономию полицейского комиссара с густыми, черными бровями, которые то опускаются, то черной стрелой взлетают вверх, Макс особенно остро чувствует всю нелепость своего положения.

Единственное место, где его происхождение не вызвало никаких сомнений, где с первого же дня его называли просто Максом и не задавали ему никаких вопросов, пришлось покинуть. Там ему дали жизнь, и там же его хотели убить.

Он расскажет все, разоблачит этих фарисеев.

— Но, дорогой юноша, вы рассказали такие вещи, что при всем желании... Специальные установки для воспроизводства жизни?! Механизм, занимающий три помещения? «Генетический» сосуд?.. Знаете, Макс, простите, что я не называю вас по фамилии, но вы утверждаете, что у вас нет фамилии, такое встречается лишь в научно-фантастических рассказах... А потом вы оказываетесь в турбомобиле, подменяете шофера Джанни Торриззи, которого, по вашим же словам, вы до этого не знали, и... машина терпит аварию. В кармане у вас находят пистолет и не находят никаких документов. Согласитесь, все это выглядит довольно странно, а ваши объяснения, увы, неправдоподобны. Скажите, с какой целью главный врач Генетического центра решил вас убить?

Этого Макс не знает. И даже не догадывается.

— Знаете что, давайте вместе съездим туда и на месте во всем разберемся. Согласны?

— С вами я охотно поеду.

Полицейский комиссар говорит неторопливо, по-отечески дружелюбно, его лицо и жирное туловище носорога резко контрастируют с плавными жестами и спокойными

словами. Видно, он не верит его, Макса, объяснениям, а быть может, просто хочет до конца разобраться в запутанном деле. Он нажимает кнопку, и сразу же загорается зеленая лампочка видеотелефона.

— Двадцать один дробь шесть. И еще сто десять тысяч двадцать, и немедленно.

Что бы это могло означать?

Вошедшие в комнату четверо полицейских с перебитыми и расплюснутыми носами на угрюмых, заросших волосами лицах молниеносно накинули на него мешок с прорезью для глаз и в два счета скрутили ему руки и ноги.

Полицейские отвели его в боковую комнату. Здесь светло и прохладно. Слева столик, стул, кровать, в стену вмонтирован видеофон. Совсем не похоже на камеру. Двое полицейских уложили его, спеленутого точно младенца, на кровать и ушли.

Макс с удовольствием слушает забавные песенки. Он ничуть не тревожится за свою судьбу — все уладится.

— Вам принесли поесть, дружок? А выпались вы хорошо? Вижу, вы побрились. Увы, я был к вам несправедлив. Вы говорили правду. Сейчас же прикажу снять эту гимнастерку. (Макс саркастически усмехнулся: смиренную рубашку он называет гимнастеркой!) Вы улыбаетесь? Да, да, все выяснилось, все в порядке, мы отвезем вас в надежное место.

Полицейский комиссар Гарроне сама любезность, но левая бровь у него лихорадочно дергается.

— Что же вы выяснили, синьор комиссар?

— Все, абсолютно все... Не беспокойтесь. Сейчас мы вас освободим. Но прежде мне хотелось бы побеседо-

вать с вами. Поверьте, никакая опасность вам больше не грозит.

— Я и не беспокоюсь. Но вы арестовали виновных? Они будут наказаны?

— Конечно, конечно. У нас в руках веские доказательства.

— Не могу ли я поговорить с главным врачом центра?

— Зачем?

— Видите ли, я хотел бы узнать, что побудило...

— О, я конфисковал архив, и теперь мы знаем буквально все о вашем рождении и жизни в Генетическом центре. Мы отвезем вас в надежное место... А тем временем все окончательно утрясется.

— Что, собственно, должно утрястись? Мне надо подыскать себе работу в Милане. Я разбираюсь в генетике, биологии, астрофизике и... и очень неплохо знаю литературу, особенно классическую. И даже пишу стихи...

Макс радостно улыбается. Впервые в жизни он преодолел робость и стеснение и признался в своем увлечении поэзией. Грузный, неуклюжий полицейский комиссар весьма ему симпатичен, он даже попросил у него, Макса, прощение.

— Да, да, я все знаю.

— Как, и даже то, что я сочиняю стихи?

— Ну, разумеется, друг мой. Полицейский комиссар Гарроне проводит расследование с точностью часового механизма. За какие-нибудь сутки я выяснил, почему вас хотели уничтожить.

— В чем же была причина?

— Причина, причина... Вы слишком много хотите знать, друг мой. Послушайте, как только вас освободят... я сам...

— Простите, но имею я право знать, почему меня хотели убить?

— ...отвезу вас в тихое, спокойное место. Но, друг мой, вы тоже натворили дел: пистолет, вождение турбомобиля без прав, дорожная авария...

— Знаю, я поступал глупо. Но, поверьте, тут не только моя вина. Я очень тревожусь за Джанни, я хотел бы возместить все убытки.

— Я звонил в больницу. Торриззи вне опасности. Как только у вас появится такая возможность, вы оплатите убытки.

— Для этого мне надо побыстрее найти работу.

— Такие благородные намерения делают вам честь. Несколько дней вы пробудете в одном очень приятном месте, а потом...

— Мне бы хотелось знать, что это за место.

— Могу назвать вам адрес. Но разве вы знаете все улицы Милана и его окрестностей? Итак, виа дей Космографи, 5. Вам это что-нибудь говорит? Там живут мои друзья. Чудесный дом с небольшим парком — вы сможете там гулять, читать, писать, изучать биологию. В доме богатая фильмотека и даже несколько шкафов со старинными книгами и произведениями классиков.

— Ваши друзья тоже любят классиков?

— Мои друзья? О да, очень... Кроме моих друзей, вы найдете там много других симпатичных людей. Ручаюсь, вы останетесь довольны.

— Благодарю вас, синьор комиссар, но что будет потом?

— Потом, потом... Немного терпения, друг мой. У меня тысячи других дел — надо составить отчет, проверить подлинность документов, подготовить окончательные выводы...

— Конечно. Один отчет о преступлении врачей Генетического центра займет немало времени.

— О преступлении врачей?.. А, ну да.

Полицейский комиссар Гарроне сосредоточенно почесал затылок.

— Скажите, а кто вам рассказал вашу историю, вернее, историю вашего рождения в лабораторных условиях?

— Деана. Мне тогда было всего пять-шесть лет. Он часто рассказывал об удивительных возможностях живой материи. Нередко он брал меня в лабораторию и позволял стоять рядом — смотреть, как он работает. В сущности, это даже не лаборатория, а огромный единый механизм, занимающий три помещения, связанных подземными коридорами...

— Я осмотрел все три помещения, но...

— Нужны годы, чтобы понять, что собой представляет этот механизм. Мне на это понадобилось целых десять лет. И все же до сих пор я по-настоящему не разобрался во всех тонкостях процесса. Необходимо учитывать, что отдельные клетки имеют весьма сложную структуру, они отличаются друг от друга в зависимости от выполняемых функций. Каждая клетка живет своей напряженной жизнью. Конечно, я не в состоянии научно объяснить все, что происходит в клетках: взаимодействие аминокислот, витаминов, белков, влияние мутаций, хотя, по сути дела, это довольно просто, а вот...

Полицейский комиссар Гарроне поднял руку в знак того, что ему все понятно. А между тем он ничего не понял, ведь так сразу всего не объяснишь.

— В самом механизме генерации смонтированы коллекторы, автоклавы, денсиметры, ионизаторы...

— По-вашему, этого достаточно, чтобы создать человека... человека, наделенного душой?

— Вот уже два тысячелетия люди ведут исследования в этой области. Человечество издавна мечтало создать искусственного человека. Древние кудесники придумали го-мункулуса... Разумеется, все это было очень далеко от со-

вершенства. Но ученые экспериментировали, искали, спорили... Главная заслуга Генетического центра в том, что ему удалось отыскать последнее звено в длинной цепи исследований о тайнах живой материи. Я — первый человек, созданный искусственным путем. Безусловно, во мне множество недостатков, я не блещу красотой, но я человек!

— Э, насчет красоты вы, мой друг, можете быть совершенно спокойны. У вас приятное лицо, живые карие глаза, да и ростом вас бог не обидел. Вы очень похожи на моего племянника.

— Благодарю вас, я не очень-то пекусь о своей красоте. По-моему, главное быть просто человеком.

— Но вы уверены, что появились на свет с помощью... гм... «генетического сосуда»?

— Конечно. Мне рассказывал Деана. И потом я прочел множество специальных книг. В этом нет ничего особенного...

— Так, так... Значит, вы много читаете... А сны вам снятся?

— О да, и очень часто! Летом и зимой, в жару и в холод, ночью и днем.

— И днем?!

— Да, стоит мне прилечь на часок-другой после обеда.

— Вот оно что...

— Знаете, прошлой ночью, когда я прятался в пещере, мне приснился удивительный сон. Мне пригрезилось слияние материи. Но затем появился Деана и все уничтожил, взорвал. Это было ужасно, но мне наяву грозила смертельная опасность. Обычно же мне снятся прекрасные сны, к примеру — только слияние материи. А вчера я слышал во сне изумительную молекулярную музыку.

— Отлично, отлично. Итак, вам часто снится слияние материи?..

Полицейский комиссар Гарроне откашлялся, затем достал носовой платок, высморкался, после чего аккуратно сложил платок.

— Гм, гм... А что вам говорили другие ученые, ну, например, биохимики?

— Они тоже говорили о бесконечных возможностях живой материи.

— Послушайте, а если бы кто-нибудь из них сказал вам, что все это ваша фантазия, что на самом деле вы плоть от плоти и кровь от крови сын одного из них... Вы бы ему поверили?

— Сын одного из них?..

— Ну, скажем, сын Деаны, рожденный женщиной, как и все остальные люди.

— Я бы сказал, что это ложь.

— А если бы тот человек настаивал?

— Но, синьор комиссар, это же невозможно, абсолютно невозможно!

— А вам не кажется, что еще немыслимее считать себя «сыном», как вы выражаетесь, генетического сосуда?

— Так ведь я много лет назад узнал об этом! Как же я могу теперь поверить в какую-то нелепую басню?!

— И все-таки попробуйте на миг вообразить, что вы сын Деаны.

Макс на минуту задумался, а потом громко рассмеялся.

— Я еще в своем уме, синьор комиссар. Будь я сыном Деаны, зачем бы ему понадобилось обманывать меня? Старик прекрасно мог рассказать мне всю правду.

— Жизнь сложна и запутана, друг мой. Но я попытаюсь вам объяснить. Вы — незаконный сын Деаны. Не пугайтесь...

— Незаконный сын Деаны? Этого не может быть. Зачем же тогда он...

— Видите ли... Деана боялся гнева жены, от которой у него не было детей. И тогда он придумал историю о том, что вы — порождение живой материи. Очень хитроумную историю. Жена поверила ему, коллеги Деаны в частных разговорах с вами, Макс, поддерживали эту версию. Однако, заметьте, они не опубликовали ни одной научной работы об опытах с живой материей и тем более о вашем... гм... происхождении. Согласитесь, что это весьма убедительное доказательство... Вы сын Деаны и его ассистентки, которая умерла десять лет назад от инфекционного гепатита. Я сам видел медицинское свидетельство.

— Не могу поверить вашему рассказу, синьор комиссар... Но допустим, вы правы. Тогда почему же Деана... мой предполагаемый отец хотел меня убить?

— Убить? Тут явное недоразумение. Ваш друг, Роланд, который предупредил вас, неверно понял слова Деаны. Я допросил и Роланда. Поймите, Деана хотел устранить вас, ну, если так можно выразиться, как продукт лабораторных опытов. Собственно, он хотел вернуть вам имя, фамилию, возвратить вас обществу. Он стремился возвратить вас к жизни, потому что вы, дорогой Макс, пока что официально не существуете — вы даже не зарегистрированы в мэрии...

— Значит, Роланд напутал... Верно, он признался, что стоял за дверью и подслушивал не со злым умыслом, а чтобы узнать правду. Он сразу заподозрил неладное — не каждый же раз семь врачей собираются почью в главном зале. Он мог и не расслышать...

— Видите, произошла ошибка. Деана думал, как вам помочь, а вы, Макс, вообразили, что вас хотят убить. Но теперь Деана сможет публично признать вас своим сыном — ведь его жена, бедняжка, умерла год назад. Вы обретете семью, узаконите свое положение и сможете, если

захотите, остаться в Генетическом центре и жить вместе с отцом.

— С моим отцом? Как это странно звучит... Все эти дни с момента бегства я ненавидел Деану всеми фибрами души. И вдруг оказывается, что он мой отец... А что он вам говорил обо мне?

— О вас?.. Что вы замечательный юноша, умный, серьезный, не по годам развитый. Что вы сильно отличаетесь от ваших сверстников, большой фантазер и мечтатель и, не обижайтесь, со странностями. Нет, нет, это вовсе не значит, что вы сумасшедший, просто у вас необычные вкусы. Вы, например, увлекаетесь старинными печатными книгами, которыми люди пользовались сотни лет назад. И еще он сказал, что вы тайком пишете... стихи.

— Как он узнал об этом?

— Он тайно следил за вами. Он не смел открыться вам, но чувствовал себя ответственным за вашу судьбу. Отца не может не тревожить будущее сына. Насколько мне известно, Деана не раз предупреждал вас, что вы слишком много читаете и пишете.

— Правда. И я в душе посылал его ко всем чертям. Потому что для меня читать и писать стихи — огромная радость!

— Ты прав, сынок, совершенно прав, только не надо так волноваться.

— А что еще он говорил? Послушайте, когда с меня снимут эту смирительную рубашку?

— Смирительную рубашку? Да это же обычная гимнастерка... Все-таки ты был без документов, а это всегда вызывает подозрение. Во всяком случае, я прикажу ее снять. Так вот, больше Деана мне ничего особенного не сказал. Ты не обижаешься, что я тебя называю на ты? Ведь по годам я гожусь тебе в отцы. Разумеется, Деана был пемного растерян, когда говорил о тебе. Впрочем,

иначе и быть не могло. Ведь целых двадцать лет он, человек с незапятнанной репутацией, не слишком-то красиво вел себя в отношении жены и сына. Да и с законом он тоже был не в ладу.

— Не в ладу?

— А как же: ведь налицо грубое нарушение гражданского кодекса — в мэрии-то твое рождение не зарегистрировано. Впрочем, ничего страшного — уплатит штраф. Других преступлений он не совершал, а что касается этого случая, то здесь имеются смягчающие вину обстоятельства... Теперь, когда синьора Деана умерла, он оформит документы, и ты получишь все права его законного сына и наследника. Причем в самый короткий срок. У профессора большое сердце, и он боится, что не успеет... Ну, ты сам понимаешь.

— Все это невероятно, чудовищно! Больше того — подло. Называть меня продуктом лабораторных исследований, уверять, что я единственный в мире совершенный человек! А теперь вы говорите, что я ничем не отличаюсь от миллиардов других людей на Земле.

— Значит, ты сам считал себя чем-то иным?

— Да, и в то же время чувствовал, видел, что похож на остальных людей. Раньше я страдал от того, что у меня нет матери, а теперь мучаюсь от сознания, что я ничем не отличаюсь от других людей, и сейчас даже больше, чем прежде.

— Перестань терзаться, дружок, хватит тебе ломать голову над всеми этими проблемами. Поверь мне, это пустое занятие. Главное, что скоро ты получишь все документы... Как только Деана выполнит все формальности.

— Ах да, документы! Это очень важно — получить документы?

— Важно? Совершенно необходимо, друг мой. Особенно для тебя.

— Знаете, синьор комиссар... я не верю ни одному вашему слову. Никакой я не сын Деаны, и хватит водить меня за нос.

«Нет, он положительно ненормальный. Профессор Деана говорил правду. Вот к чему приводит чтение печатных книг».

*Милан, виа дей Космографи, 5,
7 августа 2063 года*

Милейший профессор!

Полицейский комиссар Гарроне рассказал мне кое-что любопытное о моем появлении на свет. Не знаю, должен ли я ему верить? Я вообще ничего не знаю. В этой запутанной истории лишь одно не подлежит сомнению — вот уже неделю меня держат в сумасшедшем доме на виа дей Космографи, 5, Милан Зюд-Вест, и виноваты в этом Вы. Я пишу Вам с тем, чтобы Вы еще раз поняли, какой Вы негодяй. Вы виноваты в том, что произвели меня на свет, а потом задумали убить, по какой причине — до сих пор не знаю. Никто меня не разубедит, что в ту ночь Роланд ошибся. Наконец, по Вашей вине меня заключили в дом для умалишенных. Ведь Вы-то знали, что я совершенно нормальный человек. Если я и в самом деле Ваш сын, то Вы — преступный отец, жестокий и бессовестный убийца. Если же я «продукт лабораторных исследований», то Вы — лжеученый, жалкий отступник. В любом случае Вы подлец, и я не желаю признавать Вас ни своим отцом, ни «создателем». Я с детства привык к мысли, что у меня нет ни отца, ни матери, одиночество было моим нормальным состоянием. Знайте же, что здесь, в сумасшедшем доме, я читаю все, что хочу, и пишу стихи, стихи, стихи.

С глубоким презрением и ненавистью

Макс.

*Генетический центр, 10 августа
2063 года*

Дорогой Макс, я понимаю твои чувства, твоё состояние. Но если бы ты знал, как я страдал и страдаю, возможно, твоё отношение ко мне не было бы таким суровым! Я надеюсь, что постепенно сумею объяснить тебе всю безнадежность моего положения. Разумеется, если только ты этого захочешь. Обнимаю тебя.

Витторио Деана.

*Виа дей Космографи, 5.
15 августа 2063 года*

Профессор, я не верю ни единому Вашему слову. Нет и не может быть безнадежного положения. Лицемер!

Макс.

*Генетический центр,
17 августа 2063 года*

Дорогой Макс, сам подумай, что лучше: сохранить одного или спасти сто тысяч? Если б тебя заставили выбирать между спасением жизни одного человека и смертью ста тысяч, что бы ты выбрал? Поверь мне, именно смерть одного этого человека могла спасти жизнь сотне тысяч, а быть может, и миллиону человеческих существ. Как бы ты поступил на моем месте? Ответь мне пока лишь на этот вопрос.

Обнимаю тебя.

Витторио Деана.

*Виа дей Космографи, 5,
18 августа 2063 года*

Я бы выбрал смерть одного.

Макс.

*Генетический центр,
19 августа 2063 года*

Именно это я и намеревался сделать.
Обнимаю тебя.

Витторио Деана.

*Виа дей Космографи, 5,
20 августа 2063 года*

Не понял!

Макс.

*Генетический центр,
21 августа 2063 года*

Постарайся понять то, о чем я не могу сказать тебе в письме, хотя и полностью доверяю человеку, который вручает тебе корреспонденцию.

С любовью.

Витторио Деана.

*Виа дей Космографи, 5,
22 августа 2063 года*

Не понимаю, жалкий фигляр!

Макс.

*Генетический центр,
23 августа 2063 года*

Дорогой Макс, считай правдой все, о чем я тебе рассказал много лет назад. Теперь ты понял? Добавь к этому шпионаж и известие о внезапной инспекции. И наконец, вспомни, что там, наверху, нуждаются в пушечном мясе. Мне пришлось бы, вернее, меня заставили бы сто, тысячу, двести тысяч раз повторить чудо, которое я сотворил с тобой, и тем самым послать этих людей на бойню... Теперь ты меня понял?

Обнимаю тебя.

Витторио Деана.

Р. S. Сожги это письмо.

*Виа дей Космографи, 5,
23 августа 2063 года*

Значит, правда, что я не Ваш...

Значит, правда, что я...

Устранить меня, чтобы не убивать тысячи других после меня?.. Так ведь? Но это опасная игра, профессор, и к тому же я не знаю, чему и кому верить!

Макс.

*Генетический центр,
24 августа 2063 года*

Дорогой Макс!

Истина всегда одна. Все, о чем я тебе рассказывал еще в детстве, — правда. Но ты вправе доверять лишь голосу сердца. Тебе нравится писать стихи? Пиши и пока больше ни о чем не думай.

Обнимаю тебя.

Витторио Деана.

*Виа дей Космографии, 5,
26 августа 2063 года*

Но почему меня заточили в этот ужасный дом? Отвечайте откровенно, без уверток.

Макс.

*Генетический центр,
28 августа 2063 года*

Дорогой Макс!

Как только ты прочтешь это письмо, сожги его. Непременно сожги, оно слишком опасно. Чувствую, что обязан объяснить тебе все. Сейчас, после тяжелого сердечного приступа, мне стало полегче, и я в состоянии подробно рассказать тебе обо всех событиях.

Так вот, сын мой, я решил уничтожить тебя, когда получил телеграмму от старого друга, чиновника министерства внутренних дел. Он предупредил меня о готовящейся инспекции и рекомендовал быть во всеоружии. Если решение необходимо принять внезапно, без долгих и глубо-

ких раздумий, оно редко бывает наилучшим. И в данном случае это правило подтвердилось.

Тремя днями раньше я получил телеграмму из министерства внутренних дел (а ты сам знаешь, что министерство внутренних дел и военное министерство — это в сущности одно и то же). От меня требовали подробных объяснений об опытах с живой материей, которые привели к созданию в лабораторных условиях образчика по кличке Макс. Я был страшно напуган — ведь никто из нас не публиковал об этом ни одной статьи и вряд ли кто-либо из ученых Центра мог нечаянно выболтать тайну. Однако факт оставался фактом. Разумеется, я ответил, что никакого образчика по имени Макс нами создано не было. Одновременно я попытался выяснить, кто из моих сотрудников мог предать наше общее дело, но тщетно. Очевидно, кто-то соблазнился крупной суммой денег и донес об опытах властям. Но кто именно, мне неизвестно по сей день. Для военного министерства полученные сведения показались манной небесной. Отныне, полагали военные, любые войны можно вести с помощью людей, созданных в специальных лабораториях. К тому же в представлении этих вояк ты и тебе подобные — не люди, а «образчики», послушные роботы, и с ними можно не церемониться.

Я наивно полагал, что мое письмо, письмо авторитетного научного руководителя, убедит министерство в ложности доноса. Телеграмма друга прибыла в одиннадцать вечера. Я настолько расстроился, что потерял всякую способность мыслить здраво. Правда, я тут же собрал ученый совет, но в глубине души уже принял решение. Вспыхнули горячие споры, в конце концов четверо из семи пришли к выводу, что следует устранить живое свидетельство наших поисков. Передо мной была жестокая альтернатива: либо пожертвовать тобой, Макс, чтобы спасти миллионы, либо спасти тебя и обречь на гибель

миллионы. Я выбрал первое. Знаю, я ошибался, но тогда у меня просто не было времени, чтобы все хорошенько обдумать. Впрочем, вспомни, и ты написал мне в письме: «Я бы выбрал смерть одного». Нам пришлось сжечь все документы, фотографии, графики опытов, записи, отчеты о результатах научных конференций. Да, я собирался умертвить тебя. Нам необходимо было доказать министерской комиссии, что не существует никакого лабораторного «образчика», именуемого Максом. Но, как я узнал впоследствии, Роланд уже предупредил тебя.

Твой побег лишь усугубил мои опасения, но именно тогда я начал понимать, какую ужасную ошибку совершил.

Через два дня прибыла комиссия, два инспектора и прелат: государство — чтобы потребовать новые миллионы жизней, церковь — чтобы доказать нелепость самой мысли о возможности создания в лабораторных условиях мыслящего существа, *Homo-sapiens*, а если все-таки окажется, что такой искусственный человек создан, — оклеветать нас, восстановить против нас верующих и общественное мнение. И те и другие вполне заслужили место в сумасшедшем доме. Но, увы, много лет назад — мне тогда было всего тридцать — уже произошло настоящее сражение между нами, учеными, и властями и церковью. И тогда нам пришлось предать святое святых — наш труд. Нам сократили ассигнования, чинили всяческие препятствия, угрожали суровыми карами. Но мы все-таки продолжали работы во имя науки, в глубочайшей тайне, сталкиваясь с неимоверными трудностями. Ценою огромных жертв мы добились успеха.

И вот теперь государство и церковь вновь перешли в наступление. Тогда я решил, что раз они хотят использовать достижения науки в самых низменных целях, я обязан бороться. Мне была ненавистна сама мысль о том, что

созданные нами люди будут перемолоты в гигантской мясорубке войны. А поскольку церковь утверждала, что искусственный человек лишен божественного начала и, следовательно, является порождением зла, я предпочел принять на себя старинный грех прелюбодеяния и признался, что ты якобы мой незаконный сын. Конечно, я поступил аморально, даже подло, но другого выхода у меня не было.

Комиссар Гарроне обрисовал мне тебя как юношу странного и крайне импульсивного. Он рассказал, что ты, не задумываясь, согласился вести огромный турбомобиль и что при обыске у тебя нашли пистолет. Именно они, полицейский комиссар и члены комиссии, сами того не желая, подсказали мне способ дальнейших действий. Нередко истина куда невероятнее, чем ложь. Я признался, что ты мой незаконный сын, и эта версия показалась им весьма правдоподобной. Я дал понять, что ты фантазер и мечтатель, больше того — невропат, и это произвело на всех сильнейшее впечатление, особенно на комиссара Гарроне. Он закивал головой и пробормотал, что теперь ему все ясно. Когда же я упомянул о том, что ты пишешь стихи, ни у кого не осталось ни малейших сомнений — они утвердились во мнении, что ты ненормальный. А тут еще твой внезапный побег, авария на автостраде, пистолет в кармане.

Открою тебе правду: сам я безмерно радовался, что ты много читаешь и пишешь стихи. И когда ты мысленно посылал меня ко всем чертям за мои советы читать поменьше и не переутомляться, я был счастлив. Мир уже давно погрузился в бездонную трясику практицизма и бесконечных научных исследований и окончательно забыл о красоте поэзии и искусства вообще. Я потратил тридцать лет на изучение генов, рождающих в человеке чувство прекрасного, и в конце концов выделил их. Я назвал эту

группу генов «материя КС». Отсюда и твое имя — Макс. Ты — настоящий поэт, так думаю не только я, но и все мои коллеги, и ты еще создашь прекрасные творения о космогонии и космографии, новую поэму «О природе вещей». И тогда наши сухие математические формулы наполнятся поэтическим содержанием. У тебя, Макс, огромное преимущество, ты полностью лишен всех предрассудков, давящего груза привычек и обычаев, нелепых предубеждений, комплекса неполноценности. Тебе совершенно чужды атавистический слепой страх и подозрительность. Ты — новый и свободный человек, способный полностью выразить самого себя, инстинктивно, спонтанно. И хотя ты лишен опыта предшествующих поколений и тебе неведомо чувство опасности — не это главное. Опыт приходит с годами, а ума и пытливости тебе не занимать. Кстати, твой побег подтверждает, что механизм самозащиты сработал безотказно.

В конце концов члены комиссии — инспекторы, слегка шокированные моим признанием, остались недовольны результатами проверки. Что же до прелата, то он хоть и был очень шокирован, но все же остался весьма доволен неожиданной развязкой и великодушно простил мне мои прегрешения. Ну а полицейский комиссар Гарроне, тот вообще был на седьмом небе — ведь он уже в разговоре с тобой понял, что ты немного не в себе и нуждаешься в длительном лечении. Однако согласись, дорогой Макс, что лучше сойти за ненормального, чем вообще кануть в небытие. Главное, что ты существуешь. Но помни — ты безумен. Тебе придется разыгрывать сумасшедшего до тех пор, пока власти не успокоятся и не забудут о своих подозрениях. Уверен, что ждать осталось недолго. Коллеги всячески меня поддерживают.

Когда настанет час твоего «выздоровления», ты будешь знать, что делать. Скоро тебя освободят, и тогда ты

станешь моим законным сыном, сыном человека, которому природа отказала в радости отцовства, но который сумел побороть природу, открыв ее сокровенные тайны. Ты будешь именоваться во всех документах Максом Деаной и смело пойдешь по жизни, закончишь учебу, найдешь себе работу по душе. И, что радует меня больше всего, в тебе будет гореть давно потухший в других огонь, огонь поэзии.

Обнимаю тебя.

Твой любящий отец.

P. S. Все материалы о твоём появлении на свет хранятся в надёжном месте, которое я тебе впоследствии назову. Боюсь, что мне так и не удастся их опубликовать. И всё же я не теряю надежды. Ещё не настало время рассказать людям о нашем великом открытии. Но если в будущем исчезнут войны и власти перестанут принуждать учёных к моральной измене, к отречению от своих взглядов и идеалов, а церковь — обвинять их в нечестивости и цинизме, тогда можно будет обнародовать результаты наших многолетних исследований, и они станут достоянием всего человечества. Тогда учёные смогут беспрепятственно трудиться во имя лучшего будущего, и ты войдёшь в историю как первый *Homo artificialis*, ничем не отличающийся от *Homo naturalis*, ты, Макс Деана, мой сын.

Витторио Деана.

*Виа дей Космографи, 5,
30 августа 2063 года*

Дорогой отец, крепко обнимаю тебя.

Твой любящий сын Макс.

ВЛЮБЛЕННЫЕ В НАУКУ

Сгорбившись на высоченном сиденье, Куатил наблюдал планету Три в сверхмощную линзу телескопа, который почти мгновенно увеличивает изображение в десять тысяч раз. Хотя Три вдвое больше его родного Куата, их очертания очень схожи, и обе планеты окружены сверкающим ореолом.

Новейший прибор, который он, старший астроном обсерватории, после долгих лет ожидания получил от техников Главного предприятия Конфедерации, позволит ему наконец впервые рассмотреть этой ночью мельчайшие подробности рельефа.

Да, но сколько требований и докладных записок отправил он правительству, прежде чем ему прислали этот телескоп. И если б не энергичная поддержка инспектора Маффа и Совета инженеров, ему так и не удалось бы добиться своего. Совет инженеров сам адресовал правительству настойчивые и по-своему трогательные письма, не забывая пересылать ему, Куатилу, копию каждого из них.

С самой верхней ступеньки площадки Куатил отдает приказание своему помощнику Фрасту и с гордостью дирижера, повелевающего слаженным и послушным оркестром, отмечает, что линза постепенно все точнее и ярче фокусирует светящиеся полосы и сужает поле обзора.

Центральным объектом своих наблюдений на планете Три он избрал условную тригонометрическую точку и с помощью регистрирующего устройства занес ее в самую верхнюю строчку девственно чистой пока таблицы.

Объект наблюдения приближается, быстро и резко увеличивается в размерах, и в телескоп открывается такое зрелище, что, несмотря на самообладание и выдержку, приобретенные за долгие 120 куатоlet жизни, он, Куатил, не в силах сдержать радостного подрагивания антенн.

— Арбакс труб, — взволнованно передал он Фрасту.

— Арбакс труб, — восторженно повторил помощник и, как всякий молодой исследователь космоса, тут же дал полную волю воображению: — Три мандалукар? — робко спросил он, покачивая гибкими антеннами.

Нет, этого он, Куатил, пока не может утверждать.

— Три нир мандалукар.

Во всяком случае, понадобится еще немало наблюдений, прежде чем он сможет дать окончательный ответ. Но в телескоп самые мелкие объекты видны столь отчетливо, что он, подобно терпеливому и настойчивому детективу, сможет метр за метром обследовать всю планету Три. И тогда станет ясно, принимают ли там его сигналы и есть ли какая-нибудь надежда, что они будут поняты и расшифрованы.

Молодости свойственно торопиться, а Фраст — молод, ему всего 68 куатоlet. Мудрость и терпение приходят с годами, и он, Куатил, в свои 120 куатоlet понимает и прощает Фрасту его нетерпение и горячность.

Конечно, ему самому очень хотелось бы радостно крикнуть: «Фраст, три мандалукар!» Это означало бы, что вековые поиски и твердая вера предков не пропали даром, что не напрасно инженеры и астрономы упорно и храбро боролись против козней телерадиотехников.

Не отрывая взгляда от линзы, Куатил слегка покачал вторым отростком правого щупальца.

Фраст быстро взобрался по лестнице на верхнюю площадку наблюдения и пристроился рядом с учителем. Выхваченный из ночной тьмы, в линзе телескопа сверкал и

переливался тысячами красок шар планеты Три. Его поверхность, изборозжденную бесчисленными трещинами, пересекали возвышенности и впадины. Руб, пуэр, вирос, джел, ультраджел, ац светлый, ац темный — в эти и в десятки других удивительных и совершенно неведомых Куату цветов была окрашена вся поверхность планеты. В мощные линзы можно было даже различить змеящиеся полосы, которые вели из темной зоны нуэр и вирос в более светлую зону спектра. И многоопытный учитель и восторженный ученик, сидя рядом, одинаково немели от изумления. Но Куатил очень скоро взял себя в руки. Он тщательно записал в таблице косморегистратора астрофизические данные наблюдений. Затем, шлепая по ступенькам своими ластовидными погами, быстро спустился на главную площадку, подбежал к астрографу, сделал три снимка и сразу же вернулся на свое место у мощного телескопа. Он не имеет права терять даром ни секунды, ведь его ждет эта загадочная планета. Захваченный энтузиазмом и рвением учителя, Фраст перепрыгивая сразу через четыре ступеньки, сбежал вниз и приготовился выполнять любые приказания. Между делом он отрегулировал линзы и в свою очередь сделал несколько снимков.

Так они проработали почти всю ночь. Лишь когда планета Три, завершая период обращения, превратилась в беловатую полосу, постепенно тающую во тьме, уставшие Куатил и Фраст закрыли и опечатали приборы, после чего спустились в комнату отдыха при обсерватории. Они молча, без всякого аппетита пожевали свои фрассы и отправились в кабины вздремнуть часок-другой. Им даже в голову не пришло съездить домой.

Пластика видеовибратора дважды качнулась. Сигнальная антенна, мгновенно уловившая импульс, застави-

ла Куатила проснуться. Он потянулся шупальцами к ночному столику, нажал кнопку, и сразу же на экране видеовибратора появилось треугольное лицо инспектора Маффа. Он поинтересовался результатами наблюдений.

Услышав ответ Куатила, инспектор сердито сверкнул глазами.

— Мурас те вир! — воскликнул он.

— Дорогой инспектор, в таком деле торопливость только вредна, невозможно прийти к окончательным выводам на основании одной лишь ночи наблюдений.

У инспектора Маффа нервно задержались веки, яростно взметнулись антенны. Совет телерадиотехников требует точного ответа, и он, Мафф, хочет наконец услышать от Куатила что-либо определенное. Члены Совета решительно возражают против дальнейших огромных ассигнований. Они утверждают, что астрономические наблюдения ничего не дают и только вредят народным интересам.

Куатилу известно о недружелюбном отношении к нему Совета телерадиотехников, хотя он и не пробовал докопаться до подспудных причин этой враждебности. Но, с другой стороны, инженеры, которые несравненно талантливее техников и бескорыстно преданы науке, на его, Куатила, стороне. Они всегда поддерживали астрономов. К тому же не следует забывать, что строительство все более совершенных каналов идет на пользу и сельскому хозяйству.

Инспектор Мафф согласен с его доводами, однако он вынужден лавировать между Советом астрономов и Советом инженеров, с одной стороны, и Советом телерадиотехников — с другой. Он должен отчитываться перед всеми тремя советами о принятых решениях и об ассигнованиях на те или иные межпланетные исследования. Законы должны свято соблюдаться каждым, никому не дозволено бросать деньги на ветер или, как весьма ядовито утверж-

дают телерадиотехники, зарывать их в пески пустыни Грабск. А они не просто утверждают это, но и печатают в своих специализированных журналах соответствующие статьи, дескать, инженеры и астрономы тратят огромные суммы впустую. Так не лучше ли употребить их на телерадиоисследования, которые действительно помогут решить загадку планеты Три?

«И здесь царят зависть, интриги, соперничество, личная неприязнь», — с грустью думает Куатил. Но он, разумеется, не говорит этого инспектору. Он лишь передает по видеовибратору, что нужно проявить еще немного терпения и веры.

На этот раз инспектор Мафф не возражает. Однако ровно через тридцать куатодней состоится научная конференция на высшем уровне, и Куатилу, как главному астроному, поручается выступить на ней с отчетом о результатах наблюдений.

Совет инженеров делегировал на конференцию Дзарна, консультанта по строительству интеркуатских каналов, профессора высшей школы города Миран, острого полемиста и блестящего оратора. Интересы телерадиотехников защищал превосходный специалист с юга страны Леорп, а Совет астрономов, как и следовало ожидать, представлял Куатил.

Второго числа куатомесяца вемиит трое высокоуважаемых делегатов прибыли в здание Инспекции. Они сели в один и тот же лифт, поднялись на сто двадцатый этаж и в два часа тридцать шесть минут торжественно вошли в зал, обставленный в стиле ультрамодерн: столик без ножек, поддерживаемый совершенно незаметными нитями, синтетические ковры, удобные кресла-качалки.

Инспектор Мафф, желая разрядить напряженную об-

становку, подозвал секретаршу и велел ей припести вино и закуску.

Секретарша, молодая, стройная девушка в топком платье нежно-розового цвета, поставила на стол тартинки и поджаренные друпы из арпекса. Затем грациозно наклонила антенны и с улыбкой вышла из зала.

Куатил привел с собой Фраста, но инспектор Мафф не разрешил ему присутствовать на заседании. Молодой ученый остался сидеть у закрытой двери, настроив антенны таким образом, чтобы уловить хоть слово. И когда миловидная секретарша, покачивая бедрами, проплыла мимо, он даже не поднял глаз.

Инспектор Мафф предоставил слово Леорпу. Леорп был краток. Он сказал, что телерадиотехники справедливо требуют дополнительных ассигнований. Глупо продолжать эту комедию с каналами и наблюдениями в телескоп — ни один из обитателей планеты Три ровным счетом ничего не поймет. Следует обратиться к передаче логических сигналов, например сигналов математического типа. Но для этого нужны более мощные телерадиоустройства. Достаточно передать в эфир цифровые сигналы — один, два, три, — сделать короткую паузу и затем продолжить: четыре, пять, шесть. Обитатели планеты Три наверняка поймут язык цифр и в ответ передадут, скажем, следующие цифры: семь, восемь, девять. Это единственно возможный способ связи. Пора, наконец, распрощаться с нелепой мечтой о том, что они когда-нибудь поймут куатианский алфавит. А значит, необходимо выделить нужные суммы на постройку целой системы искусственных спутников, которые образуют как бы радиомост от планеты Куат к планете Три. Лишь таким путем можно установить, есть ли на планете Три разумные существа и какова степень их цивилизации.

Дзарн и Куатил возмущенно потрясают щупальцами.

У них имеются весьма серьезные и обоснованные возражения. Едва Леорп кончил и сложил антенны на голове, как подпрыгнул Дзарп. Можно не сомневаться, что у жителей планеты Три нет радиопередающих устройств, и поэтому они не в состоянии ни принять радиосигналы, ни ответить на них. А в мощный телескоп можно по крайней мере разглядеть огромные буквы куатианского алфавита, если их выложить в виде гигантских каналов строго геометрической формы, пересекающих всю планету. Геометрия универсальна: треугольник всегда остается треугольником, а круг — кругом, каждая фигура соответствует определенной букве алфавита, понятного, очевидно, всей галактике. Поэтому во имя интересов науки необходимо срочно прорыть новые каналы, расширить наиболее важные из них и засыпать старые, утратившие практическую ценность. Все это облегчит трианцам расшифровку наших посланий. В один прекрасный день астроном Куатил увидит в телескоп на поверхности планеты Три круги и треугольники — визуальный ответ на визуальный сигнал, и тогда простейший алфавит Куата станет надежным средством общения с жителями загадочной планеты. Для этого понадобятся лишь мощные телескопы.

Защиты телескопа посвятил свое выступление и Куатил. Ведь с помощью первого мощного телескопа, доказывал он, ему уже удалось различить цвета и запечатлеть всю гамму красок на планете Три.

Огромные полосы ад темный и ад светлый в цветовом спектре планеты неопровержимо свидетельствуют о наличии на ней воды. Более того, змеящиеся полосы — это не что иное, как реки. А раз на планете Три есть вода, и даже в изобилии, то он надеется, что там есть разумные существа, которые сумеют понять элементарный язык геометрии. Но если даже они не поймут его сейчас, то пройдут годы, быть может сотни куатовет, и кому-то из

трианцев все же удастся расшифровать их послания. Главное — не терять веры в успех и упорно продолжать наблюдения. Астрономия и инженерное дело — вот те две области науки и техники, которые нуждаются в неограниченной финансовой поддержке. Со своей стороны он просил бы инспектора Маффа ходатайствовать перед правительством о незамедлительной постройке еще более мощного телескопа. При всем своем уважении к телерадиотехнике он, Куатил, не может не указать на рискованность предложенных Леорпом методов исследования космоса.

После минутного молчания Мафф объявляет о своем решении. Под влиянием выступления Куатила и из личной симпатии к главному астроному он твердо берет сторону инженеров и астрономов.

Поскольку воду, собирающуюся в каналах, используют для орошения полей и тем самым каналы служат не только интересам науки, но и сельскому хозяйству, он намерен в дальнейшем увеличить ассигнования на инженерные работы, а также на создание новых мощных телескопов. Разрешения на строительство искусственных спутников связи в ближайшее время дано не будет.

Поросшие редким пушком щеки Леорпа мгновенно покраснели. Антенны взметнулись вверх и молниеносно передали: Совет телерадиотехников требует средств на постройку спутников связи, и притом немедленно. Но ему, Леорпу, надоело тратить драгоценный фосфор мозга на то, чтобы убеждать трех глупцов. Он знает иной, более верный способ добиться своего. С этими словами Леорп сунул щупальца под платье, выхватил бластер и с такой силой грохнул им о стол, что пирамида бутылок развалилась и рухнула на ковер.

Дзарн, Мафф и Куатил подскочили в своих креслах-качалках. Дзарн бросился на Леорпа и схватил его за щу-

пальца. Куатил, воспользовавшись этим, завладел бластером. Он выбежал в коридор, и верный Фраст — хотя он так ничего толком и не разобрал из криков Леорпа — по отчаянному дрожанию антенн на треугольной голове своего учителя скорее угадал, чем понял, что им грозит опасность. Он поймал на лету брошенный Куатилом пистолет и ринулся к лифту.

Куатил поспешно вернулся в конференц-зал и увидел, что Леорп и Дзарн, сплетясь в клубок антенн, щупалец и отростков, валяются на полу и продолжают отчаянную борьбу.

Леорпу удалось вывернуться, и он сверху обрушился на врага, придавив его тяжестью своего тела. Инспектор Мафф, бледный, дрожащий от ужаса, растерянно глядел на них. Но когда он увидел, что Леорп вот-вот задушит своего противника, он подбежал к окну и нажал крохотную кнопку сигнала тревоги.

Через мгновение дверь распахнулась, и в зал ворвались четыре агента полиции. Они дружно набросились на Леорпа, прижали его к полу и надели платиновые наручники.

Дзарн, освободившийся от железных тисков Леорпа, тяжело поднялся и, вытирая кровь с лица, презрительно поглядел на обезвреженного врага.

Вошел пятый агент с позолоченными ромбами на форменной фуражке, следом за ним в зал проскользнул Фраст; с его побагровевшего, измученного лица обильно струился пот. Старший агент объявил, что Леорп обвиняется в незаконном хранении оружия и в угрозах прибегнуть к насилию. Суд над преступником состоится в кратчайшие сроки.

— Ах вот как! Меня хотят судить! — яростно потрясая антеннами, восклицает Леорп. Ну нет, он не согласен сидеть на скамье подсудимых в блистательном одиноче-

стве. Кое-кто зарабатывает тридцать процентов (да, да, тридцать!) на строительстве и разрушении каналов на всей территории планеты Куат. Тайные агенты есть не только у правительства, и он берется представить совершенно неопровержимые доказательства. Какие именно? Пожалуйста. Инженера Дзарна меньше всего интересует наука и нужды общества. Плевать ему на космические исследования и сельское хозяйство. И на планету Три тоже. Его волнует одно: как бы не упустить свои тридцать процентов.

По знаку щупалец инспектора Маффа двое агентов бросаются к Дзарну и также заковывают его в наручники. Он обвиняется в незаконном присвоении общественных денег.

Ах так! Ну что ж, и Дзарн может рассказать кое-что любопытное. А знает ли инспектор Мафф, что брат Леорпа — владелец множества предприятий, выпускающих теле- и радиоприборы? А его тесть — президент и фактический хозяин единственного на Куате завода по производству искусственных спутников. У него, Дзарна, тоже есть веские доказательства, и он их представит суду... Конечно, никто ни о чем не подозревал — брат и тесть Леорпа выступали под вымышленными именами, а сам Леорп, разумеется, остерегался говорить кому-либо о своем родстве с этими двумя почтенными господами. Что же касается планеты Три и ее обитателей, то на это всем начхать. Всем до одного.

— О, о, — жалобно простонал Куатил. Он, правда, подозревал, что Леорп — проходимец, но ведь и Дзарн оказался мошенником. Только теперь он понял, почему Дзарн набивался ему в друзья и распинаясь в своей любви к астрономии. Он притворялся влюбленным в науку, а сам зарабатывал свои тридцать процентов на каждом построенном и разрушенном канале.

Ну, а инспектор Мафф? Что же он, собственно, инспектировал?

Но предки, почему они так рьяно вели космические исследования? Что ими двигало? Этот свой тревожный вопрос Куатилу все же удалось передать.

— Они тоже получали свои тридцать процентов, — ответил Леорп.

— Нет, и у них был брат или тесть, кровно заинтересованный в деле, — отпарировал Дзарн. — Кто действовал энергичнее, тот и заработал больше других. Но так или иначе свою выгоду имел каждый. Недаром же на холмах, как грибы после дождя, вырастают красивые виллы.

— Ох, ох, — тяжело вздыхает Куатил, вспомнив о своей компаненке с маленькой кухней. А он-то ночами корпел над книгами и думал, что и других «сжигает священный огонь познания», как любил повторять Дзарн.

Инспектор Мафф наконец тоже кое-что понял: Дзарн — не ученый, а Леорп — не техник. И тот и другой — мошенники, к тому же Леорп еще и гангстер. Ну, а остальные? Может, и Куатил зарабатывает на телескопах? Как это ему раньше не пришло в голову? Придется проследить и за главным астрономом; тут понадобятся самые опытные агенты.

А Куатил сидел в углу рядом с Фрастом, и его антенны печально склонились к полу. По его благородному, изможденному морщинами лицу тихо катились слезы, но он их не замечал.

Он думал о своем телескопе, о сверкании красок на планете Три, которым они вместе с Фрастом любовались долгими ночами. Он знает, что, как бы ни были корыстны другие служители науки, он и его юный ученик честно работали во имя одпой только истины. Целый куатомесяц он паблюдад вблизи жизнь планеты Три. И пришел к твердому убеждению, что там нет разумных существ,

Три — это бесконечные леса, пустыни, озера, реки и моря. Быть может, где-то и бродят примитивные животные, большие мохнатые звери на плоских лапах, но они не способны даже понять, что существуют.

Нет, Три нир мандалукар.

И напрасно он снова шлет в телескоп очередное послание с Куат, четвертой планеты солнечной системы.

Планета Три не отвечает.

КОРОЛЕВА МАРСА

Все единодушно решили: избранником будет Он.

Когда встал вопрос о выборе Кандидата, ни у кого не возникло ни малейших сомнений — женихом может быть только он, Малиардо Белло.

Малиардо Белло, а для близких друзей просто Малло, был этим весьма огорчен. Он сидел в кресле, которое нежно облегал его тело. Перед его глазами цвета фиалки проплывала пленка с записью четырех тысяч любовных посланий, специально отобранных из десятков тысяч прибывших с утренней почтой.

Многих женщин, отправивших их вечером, уже не было в живых. Покончили жизнь самоубийством. У них осталось весьма мало надежд увидеть его раньше чем через двадцать лет. А тогда вообще зачем жить?

Малиардо Белло повелительно махнул рукой.

С потолка в его раскрытые губы благоухающей струйкой полился сок. Он утолил жажду чудесным напитком, а затем вызвал робота-церемониймейстера.

— Расскажи обо мне, — капризно приказал он.

— О, ты прекрасен, — прошептал робот. — Из шести миллиардов четырехсот пятидесяти тысяч мужчин ты признан единственным, кто достоин представлять во времени и в пространстве образец человеческого рода.

— Правильно, — удовлетворенно подтвердил Малиардо Белло.

— Ежедневно из-за тебя стреляются две тысячи женщин, — продолжал робот-церемониймейстер. — Шесть миллионов восемьсот пятьдесят тысяч убивают своих му-

жей только за то, что они не похожи на тебя. Столько же женщин страдает и мучается в ожидании встречи с тобой.

— А еще... — в упоении начал Малиардо Белло.

— А еще ты — Кандидат, — явно не попад ответил робот-церемониймейстер и с позором был изгнан.

Образец человеческого рода погрузился в мрачные раздумья. Он никак не мог успокоиться. Подумать только, что именно с ним сыграли столь скверную шутку! С ним, красивейшим мужчиной на Земле! Он, которому поклонялись все земные женщины, должен жениться.

А все эти проклятые марсиане!

«Земля перенаселена. Надо обживать другие планеты. И только марсиане могут нам помочь. Мы их никогда не видели. Но какое это имеет значение? Они говорят на одном с нами языке, выражают одинаковые с нами мысли — значит, они наверняка человеческие существа».

Так говорили советники и неизменно добавляли: «Они хотят жениха для своей несравненной королевы, и только ты, Малиардо, достоин им быть».

Появление Камилло Кане, которого сопровождал личный телохранитель, наполнило радостью сердце Малиардо Белло. Огромный дог встал на задние лапы. Он никогда не разлучался с хозяином, и теперь ему предстояло отправиться с ним и с марсианской королевой в свадебное путешествие на летающем блюде. Жизнь Камилло Кане отнюдь не была усыпана розами. Женщины завидовали ему и ненавидели лютой ненавистью. Пять его предшественников были подло отравлены, и только после этого власти догадались приставить к нему личного телохранителя, который в бронеавтомобиле сопровождал его во время прогулок.

Малиардо Белло печально погладил верного друга. Пес радостно залаял. До торжественной церемонии оставалось всего несколько часов. И они пролетели невероятно быстро.

Миллионы женщин рыдали у экранов своих видеофонов. Они остались одни — мужья отправились в селектобары, чтобы на радостях выпить.

В ожидании прямой передачи с космодрома передавали запрещенную песенку: «Малиардо, ты красив, красивее всех, кто был, есть и будет». Власти разрешили исполнить ее в виде исключения по случаю небывалого события. Когда несколько лет назад пленки с ее записью стали свободно продаваться, начались повальные самоубийства, которые в свою очередь вдохновили предприимчивых композиторов на создание похоронных маршей.

Итак, миллионы женщин ждали, сжимая в руках флаконы с цианистым калием. Они твердо решили покончить счеты с жизнью, как только дверца летающего блюдца хлопнется за их идиолом.

Красивейший мужчина Земли, пардон, Единственный Мужчина, ступил на пурпурный ковер. Охрана с трудом сдерживала огромную толпу. Малиардо Белло, в платиновом шлеме, гордо стоял посреди ковра. Чуть позади, виляя хвостом, стоял Камилло Кане.

Летающее блюдце прибыло точно по расписанию, в 14.55 (4007 циклов по марсианскому времени). Зазвучала изумительная музыка, всех вдруг коснулось опьяняющее дуновение. Ничего не скажешь, умеют эти марсиане пускать пыль в глаза. Открылась дверца, и на землю опустилась фосфоресцирующая лестница.

Заранее было оговорено, что жених и невеста встретятся одни, без сопровождающих. Решено было также обойтись без всяких формальностей. Непринужденное свидание двух влюбленных куда лучше будет символизировать историческую встречу жителей Земли и марсиан, чем официальная церемония.

И вот появилась королева Марса.

— Какая прелесть! — с лучезарной улыбкой восклик-

нула она и, подпрыгивая, словно шаловливая девчонка, помчалась к Нему.

— Любовь моя, — прошептала она, обнимая Камилло Кане.

В этот ужасный миг ужасного дня единственными, кто сохранил хладнокровие и трезвость суждений, были научные эксперты. Они, не сговариваясь, пришли к выводу о близком родстве Сари, королевы Марса, с нашими пуделями.

ЧУДИЩЕ И ДЖАЗ

Чудище смотрело, нет, смотрели на них. Чудище готовилось заговорить. Или замычать. А может, и завывать. В словаре землян не было подходящего слова. Да и для описания собственно чудища очень трудно было подыскать нужные слова. Попробуйте рассказать о том, чего вы никогда прежде не видели и не можете ни с чем сравнить.

К примеру, если у человека шесть ртов, восемь голов и восемнадцать носов и если все шесть ртов одновременно бормочут что-то о шести разных вещах, как вы скажете: «он говорит» или же «они говорят»? Подобный вопрос был вполне уместен и для чудища, которое стояло перед делегацией землян. Чудище впилося в них всеми своими десятью глазами и грохко дышало сразу восемнадцатью носами, если только конические отверстия можно назвать носами. Поэтому точнее будет сказать, что чудище «смотрели» на них. И было совершенно очевидно, что ни чудище, ни делегация землян не знали, что же теперь делать.

— Угораздило же обитателей космоса послать к нам такое страшилище! — воскликнул сенатор.

— Аркк, аркк, — прохрипел президент. Нет, он не пытался заговорить на языке чудища — просто он прочищал горло и одновременно своим покашливанием выражал неодобрение неучтивому замечанию сенатора.

— Не мешало бы... — начал самый предприимчивый член делегации, но тут же запнулся.

Чудище, прищурив глаза, пристально глядело на делегацию землян. Время от времени из его ртов вылетали струйки желтой жидкости, очень похожей на мед. Чудище

брызгало медом не со злости, а от смущения, но люди этого не знали и были весьма этим недовольны и даже обескуражены.

— Разрешите? — осведомился генерал, у которого была мания по любому поводу пускать в ход ракеты с атомным боезарядом.

— Не разрешаю, — сказал президент.

Генерал принялся мысленно обдумывать текст заявления об отставке. Но его отвлек муравей, который бесстрашно полз по левой ноге бравого вояки; почесать ногу генерал не решался.

И тут чудище зашевелило ртами и стало издавать звуки. Точнее было бы сказать, что они, чудища, начали играть. Звук напоминал звучание лучших стереофонических магнитофонов, но без малейшего искажения.

— Это же «Рапсодия в стиле блюз»! — воскликнул президент, который неплохо разбирался в джазовой музыке.

— Кола Портера, — по-военному четко отрапортовал генерал.

— Джорджа Гершвина, — пробормотал кто-то из делегатов.

— Я бы предложил... — начал было генерал, но осекся под суровым взглядом президента. В утешение генерал представил себе, как ракета с атомным боезарядом попадает в муравья, упорно взбиравшегося вверх по его левой ноге.

Чудище прекратило извергать мед и стало посылать электрические разряды. Теперь оно явно чувствовало себя увереннее, убежденное, что лед тронулся. В затруднительном положении оказались люди, которые принялись беспорядочно размахивать руками и спорить. Чудище восприняло это как доброе предзнаменование — анализ мозговой оболочки землян подтвердил его впечатление.

После короткой паузы чудище вновь заиграло.

— Неаполитанская песенка «О ты, окно, откройся». Ну и репертуар у него, черт побери! — возмутился сенатор.

— Согласен, что туба-бас в финале могла ввести вас в заблуждение. Но на этот раз я не ошибся — это Кол Портер, — возразил генерал.

— Газлини, — коротко бросил президент.

Никто из членов делегации не решился ему возразить. Все промолчали, даже когда стало ясно, что чудище просто настраивало инструменты, а играть начало только теперь.

— «Сент-Луис блюз» — подсказал делегат, стоявший в глубине зала, тот самый, что назвал прежде имя Джорджа Гершвина.

Президент кивнул и сказал, что уважаемый член делегации, по-видимому, знаток джазовой музыки. Генерал, окончательно изнемогший, нанес муравью сильнейший удар своей жилистой ладонью. Треск удара совпал с началом менуэта, прерываемого свистками и аплодисментами, которые чудище очень искусно воссоздавало через левые рты.

— Менуэт в исполнении Калифорниано, — сказал сенатор и впервые пожалел, что посвятил жизнь изучению творчества Моцарта.

— Нет, Дейва Брубeka, — сказал президент, который был моложе сенатора, имел красивую жену и живо интересовался музыкальной жизнью страны. — Потрясающий пианист, — добавил он.

— Совершенно верно, — подтвердил всезнающий делегат.

Президент самодовольно улыбнулся, но в тот же миг улыбка застыла у него на лице.

— Позволю себе, однако, заметить, — продолжал зна-

ток музыки, — что я не разделяю вашего восторга. У Дейва Брубeka отличная школа, но ему не хватает задушевности и умения импровизировать.

— Тем не менее его концерты проходят с неизменным успехом, — возразил президент.

— Несведущие люди, профаны, — парировал знаток. — Не будь в его оркестре саксофониста Поля Десмонда, все бы вскоре убедились, что Брубеk мало чего стоит.

— Неповиновение, оскорбление власти, заговор в присутствии врага, — начал перечислять генерал. Чудище призвало его к порядку, обдав струей меда.

Президент молчал. Знаток тоже. Он вдруг уразумел, что из любви к объективности упустил верную возможность стать профессором кафедры джаза столичного университета.

— А вы, пожалуй... — начал было президент. Но его прервал сенатор.

— Почему бы не показать ему числа?

— Вон! — закричал президент, который, будучи истинным демократом, не терпел вмешательства сенаторов.

— Не пойду, — храбро заявил сенатор, теснимый к выходу бравым генералом. — Я предлагаю числа не зря...

— Неповиновение, оскорбление власти, заговор, — громогласно перечислил генерал.

— ...обычные числа, — фальцетом крикнул сенатор, пятясь к дверям.

— Что вы имеете в виду? — с умным видом осведомился президент.

— Набор чисел, — объяснил сенатор и рысцой подбежал к президенту. — Самых простых.

И, вспомнив недавний телефильм, добавил:

— Числа универсальны. Покажем ему таблицу умножения, и это послужит базой для конструктивного диалога.

Быстро принесли электронные счеты с клавишами — стоит набрать определенную комбинацию цифр, и сразу же на световом табло зажигается соответствующее число лампочек.

— Дважды два — четыре, — не без гордости сказал президент.

Мгновенно зажглись четыре лампочки и, помигав некоторое время, погасли.

— Дважды три — шесть.

И снова зажглось соответствующее число лампочек.

Семь, помноженное на семь, вызвало настоящий переполох. Члены делегации были сравнительно молоды и о теории Эйнштейна сохранили самые смутные воспоминания. Главного же математика решили не вызывать — в зале и так было полно народу.

— Семью семь...

— Пятьдесят, — негромко сказал президент.

— Шестьдесят четыре, — выпалил генерал, не узнавший президентского голоса.

— Сорок девять, — сказал знаток музыки.

Президент, поверив ему на слово, осторожно нажал клавиши и набрал именно эту цифру. На табло зажглось сорок восемь лампочек — одна лампочка перегорела.

Чудище вновь стало извергать мед. Генерал, взяв в руки перегоревшую лампу, обнаружил, что она иностранного производства.

— Саботаж! — завопил он.

Чудище подумало, что земляне — весьма странные типы. Правда, ему впервые довелось встретиться с пришельцами из других миров, но как бы то ни было, играть так громко и визгливо по меньшей мере невежливо. С этой мыслью чудище задремало.

Земляне решили перейти в контратаку. Генерал понял это как высочайший приказ немедленно применить раке-

ты. Ему пришлось срочно отменить свое распоряжение, и он самолично отправился домой за пленками Луиса Армстронга, любимого музыканта своего старшего сына.

Наконец чудище проснулось и с надеждой подумало, что второй день контактов с землянами окажется более успешным. После пленок Армстронга, не возымевших желанного эффекта, сенатор сыграл концерт Моцарта. Он играл вдохновенно, тем самым как бы беря реванш у наглого генерала. Однако чудище прервало его очередной струей.

— Тут нужен Чико Гамильтон, — объявил президент с таким видом, словно он произнес историческую фразу, которая будет передаваться из поколения в поколение.

Музыка зазвучала сразу на восьми дорожках, и чудище даже не решилось прибегнуть к своему испытанному средству. Затем наступило томительное молчание. И вдруг чудище заговорило:

— Мистер Джексон...

Все вздрогнули, а президент шагнул вперед.

«...sought to allay the brotherhood's fear of binding arbitration. When it is voluntary, he said, such procedures are substitutes...» *

— Похоже на тележурнал, — сказал знаток музыки из глубины зала.

— Этот монстр — ловкий политик, — уверенно заявил сенатор.

«...the National League's 5 : 3 victory over the American League. It was a cheap run, typical of the ball game this

* «...пытались развеять опасения братства касательно того, что решения арбитража будут обязательными для исполнения. В том случае, если такие решения добровольны, подобные процедуры являются заменой...» (англ.).

crisp sunny day, which Mays sent winging home in the fifth inning, for the Dodgers' Davis had...» *

— Нет, это чудище — спортсмен, к тому же явный провокатор, — прорычал генерал, который болел за Американскую Лигу.

— Похоже на тележурнал, — монотонно повторил тот же знаток из глубины зала.

«...painting, sculpture, tapestries and objects d'art from public and private collection have been added to those already...» **

— Паршивый интеллектуал! — взвизгнул сенатор, по его тут же принудили к молчанию.

— Похоже... — снова начал знаток музыки.

— На тележурнал, — хором подхватили делегаты.

И так продолжалось до самого вечера. Три музыкальных отрывка с одной стороны, длинные бессвязные речи — с другой.

— Переговоры зашли в тупик, — резюмировал президент.

На ночь чудище удалилось в свой ракетоплан. И тогда кто-то предложил на прощание сыграть чудищу что-нибудь веселое, раз ему так нравится музыка.

— Лучше всего какую-нибудь зажигательную джазовую вещичку, — сказал президент.

Кто мог знать, что это испортит все дело?!

— Ритмы Телониуса Монка даже мертвеца заставят пуститься в пляс, — важно сказал знаток музыки.

* «...победу Национальной Лиги над Американской Лигой со счетом 5:3. Довольно легкая победа в этом бейзбольном матче, проходившем ясным солнечным днем, была одержана после того, как Мэйз в пятой подаче точно послал мяч, тогда как Дэвис из команды Доджерса...» (англ.).

** «...художественные полотна, скульптура, ковры, гобелены и другие произведения искусств как из государственных, так и из частных коллекций были добавлены к тем, что уже...» (англ.).

Однако чудище было, очевидно, иного мнения. Оно принялось яростно брызгать медом и поспешно удалилось. Через несколько минут корабль стремительно взмыл ввысь, оставив землян в полнейшей растерянности. После небольшого замешательства от группы делегатов отделился знаток музыки. Он подошел к президенту и громко сказал:

— По-моему, дело обстояло так. Пришелец из космоса, стремясь изучить язык землян, слушал наши телевизионные и радиопередачи. Но он слегка напутал: музыку принял за разговор, а разговор — за музыку. Когда же...

Не успел он закончить, как президент схватил в пригоршню мед и запустил им в неосмотрительного делегата.

— Наглец! — воскликнул он. — Глупости! Вон отсюда!

Он сокрушенно развел руками и покачал головой. Впрочем, от типа, которому не нравится Дейв Брубек, можно ожидать чего угодно.

Между тем в кабине ракетоплана чудище, лежа в кресле, яростно мычало. Дело в том, что обычно чудище не пользовалось вульгарными средствами общения этих нелепых землян. Оно не разговаривало, не играло на музыкальных инструментах, не пело, а мычало.

«Я потратил четыре световых года, чтобы понять их дурацкий язык! Прослушал сотни телевизионных передач и спустился на Землю лишь после того, как окончательно убедился, что досконально изучил все тонкости их языка. А каков результат?! Черт знает что! Я заговорил, а они ответили сначала музыкой. Потом я заиграл, а они принялись говорить. Невежественные болваны, не способные отличить даже разговор от музыки! Ни за какие блага в мире не стану больше вступать с ними в контакт. Никогда!.. А впрочем, чего можно ждать от доморощенных музыкантов, выдающих себя за правительственную делегацию?

ПО СООБРАЖЕНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

Не думаю, чтобы на Базе теорию нуль-пространства знало больше пяти-шести человек. Я принадлежу к их числу. Сегодня началась моя работа на Базе, расположенной в районе, где я родился и вырос. Теперь я техник. И, судя по всему, играю немаловажную роль в системе противоракетной обороны страны. Начальство считает меня первоклассным специалистом, хотя из-за постоянного напряжения я кое-что и позабыл. Но, разумеется, самые незначительные подробности. Ну, скажем, когда началась «холодная война». Одно я знаю точно: мир разделен на два блока. Наш блок построил свои мощные базы, а вражеский — свои. Каждый из нас, техников Базы, имеет свое особое задание, смысл и значение которого нам неизвестны. Незвестны по соображениям безопасности.

Мы живем поистине в счастливое время. Каждый человек рождается с предопределенной заранее судьбой. Так что у него нет никаких забот. Свои детские годы он проводит в подземном городе вблизи Базы и только раз в год поднимается на поверхность, чтобы посмотреть на деревья, поля, небо. Первый раз эта прогулка кажется ему чудесной, но потом начинает изрядно надоедать.

В наш век непостижимого технического прогресса почти никому не приходится учиться. Новорожденному младенцу вводятся в мозг профессиональные навыки и самые общие сведения об окружающем мире. Ну, например, вам предназначено выращивать картофель, а вашему соседу — чинить провода. И вы уже не в силах что-либо изменить. Впрочем, никто этого и не хочет.

А я вот учился. Целые дни проводил в «камере интеллекта». Я хотел изменить свою судьбу и жаждал знаний. «Согласно теории нуль-пространства, можно...» бесконечное число раз повторял робот-инструктор.

Учиться мне было тяжело. Я мучительно напрягал ум, стараясь не упустить ни слова из объяснений. Ведь изначально мне было предопределено оставаться земледельцем класса Б. Мои сверстники весело играли на цементном полу подземного туннеля, а я каждое утро с трепетом ждал появления робота-инструктора.

— Земледелец класса Б, желаете ли вы продолжить учебу?

— Да, — отвечал я с дрожью в голосе.

— Вы уверены, что желание это не каприз и не прихоть?

— Да, — не задумываясь отвечал я.

— Тогда сегодня вы снова подниметесь на поверхность.

И я поднимался. Вначале лифт бесконечно долго тащил меня наверх. А затем начинался подъем по цементным ступенькам длинной лестницы. Почти всегда наши вылазки совершались ночью. Дул холодный, порывистый ветер, и я с замиранием сердца ступал по грязной и мягкой земле. Кругом царила пугающая тишина. От лесов и необработанных полей исходил отвратительный гнилостный запах. Я с трудом передвигался по мокрой траве. Постепенно меня охватывал непреодолимый страх, мне казалось, что враг нападет именно сейчас, сию минуту.

Нет, мне трудно объяснить, как это ужасно — каждый день подниматься на поверхность. А главное, оставаться одному в поле, когда тебя от Базы отделяет не менее ста метров. Даже робот отсиживался в укрытии и все инструкции передавал с помощью миниатюрного телевизора. Да это и понятно: разумно ли подвергать сильнейшему

риску работа только потому, что какому-то земледельцу класса Б вздумалось стать техником!

И вот теперь я вошел, наконец, в число шести человек на Базе, знающих теорию нуль-пространства...

Мне выдали белый комбинезон с красным диском на рукаве. Отныне я техник низшей ступени. Младший техник отвел меня в операторскую. Там стоит удобное кресло, а перед ним смонтирован экран. На экране виден красный диск. Вернее, два диска, причем один с абсолютной точностью накладывается на другой. Рядом с креслом — кнопочный пульт управления. Моя задача — наблюдать за красными дисками.

— Как только верхний диск слегка отойдет в сторону, немедленно нажимайте кнопку, и диск вернется в прежнее положение, — сказал младший техник.

Он не объяснил, что именно вызывает смещение диска и что происходит, когда я нажимаю кнопку.

По соображениям безопасности.

Год 3065. В течение дня мне лишь два-три раза приходится нажимать кнопку. У меня уйма свободного времени. На Базе со мной никто не разговаривает, так как я занимаю самую низшую должность. Вчера я впервые задал себе вопрос: стоило ли ради этого столько страдать и мучиться? Но потом устыдился собственных мыслей.

Год 3071. Я уже не стыжусь своих сомнений. Стоит мне посмотреть на красный диск, и я вспоминаю обо всех радостях жизни, от которых отказался ради учебы! У меня даже нет семьи.

Год 3075. Ненавижу красный диск. Конечно, кто знает, может, простым нажатием кнопки я уничтожаю вражеские полчища? Если б это и в самом деле было так, моя жизнь не казалась бы мне бессмысленной и пустой.

Вчера я вновь подал рапорт младшему технику. Он, как всегда, был со мной крайне любезен:

— Вы — один из шести техников Базы, которые знают теорию...

— Совершенно верно, — прервал я его, — по я бы хотел понять...

— Невозможно, — ответил он. — Ни один техник не знает, с какой целью он выполняет ту или иную операцию.

По соображениям безопасности.

— И все-таки позволю себе не согласиться... Мне хотелось бы знать...

— Я поговорю с начальством, — сказал младший техник.

Год 3079. Все так же нажимаю на кнопку. Средняя статистическая смещений диска остается прежней. Мой запрос от младшего техника перешел к старшему технику, а от него — технику высшего класса.

Меня повысили в должности, теперь я техник категории ИТ.

— Вы — один из шести техников Базы, которые... — и так без конца.

А как только я задаю вопрос в лоб, в ход пускаются соображения безопасности.

Год 3085. Час назад, расхаживая по коридору, я наткнулся на массивную бронированную дверь, ведущую в зал, смежный с моей операторской.

Как и каждый техник, я никогда не расстаюсь с личным оружием — электропистолетом замедленного огня. Он выдан нам на случай нападения врага непосредственно на Базу.

Я нажал курок, и замок молниеносно расплавился. Преодолев страх, я вошел в зал. Вдоль стены тянутся какие-то движущиеся ленты. Одна из них ведет в мою опера-

торскую. Я не поверил своим глазам: по ленте медленно ползут десятки консервных банок. Красные диски смещаются лишь в тех случаях, когда вдоль экрана проплывает испорченная консервная банка. Как только я нажимаю кнопку, испорченная банка падает на другую ленту.

Выдержка из устава Базы:

«Важные стратегические задачи следует доверять людям с низким коэффициентом умственных способностей: Ни в коем случае (подчеркнуто жирной чертой) пельзя доверять их специалистам».

По соображениям безопасности.

ОПТИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА

Протонные ракеты грохотали не меньше часа.

Все-таки меня обнаружили. Я подобрался как можно ближе, мастерски имитируя походку людей (это их характерное «раз-два, раз-два» в такт, с легким покачиванием корпуса), и надеялся без помех достичь хотя бы проводочных заграждений. Но эти мерзкие людишки в нарушение всех законов организовали посты обнаружения у государственной дороги далеко за пределами их владений. Как всегда, они открыли огонь без предупреждения. Однако меня не так-то легко застать врасплох. Недаром же я наделен сверхчувствительным слухом и мгновенной реакцией на малейшее колебание, неизбежное для любого прицельного механизма. Ничего, если мои подозрения подтвердятся, они еще расскажут в своих гнусных действиях! А временное преимущество этим жалким человечкам не поможет.

Конечно, их привело в панику мое черное одеяние, своего рода униформа для нас, налоговых агентов. Все мы носим эту форму в силу традиций, восходящих буквально к доисторическим временам. Право же, чем скорее ее отменят, тем безопаснее будет наша нелегкая работа.

Так вот, они обнаружили меня, едва я слез с роботомобиля. По движению воздуха я понял, что множество электронных устройств пришло в боевую готовность. И это заставило меня, не теряя времени даром, искать надежного убежища. Я нашел его в старом кратере, который образовался после мощного взрыва. Мгновение спустя все вокруг сотрясало от разрывов. Обстрел продолжался десять ми-

нут. Потом людям все же пришлось сделать короткую передышку. Я на радостях поздравил себя с удачно проведенным контрманевром. Стремительно нырнув в жерло кратера, я практически ускользнул от наблюдения — теперь их разведывательные приборы бессильны. Чтобы попасть в меня, им понадобится бы несколько часов подряд вести заградительный огонь. Но пока не существует протонного оружия, способного беспрерывно вести огонь больше двадцати минут. Мне следует лишь набраться терпения и молить бога, чтобы в меня не угодил случайный снаряд. Ну, а когда они вынуждены будут прибегнуть к резервным батареям, я смогу стремительным рывком броситься в атаку.

Люди оставили меня в покое всего на восемьдесят секунд. В этот весьма короткий промежуток времени я тщательно обдумал дальнейший план действий. Воспользовавшись затишьем, я осторожно высунулся и осмотрел поле боя — от проволочных заграждений меня отделяло метров триста. Не успел я снова плюхнуться на дно кратера, как тишину пререзал свист снаряда.

Возможно, кое у кого возникает вопрос: почему я не рассчитался по заслугам с этими гнусными налогоплательщиками? Все объясняется очень просто.

Мы, налоговые агенты, или сокращенно «НА», согласно правилам об охране жизни налогоплательщиков, имеем в своем распоряжении единственное оружие — мощную бризантную бомбу, но лишь одну, и применять ее разрешено только в критический момент. А такой момент пока не наступил.

Я подождал еще минут десять и наконец решил. Если они все же засекут меня радаром, тем хуже. Разумеется, для них: ведь прежде чем они попадут в цель, раскаленные стволы орудий вообще расплавятся. В ста метрах от меня после разрыва снаряда образовалась длинная тран-

шея. Туда-то по остывающей лаве я и бросился, когда ввысь взметнулось новое облако дыма и пыли. Наконец я почувствовал себя в полной безопасности: вероятность повторного попадания снаряда в одно и то же место минимальна. А радиоактивные осадки мне вообще не страшны, я к ним абсолютно невосприимчив. Нет, я очень удачно выбрал момент для нового броска. В самом деле, своим тончайшим слухом я почти тут же уловил изменение в интенсивности вибраций. Несколько перегревшихся батарей прекратили огонь.

Значит, можно продвинуться еще дальше. Стоило очередному снаряду разорваться почти рядом, как я выскакивал из своего убежища и в тучах пыли устремлялся вперед под беспорядочным огнем противника. До проволочных заграждений оставалось не больше тридцати метров, когда стрельба внезапно стихла.

Я понял, что радары вновь засекли меня. Послышался отвратительный вой ракеты земля — воздух. Я подбежал к заграждению и за какой-то миг до взрыва успел броситься на землю. Меня совершенно засыпало, и все-таки я вздохнул с облегчением — они не решились применить атомную боеголовку: боялись повредить первую линию обороны, что открыло бы путь другому налоговому агенту, засевшему в засаде. (Обычно мы действуем вдвоем.) Но успокаиваться рано: налогоплательщики, когда их прижмешь к стене, способны на самые подлые уловки. Не опасаясь нового обстрела, я поднялся во весь рост, ведь моя лучшая защита — близость к проволочному заграждению. Мне предстояло выполнить наиболее сложную часть задания; меня ждали теперь не слепые залпы, а ловушки, коварные, смертоносные ловушки.

Посредством сенсорных органов я уловил, что через проволочное заграждение пропущен ток в две тысячи вольт — достаточно одного прикосновения, и я запылаю,

словно факел. У меня нет иного выхода, кроме как перепрыгнуть через проволоку. Пять метров — это великовато даже для меня, а тут еще нужно приземлиться в определенном месте, где нет ни мин, ни магнитных полей. Прыгнул я удачно и очутился на вражеской территории. Теперь самое трудное — отыскать нужный дом. Только налоговый агент знает, насколько это сложно. Даже самый глупый налогоплательщик понимает, что весьма полезно построить в своей оборонительной зоне по крайней мере два-три фальшивых дома и заминировать к ним подступы — неплохо, когда неосмотрительный агент премило взлетает в воздух. Я уж не говорю о том, что в одном из таких домов вас может принять мнимый родственник налогоплательщика. В этом случае платежная квитанция теряет всякую силу, и беднягу агента ждут насмешки коллег и неприятности по службе. Да, в этих домах с нами, агентами фиска, борются с помощью дьявольских уловок, но не гнушаются и самого примитивного обмана. Мне, к счастью, всегда удавалось выйти из всех передраг целым и невредимым.

Помнится, однажды меня послали еще раз вручить счет, который мой коллега по ошибке дал подписать мнимому налогоплательщику. Многим из самых крупных должников благодаря всевозможным ухищрениям удается избежать уплаты налога по истечении срока давности. Но государство не желает терпеть убытки. И в тех редких случаях, когда удастся взыскать налог, оно отыгрывается за все свои поражения сразу: оно взыскивает с проигравшего схватку такую сумму, что дух захватывает. К примеру, сейчас мне приказано вручить счет на общую сумму восемнадцать миллионов кредиток.

«Наносить удары не часто, но зато прямо в солнечное сплетение» — таково золотое правило налогового управления. В микроприбор я обнаружил два дома на склоне холма. Присмотрелся... Ну, конечно же — фальшивые. Вы-

глядят они как настоящие, но меня не обманешь — нет характерных признаков присутствия человека.

А что еще подстерегает меня за холмом? Пришлось волей-неволей взбираться на его вершину. Само собой разумеется, я хорошенько смотрел, куда ступить. Эти хитрецы-налогоплательщики установили всюду, где можно, минные поля, мощные электроразрядники...

О черт!.. Еще миг, и я бы, как последний дурак, угодил в медвежью ловушку. Отскочив в сторону, я подумал: «Неужели они отважатся на фронтальную атаку? Иной раз в отчаянии они идут и на это».

Стоп, дальше пути нет. Впереди — отлично замаскированная автоматическая батарея. Если меня засекут ее радарные установки, я, как говорится, здорово погорю. Чуть поодаль я заметил распростертое тело менее осторожного налогового агента. Даже не тело, а его разорванные части. О боже, какая ужасная картина!

Я бросился назад что было сил.

Очутившись вне зоны прицельного огня, я остановился, чтобы собраться с мыслями. И пришел к выводу, что настало время выложить сразу все карты на стол. В такой игре иногда полезно притвориться безумным.

И вот совершенно неожиданно для врага я выскочил на открытое место. Мне понадобилось всего три секунды, чтобы одолеть холм, и все же я рисковал очень многим. За холмом стоял дом, вероятно, настоящий — каждый кирпич в нем говорил о присутствии человека. И это, понятно, могло быть хитроумным трюком. Но я полагался на свои сенсibilизаторы и решил идти на штурм.

Я огляделся и вскоре обнаружил вражескую установку — она может преградить мне дорогу. Самое время применить бризантную бомбу. И пока брошенная мною бомба вычерчивала замысловатую траекторию, я молниеносно сообразил, каким путем следует бежать. Точно в миг взрыва

я бросился в атаку. Двадцать метров яростного бега... бросок на землю; первое, с чем знакомят любого налогового агента, это элементарные правила штурма укрепленной полосы. Прежде чем совершить последний рывок, я вытащил из портфеля счет. Теперь я бежал зигзагами, осыпаемый градом снарядов. Право же, я мчался со скоростью не меньше семидесяти километров в час. При такой скорости остановиться с разбега невозможно. Я был уже в пяти метрах от двери, постучав в которую сразу становился неуязвимым. (Таков строжайший закон.) И в то же мгновение понял, что угодил в ловушку. Все было продумано до мельчайших подробностей. Моя рука, протянувшаяся к звонку, пробилла пластиковую и цементную стенку. Нет, дом был крепкий, а я отнюдь не обладал гигантской силой. Просто настоящая стена была на метр дальше ложной, а это-то я и не уловил.

Но меня уже ничто не могло удержать, и я со всего размаху налетел... на тонкую проволоку. Разумеется, я споткнулся и упал. И тут же двое клещей сжали меня в тиски.

Последнее, что я услышал, был треск моей разрываемой клещами оболочки.

Хозяин дома вытер пот, обильно стекавший со лба.

— Да, тяжело нам с тобой пришлось, дорогая. Если б не ложная стена, этот проклятый агент прорвался бы прямо сюда.

Молодая, красивая женщина безуспешно пыталась унять нервную дрожь.

— Он чуть было нас не перехитрил,— сказала она.

— Они их делают все лучше и лучше, этих чертовых роботов. Подумать только, к самому дому подобрался!

— Спасибо за комплимент,— крикнул я из-за двери.

Как жаль, что я не видел, какие у них были в тот момент лица! Потом-то они сумеют взять себя в руки.

Я уверенно постучал костяшками пальцев в дверь. Затем освободился от остатков металлической обшивки большого полуавтоматического робота, который сослужил мне хорошую службу, и с иронией спросил: «Ну-с, долго мне ждать?» Поглядев с высоты своих тридцати сантиметров на целые и невредимые миниатюрные транзисторы и стальные клапаны, я удовлетворенно хмыкнул.

Мои мнемонические центры излучали волны радости.

Я победил налогоплательщиков, снова их победил!

ИЗБАВЛЕНИЕ

ВСТРЕЧА С МАЙОРОМ
ЗАЛ ОЖИДАНИЯ
ОСКАР
РАЗГОВОР С МАЙОРОМ

Дежурный администратор сидел в стеклянной кабине, которая занимала большую часть вестибюля. Свободным оставался лишь небольшой коридор, уставленный вазами с агавами. Сидя за письменным столом, администратор заполнял очередную стопку бланков.

Перио Валенти растерянно искал взглядом окошко, дверцу или хотя бы прорезь, которая позволила бы ему обратиться непосредственно к дежурному. Ему показалось, что одна из стенок раздвижная. Он осторожно потрогал ее, но тут же отдернул руку, испугавшись, что заметит дежурный администратор. Наконец он решился постучать, робко и тихо, чтобы не потревожить занятого работой чиновника. А тот, не поднимая головы, нажал кнопку на письменном столе.

— Что вам угодно?

Усиленный цитофоном металлический голос заставил Перио вздрогнуть.

— Я хотел бы поговорить с вами.

— Говорите, я вас отлично слышу.

Перио вынул из кармана аккуратно сложенный лист бумаги, развернул его и прочел: «Отдел координации».

— Я хотел бы побеседовать с начальником отдела.

— Седьмой этаж, коридор три.

Слабый щелчок, и цитофон умолк, прежде чем Перิโอ успел сказать «спасибо».

Лифт мгновенно доставил Перิโอ Валенти на седьмой этаж, и он без особого труда отыскал коридор три. Собственно, это был даже не коридор, а длинный, узкий зал. На противоположной стороне улицы через большие стеклянные двери виднелся массивный Дворец правосудия, по ступенькам которого, словно муравьи, сновали люди. А здесь, в коридоре, у каждой двери стоял часовой. Перิโอ подошел к одному из них:

— Скажите, пожалуйста, где здесь отдел координации?

Часовой кивком головы указал на человека в глубине зала. Перิโอ догадался, что это дежурный.

— Скажите, как мне найти отдел координации?

— Комната двадцать восемь.

Перิโอ пошел вдоль коридора, разглядывая таблички на дверях. Наконец он подошел к двери, где стоял часовой, отославший его к дежурному. Это и была комната двадцать восемь.

— Вам назначена встреча?

— Да.

— Имя?

— По правде говоря, не знаю. Мне сказали, чтобы я явился к девяти утра.

— Я спрашиваю ваше имя.

— Перิโอ Валенти.

— Подождите здесь.

Часовой ушел, а Перิโอ остался стоять у дверей, держа в руках листок. Минут через десять часовой вернулся.

— Майор сейчас занят. Когда он освободится, вас вызовут. А пока посидите вместе с остальными.

Перิโอ поблагодарил и сел в одно из свободных кресел.

В холле, кроме еще одного администратора, восседавшего за письменным столом, заваленным бланками, сидело еще двое мужчин и одна женщина примерно того же возраста, что и сам Перио. На вид им можно было дать лет шестьдесят.

Все трое усталились на Перио, и он не знал, как себя вести. В замешательстве он заерзал в кресле, потом заложил ногу за ногу, протер очки носовым платком, растегнул пиджак, положил руки на колени. Внезапно один из трех, лысый, жирный человечек, подошел к нему, наклонился и прошептал на ухо:

— Вам тоже прислали вызов?

— Да.

— Надеетесь получить освобождение?

Перио подумал, что в подобных случаях нельзя доверять никому, тем более незнакомым людям. Но эти трое, очевидно, находятся в таком же положении, как и он.

— Да, а вы?

— И я,— ответил лысый человечек и поспешно возвратился на свое место. Оттуда он знаком показал Перио, чтобы тот подсел поближе.

Перио поглядел на администратора, занятого своим делом, и осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, придвинулся к трем остальным.

Первой заговорила женщина.

— Так, по-вашему, есть надежда получить освобождение?

— Я уже в третье управление обращаюсь и пока не добился ничего, кроме туманных обещаний. Боюсь, мне ничего и не удастся добиться, ведь день явки неумолимо приближается,— сказал лысый человечек.

— Какого числа вам предложили явиться? — спросил Перио.

— Шестнадцатого июля, а вам?

— Шестнадцатого сентября.

— Я слышал,— вступил в разговор красивый седовласый старик,— что получить освобождение по протекции совершенно невозможно. Ни у кого нет на это достаточной власти. Однако есть способ избежать явки на сборный пункт. Для этого надо доказать, что преклонный возраст не мешает нам оставаться физически крепкими и сильными.

— Но как это доказать? — поинтересовалась женщина.

— Надо думать, что применяются соответствующие испытания физической силы и особые тесты. Но точно я не знаю. Вполне возможно, что все это сплошная выдумка.

Перио очень рассчитывал на заступничество начальника отдела координации и теперь пытался убедить остальных, и прежде всего самого себя, что дело обстоит не так уж скверно.

— Вероятно, отделам, где вы уже побывали, не дано права решать столь важный вопрос.

— Ерунда. По собственному опыту не советую вам обольщаться радужными иллюзиями.

— Однако вызов получили не все.

— Верно, но скоро и они его получат. Если только речь не идет о специалистах особо высокой квалификации. Вы где работаете?

— Я? Нигде, я на пенсии.

У жирного, лысого человечка от изумления брови взметнулись вверх.

— Как, вы пенсионер и рассчитываете получить освобождение? Невозможно! Мы хорошо ли, плохо ли, но выполняем свою работу, и то у нас нет почти никаких надежд. Что же тогда говорить о вас?!

У Перио кровь прилила к лицу, и он испытал огромное желание схватить этого толстого борова за глотку. Но

в последний миг он сдержался — очевидно, у его собеседников нервы на пределе, и разумнее простить им невольную жестокость.

Зазвонил телефон на письменном столе дежурного администратора.

— Хорошо, синьор. Сию минуту передам. Синьор Валенти, майор ждет вас.

Перио вскочил. Он не ожидал, что его примут раньше других, и эта маленькая привилегия наполнила его сердце эгоистичной радостью.

В кабинете майора возле двери стоял небольшой столик с пишущей машинкой, на которой что-то старательно печатал пожилой человек в форме сержанта. Белизну голых стен нарушали темные шторы и серая дверь, а единственными звуками, нарушавшими тишину, были стук машинки и жужжание кондиционера.

— Садитесь. Сигарету, сигару? — предложил майор.

— Спасибо, я не курю.

Перио сел на овальный стул и стал ждать, когда майор обратится к нему.

На вид майору можно было дать лет тридцать, а то и меньше — его немного старили густые усы. Он сидел за полукруглым письменным столом и перелистывал какие-то бумаги.

— Стол такой формы кажется неудобным, а между тем это совсем не так, — сказал он, заметив любопытный взгляд Перио. — Понимаете, я могу без особых усилий и не утомляя глаз просматривать одновременно несколько документов. — Он взял несколько бланков и разложил их по столу. — Весьма рационально, не правда ли?

— Да, очень удобно, — подтвердил Перио.

Он сидел как на горячих углях, и эта болтовня не только не успокаивала его, а лишь сильнее нервировала.

Майор зажег сигару.

— Надеюсь, что это не помешает?

— Нет, нет, что вы.

— К тому же кондиционер поглощает все запахи. Отличная вещь, доложу я вам.

Перио испугался, как бы майор не начал распространяться о преимуществах новейшей установки, но тот поздравил адъютанта.

— Сходи к Оскару и возьми у него личное дело синьора. Простите, ваша фамилия?

— Валенти, Перио Валенти.

Адъютант, лихо щелкнув каблуками, повернулся и вышел.

— Сколько еще человек ждет приема? — спросил майор.

— Всего трое.

— Ну, это уже не так страшно. У меня сегодня ужасно болит голова и нет никакой охоты разговаривать с кем-либо.

— Если хотите, я могу прийти в следующий раз.

— Нет, мы с вами решим вопрос буквально в два счета. — Майор притушил в пепельнице недокуренную сигару. — Видите ли, исход вашего дела зависит от того, что скажет Оскар. Разумеется, я занимаю весьма ответственный пост, но и мои права не безграничны.

— Быть может, все решают политики, — сказал Перио.

Он слишком поздно сообразил, что затронул щекотливую тему. Глаза майора гневно блеснули, но он мгновенно овладел собой и спокойно ответил:

— Отнюдь нет. Если б вы обратились к депутату или даже к министру, то не получили бы не только конкретной помощи, но и полезного совета. А мы, военные, такой совет можем вам дать. — Он ткнул указательным пальцем Перио в грудь. — Больше того, многие из них, разумеется те, кто достиг соответствующего возраста, тоже полу-

чили вызов. — Он откинулся на спинку стула, наслаждаясь произведенным эффектом.

Перио был слишком занят мыслями о своем будущем, чтобы еще беспокоиться о судьбе высокопоставленных политических деятелей. Но желая подыграть майору, он широко раскрыл глаза и изобразил на своем лице величайшее изумление.

Майор был явно доволен.

— Теперь вы поняли, как на самом деле обстоят дела? Не огорчайтесь заранее, — покровительственным тоном продолжал он. — Я сделаю все, что в моих силах. Мне передали письмо от моего близкого друга. Вы, верно, знаете, что мы вместе учились в школе?

— Да, он мне рассказывал.

— Отличный был товарищ. Помнится, у него были нелады с математикой.

Перио с нетерпением ожидал возвращения сержанта с его личным делом.

— Вы все должны рассматривать явку на сборный пункт как свой долг, а не как жертву. Ну, скажем, как воинскую обязанность. Каждый из нас обязан чем-то поступиться во имя интересов общества. — Майор говорил так, словно повторял хорошо выученный урок. — Решение было принято после долгих раздумий и колебаний. У нас не было другого выхода. Разве что атомная война, но вы и сами знаете, к каким разрушениям и бедам она бы повела. Вы следите за ходом моих мыслей?

— Да, конечно, — ответил Перио. — Но я...

Майор стукнул кулаком по столу, правда, без особой ярости:

— Ах, «я»! В этом-то вся загвоздка! Все, кто приходит ко мне, в каждую фразу умудряются вставить это расчудесное «я»: я человек семейный, я много и честно работал, я уверен, что не заслужил... Но здесь, доро-

гие моп, речь идет не о семье и не о чьих-то личных заслугах, а о судьбе всего человечества, понимаете, человечества!

Майор с удовлетворением заметил, что Перио совершенно растерялся.

— Даю вам слово, — с улыбкой продолжал он, — что если бы лично я получил вызов, то немедленно явился бы на сборный пункт. И даже не пытался бы получить освобождение.

Поди знай, подумал Перио.

— Я слышал, будто действие закона хотят распространить на более молодых мужчин и женщин, — вслух произнес он.

Это было неправдой, и Перио тут же пожалел, что вздумал поугаать майора. Тот на миг помрачнел, но быстро сообразил, что уж ему-то сообщили бы об этом, и на губах его снова заиграла улыбка.

— Маловероятно. Во всяком случае, коснись это меня, я бы не колебался ни минуты.

Наконец вернулся сержант и протянул майору розовую папку.

— Посмотрим, посмотрим, что говорит Оскар. Так, Валенти Пьеро.

— Перио, тут, верно, ошибка.

— Ах да, Перио. Это я неверно прочел. Возраст — шестьдесят три года, профессия — преподаватель по классу виолончели в консерватории. В настоящее время — на пенсии. Увы, ничем не могу вам помочь. О, вы не служили в армии, как же так?

— Малокровие.

— Верно, здесь указано. Знаете, Оскар фиксирует все, до малейших подробностей. Он просто чудо. Попробуйте спросить меня о любом мало-мальски важном событии вашей жизни. Задавайте вопрос, не стесняйтесь.

Перио не хотелось ни задавать вопросов, ни отвечать, но он боялся обидеть майора.

— В каком году умерла моя жена?

— Ну что вы, это слишком просто. Спросите о чем-нибудь менее значительном.

Перио подумал с минуту.

— Какую среднюю оценку мне вывели по всем экзаменам в лицее?

— Так, возраст, профессия, годы учебы. Восемь и тридцать семь сотых балла. Верно?

— Совершенно верно, — подтвердил Перио. — Скажите, есть все-таки хоть какая-нибудь надежда?

Сержант снова принялся стучать на машинке. Майор сокрушенно развел руками.

— Как по-вашему, существуют объективные причины, позволяющие отменить вызов?

Перио почувствовал, что глаза его наполняются слезами. Но он заметил, что майор досадливо поморщился, и сумел перебороть отчаяние.

— Вы, синьор Валенти, должны пенять только на самого себя. В том смысле, — пояснил майор, — что ваши биографические данные, к сожалению, лишают нас возможности помочь вам.

Перио, словно утопающий за соломинку, ухватился за последний обломок надежды.

— Не могу ли я поговорить с господином Оскаром?

Адъютант, который, казалось, был поглощен работой, засмеялся вместе с майором.

— Оскар не господин.

— С профессором Оскаром, — поправился Перио, решив, что он допустил оплошность.

— Оскар не профессор, а также не полковник и не генерал. Оскар — электронно-вычислительное устройство.

Майор протянул через письменный стол руку своему собеседнику.

— Не огорчайтесь, друг мой.

Перио слабо пожал его руку, встал и направился к выходу.

— Не сюда. Да, вот что...

Перио повернулся к майору, который снова закурил сигару.

— Слушаю вас...

Майор глубоко затянулся и выпустил струйку дыма.

— Попробуйте обратиться к адвокату Барленги. Он весьма опытный и ловкий человек. Это будет стоить немалых денег, но в вашем положении выбирать не придется. — И он протянул Перио визитную карточку адвоката.

— Спасибо, я непременно к нему схожу.

— И еще один совет — назначьте встречу с ним в перwokлассном ресторане. Адвокат — большой гурман, после вкусного ужина он станет куда сговорчивее. Желаю удачи.

Перио еще раз поблагодарил майора и вышел, осторожно затворив за собой дверь.

УЖИН С АДВОКАТОМ
ЕГИПЕТСКАЯ ЦАРИЦА В САРКОФАГЕ
ВЫХОД НАЙДЕН

Каким образом рестораны не закрылись после того, как правительство ввело карточную систему на продукты питания, оставалось для Перио загадкой. Цена обеда в ресторане превышала годовой заработок рабочего. Перио посмотрел на часы. До встречи оставалось еще полчаса, и он решил прогуляться по улице.

В витрине ювелирного магазина были выставлены золотые часы с тремя циферблатами, которые показывали

время в Риме, Нью-Йорке и Токио. Следующий магазин был продуктовым, и на его витрине красовалась огромная таблица с указанием цен и количества продуктов, отпускаемых по недавно установленным нормам. Перио пошел дальше и остановился у выпуклой стеклянной витрины универсального магазина. Здесь все было перевернуто вверх дном; лишь несколько раздетых манекенов, беспорядочно расставленных на застеленном бумагой полу, растерянно глядели в пространство. Лампочки в витрине не горели, манекены освещались светом уличных фонарей. В первом ряду призывно улыбалась очень худенькая блондинка. Чуть поодаль стояла перезрелая полногрудая особа, на губах которой застыла стандартная улыбка. Правая сторона была «мужской»: мужественный представитель сильного пола приветливо улыбался всем своим загорелым морщинистым лицом, которое резко контрастировало с гладким отлакированным телом. Глаза у всех трех манекенов были безжизненные и тусклые.

У Перио эти белые бесполое фигуры вызвали чувство отвращения. Он вернулся к ресторану. Навстречу ему шел невысокий полный человек с пышной шевелюрой. Незнакомец остановился в шаге от него.

— Вы Перио Валенти?

— Да. А вы адвокат Барленги?

— Вы не ошиблись. Ну что ж, войдем?

Адвокат говорил отрывисто и громко.

— Прошу прощения. Но, видите ли, я пришел раньше и, чтобы убить время, решил пройтись по улице.

— Не стоит извиняться, дорогой Валенти, я и сам немного запоздал. Вы заказали столик?

— Нет, я думал, что в ресторане будет мало народу. Знаете, карточная система...

Повелительным жестом подозвав официанта, адвокат снисходительно усмехнулся.

— Друг мой, рестораны никогда еще не были так переполнены, как сейчас. Есть свободный столик? — обратился он к официанту.

Они сели в глубине зала возле окна-витрины, выходявшего прямо на улицу.

— Сейчас множество людей не скупится на расходы, — продолжал адвокат. — Я имею в виду тех, кто получил вызов. У них нет других забот, кроме как провести последние два-три месяца в бурном веселье.

Перио осмотрелся — все столы были заняты, и у каждого суетился официант в белом фраке. Адвокат Барленги развернул салфетку и заправил ее за ворот рубашки, предвительно ослабив галстук.

— Девяносто процентов сидящих здесь — вызванные на сборный пункт. Для ресторанов, кино, варьете наступили золотые времена. Иной раз я даже завидую вызванным.

Он взял меню.

— Сами будете заказывать?

— Нет, нет, выбирайте вы по своему вкусу, — ответил Перио. У него пропал аппетит, больше того — к горлу подступила тошнота. Он налил в бокал минеральной воды, и залпом осушил его.

— Превосходно! — воскликнул темпераментный адвокат. — Знаете, что сегодня в меню? Египетская царица в саркофаге.

Перио неопределенно кивнул головой.

— Вы любите царич? — спросил адвокат и, не дожидаясь ответа, продолжал: — А на первое я бы взял лапшу в масле.

— Очень хорошо, — сказал Перио.

— Официант, две порции лапши в масле, но чтобы она (тут Барленги прищелкнул пальцами) таяла во рту.

— Не беспокойтесь, синьор, увидите, она вам понра-

вится,— сказал официант. Он изящно поклонился и отправился выполнять заказ.

— Ну, а теперь поговорим о более серьезных вещах.

— Не лучше ли будет обсудить наше дело за чашкой кофе?

— Нет, я привык обсуждать дела за едой. Это повышает аппетит. Надеюсь, вы не возражаете?

— Нет, конечно, конечно.

Адвокат Барленги пытался соорудить прочный домик из трех зубочисток.

— Надо думать, ответ Оскара был для вас неблагоприятным?

— Абсолютно неблагоприятным; так по крайней мере сказал майор.

— Да, положеннице не из легких,— со вздохом сказал адвокат.— Если б в вашем личном деле была хоть малейшая зацепка, я бы изыскал предлог, чтобы отсрочить вызов года на два. А там мы бы еще посмотрели. Представляете себе, совсем недавно я выиграл, казалось бы, совсем безнадежное дело. В документах моего клиента было сказано, что он посещал лекции одного известного орнитолога. Так вот, я выдал за орнитолога самого клиента. А ведь он не в состоянии отличить орла от вороны.

Адвокат захохотал так громко, что непрочный домик из зубочисток тут же рухнул.

— Что бы вы мне посоветовали? — спросил Перю, когда официант принес лапшу в масле.

— Разберем все по порядку,— ответил адвокат, вонзая вилку в тонкую белую лапшу.— М-м-м... Пальчики оближешь. Очевидно, вам, дорогой друг, известно о спорах, возникших при обсуждении закона? Увы, теперь правительства почти всех стран пришли к соглашению, и нам, адвокатам, становится все труднее прибегать к юридическим уловкам. Остается, правда, испытание.— Лапша на

тарелке Барленги исчезла буквально в мгновение ока. — С законом, друг мой, шутки плохи. Однако и в последнем законе есть уязвимое место. Видите ли, разрабатывали его политики, а трактуют и применяют военные. Ну, как известно, они ладят между собой, как кошка с собакой. Мы этим пользуемся и нередко добиваемся благоприятных результатов. Но в деле непременно должна быть какая-нибудь зацепка. Вам тоже заказать супругу фараона в саркофаге?

— Что-то нет аппетита.

— Ничего, появится, как только вы отведаете фараоншу. Знаете, мне довелось быть членом комиссии по выработке проекта закона. Любопытно, что закон утвердили единогласно. Иного выхода, увы, не было. Население планеты росло столь стремительно, что не помогла и принудительная эмиграция в труднодоступные районы Латинской Америки. А индекс рождаемости должен оставаться постоянным — иначе не хватит рабочих рук для всемирных оросительных работ.

Официант принес глиняный горшочек.

— Превосходный обычай — открывать египетскую царицу прямо за столиком, — заметил адвокат. — Такое впечатление, словно присутствуешь при вскрытии подлинного древнего саркофага. И разве не любопытно посмотреть, как обнажают супругу фараона? — Он громко расхохотался над собственной остротой.

Официант осторожно вынул из глиняного горшочка что-то завернутое в промасленную бумагу. Барленги продолжил свою мысль:

— Тогда-то и было решено устранять всех, кто уже не в состоянии выполнять научную или физическую работу, либо «поставлять» новорожденных.

Официант вонзил нож в грудь «супруги фараона» и разрезал ее на две половины.

— И вот полгода назад начали вызывать всех, кому исполнилось шестьдесят.

Перио съел кусочек. Нежное мясо буквально таяло во рту. Он отпил из рюмки ликера.

— Синьор адвокат, вы говорили, что в любом законе можно отыскать уязвимый пункт. Скажите, а в моем случае, учитывая отрицательный ответ непогрешимого Оскара, остается какая-нибудь надежда? Только откровенно, без недомолвок.

Адвокат Барленги положил обглоданную кость на тарелку и провел ладонью по густым, растрепавшимся волосам.

— Мне бы не хотелось вас чрезмерно обнадеживать. Профессиональный долг повелевает нам говорить клиентам только правду. Вам не остается ничего другого, кроме испытания.

— Я уже слышал об этом, но что вы сами думаете по поводу этого таинственного испытания? — Перио рискнул задать еще вопрос, пользуясь тем, что адвокат на какой-то момент отвлекся от еды.

— Все зависит от вас. Я могу вам помочь в оформлении соответствующих документов и в быстром выполнении всех бюрократических формальностей. Скажите, — он наклонился к самому лицу Перио, придерживая правой рукой салфетку, — вы в последнее время были близки с женщиной?

Перио заколебался.

— Надеюсь, меня вы не станете стесняться? — настаивал адвокат.

— Да, с месяц назад.

— И каков был результат?

— Обычный.

— Чудесно!

Адвокат снова откинулся на спинку стула.

— Синьор Валенти, вы спасены. Видите ли, испытание состоит в том, чтобы доказать вашу способность производить потомство, будущую рабочую силу, которая призвана спасти человечество.

Он залпом осушил бокал вина.

— Вам повезло, необычайно повезло. Закажем еще одну?

— Супругу фараона?

— О нет. Бутылку ликера.

— Да, да, конечно.

— Ручаюсь, все пройдет как нельзя лучше. Вам надо лишь подготовиться надлежащим образом. Я имею в виду физическую подготовку. О документах и прочем я сам позабочусь. Знаете, вам нужно почаще бывать в ресторанах и заказывать мясные блюда. Ваше здоровье.

ИСПЫТАНИЕ

Парк провинциальной больницы, после того как его наряду с другими общественными парками превратили в огород, совершенно изменил свой облик. Издалека он показался Перियो таким же зеленым и тенистым, как и прежде. У входа росли плакучая ива и дуб, но едва он миновал ворота, как ему сразу бросилось в глаза, что на месте красивых клумб и живописных кустов раскинулись грядки с цветной капустой, белые мясистые головки которой чуть покачивались на ветру. Дальше, возле хирургического корпуса, зелень была гуще, вероятно, там посеяли овес. Лишь у лестницы по-прежнему стояли две пальмы в кадках.

— Вам предварительно следует пройти медицинский осмотр,— сказал дежурный врач.— Поднимитесь на второй этаж.

В кабинете на втором этаже Перियो осмотрели с ног до

головы, взяли кровь на анализ, а затем вновь послали на первый этаж.

— Что теперь?

— Подождите результатов.

Вскоре принесли анализы — никаких болезней у него не обнаружили.

— Следуйте за мной, синьор.

Медицинская сестра первой вошла в лифт. Они поднялись на последний этаж, пересекли длинный коридор с множеством дверей и наконец добрались до маленького безлюдного зала ожиданий. Медсестра села за столик и попросила Перิโอ сесть рядом. Она отодвинула на край стола стопку журналов и вынула из кармана блокнот.

— Простите, ваши документы.

Перิโอ протянул ей удостоверение личности.

— Долго еще придется ждать?

— Не могу знать, синьор.

Он попытался завоевать расположение женщины, одарив ее любезной улыбкой. Однако улыбка получилась вымученной, похожей скорее на гримасу.

— Как все это делается? Словом... — он замялся, подбирая слова. — Что я должен делать и чем это кончалось у других?

— К сожалению, синьор, мне ничего об этом не известно. В мою обязанность входит проверка документов. Вам надо подождать здесь вызова.

Она встала и ушла, ни разу не обернувшись.

Перิโอ стал прохаживаться по залу, посмотрел в окно на огород, который отсюда, с высоты, казался зеленым парком, снова сел за столик и принялся перелистывать журналы. Тут можно было найти все наиболее распространенные журналы Европы и несколько вчерашних газет. Почти в каждом журнале были опубликованы яркие цветные фотографии грандиозных ирригационных работ и статьи

знаменитых ученых, полные самых оптимистических прогнозов. Ни одна из газет не писала о вызове стариков. Лишь в последнем номере французского еженедельника вскользь упоминалось о том, что новые мероприятия в мировом масштабе следует считать временными. Но, возможно, речь шла о принудительной эмиграции в Латинскую Америку, о введении рационов на продовольствие либо о каких-нибудь других аналогичных постановлениях.

Перио заглянул в юмористический журнал, но карикатуры показались ему удивительно глупыми. Он вновь поднялся и приткнулся к закрытой двери на противоположной от входа стороне. Оттуда не доносилось ни звука, и Перио отважился заглянуть в замочную скважину, но не увидел ничего, кроме бокса со стеклянными полками, в котором обычно хранят медикаменты и шприцы. Затем он проверил часы — ровно четыре. Он завел часы и стал прохаживаться взад и вперед. Шаги в коридоре заставили его вздрогнуть. Сам не понимая почему, он поспешно сел за столик и притворился, будто читает журнал.

— Добрый день.

— Добрый день, синьора.

Перио встал.

— Пройдите, пожалуйста.

Мужчина и женщина в белых халатах провели его в соседнюю комнату.

— Садитесь. У вас есть результаты анализов и медицинская карта?

— Вот...

— Отлично. Распишитесь здесь внизу. Это заявление о том, что вы принимаете на себя полную ответственность за все последствия, которые могут возникнуть при испытании, в случае...

— Но ведь если что-либо случится, потом я...

Врач не дал ему договорить.

— Нас интересует непосредственно само испытание.

Перио неразборчиво расписался внизу и снова положил руки на колени.

— Стоящая рядом со мной синьора — медицинская сестра данного отделения. Она высококвалифицированный работник и поможет вам наилучшим образом. Можете полностью ей довериться.

Женщина, до сих пор не проронившая ни слова, обратилась к Перио.

— Прошу вас, следуйте за мной.

Они прошли в смежную комнату, и сестра опустила портьеру, оставив дверь открытой. Стены комнаты были облицованы белым кафелем, посредине стояла кровать, очень похожая на больничную койку, с той лишь разницей, что была чуть ниже и шире. У входа возвышалась вешалка, полузакрытая ширмой, а в глубине можно было различить душ и ванную, занавешенные прозрачным пластиком.

— Разденьтесь и примите душ.

Перио скрылся за занавеской и стал медленно раздеваться. У него дрожали руки, и он подумал, что надо бы установить дружеский контакт с этой женщиной.

А она проверяла, достаточно ли теплая вода в душе.

— Сколько женщин в вашем отделении? — спросил он громко, пытаясь заглушить шум воды.

— Восемнадцать медицинских сестер и две ассистентки, — ответила женщина, расстелив на кровати полотенца.

Перио сглотнул слюну.

— И все такие же симпатичные?

— В общем да, это одно из неперемennых условий для работы в отделении.

Темноволосая, довольно крупная, она и в самом деле была привлекательной.

— Душ готов?

— Да.

Перио быстро забрался в ванну под теплую струю. Он хорошенько намылился, затем крепко протер руки и грудь мочалкой и подождал, когда стекут последние капли воды, после чего выглянул из-за занавески — посмотреть, где лежит полотенце. Чтобы взять его, нужно было пройти мимо медицинской сестры. Но она уже скрылась за ширмой. Перио взял махровое полотенце, старательно растер тело и обмотал полотенце вокруг бедер. Затем сел на край кровати и застыл в ожидании.

Женщина помылась необычайно быстро; она подошла к кровати, обтерлась полотенцем и вынула из шкафчика баночку с мазью. Потом легла рядом с Перио.

В комнате сильно пахло йодом и камфорой, но Перио только сейчас ощутил этот запах.

— Здесь очень душно, не правда ли? — произнес он.

— Если хотите, можно включить вентилятор.

— Ничего, потерплю. Нельзя ли опустить шторы?

Женщина встала и пошла к окну. Перио проследил за ней взглядом и отметил про себя, что босая она кажется совсем маленькой.

Он тоже лег в постель.

— Как вас зовут?

— Такие вопросы правилами не разрешены, синьор.

— Можно мне с вами поговорить?

— Конечно. В вашем распоряжении целый час.

Перио не знал, что ей сказать. Он принялся ласкать женщину, пытаясь сосредоточиться на одной-единственной мысли. Но мысли в голове роились, путались: майор, адвокат, вызов, освобождение, фотографии в журналах на столике зала ожиданий. И этот невыносимый запах йода, камфоры и карболки! Белые, сверкающие плитки, кровать из поролона с белым покрывалом — все чистое, стерильное.

Если все прошло хорошо с вдовой, которая вовсе не бы-

ла столь привлекательна, как эта женщина, то теперь все должно кончиться наилучшим образом, тем более что на карту поставлена его жизнь. Нет, чушь, ничего не поставлено на карту. Он в гостинице с любимой женщиной. С любимой и желанной. О этот запах карболки!

— Простите, нельзя ли включить вентилятор?

Медицинская сестра снова поднялась и, просунув голову в дверь, передала врачу пожелание Перю. Через несколько минут комнату заполнило мерное жужжание вентилятора. Постепенно в спальне стало не так душно. Когда женщина вновь легла рядом с ним, он попытался восстановить утерянную нить мыслей. Но теперь они текли в обратном порядке: медицинская сестра, адвокат, майор, вдова и наконец дом, его дом за несколько дней до вызова. Его мысли сосредоточились на стоявшем в гостиной клавесине, верном друге, разделявшем его одиночество с тех пор, как он перестал преподавать в консерватории. Хоть бы у него был сын, а так и клавесин попадет в лавку перекупщика.

Резко, заглушив шум вентилятора, щелкнул термостат.

— Я могу уйти? — спросил Перю.

Медицинская сестра взглянула на часы:

— У вас есть еще двадцать пять минут.

— Неважно, благодарю вас.

КЛАВЕСИН
ПОДАРКИ
ИНСТИТУТ

Клавесин был музыкой, другом, частью его самого.

Перю не раз задавался вопросом, почему с появлением рояля этот инструмент постепенно канул в безвестность. Ведь рояль — это не усовершенствованный клавесин, а абсолютно иной инструмент. Он, Перю, не раз говорил об

этом в консерватории своим ученикам в перерывах между занятиями. По клавишам пианино ударяют, клавиши клавиатура тихонько перебирают. Пианист извлекает из своего инструмента сильные, четкие звуки, которые лишь под натренированными пальцами большого артиста приобретают экспрессию. А струны клавиатура, даже если их трогает неопытная рука, издают нежные, тонкие звуки, словно пришедшие из далекого прошлого. Эту музыку древних времен Перियो больше всего ценил в клавиатуре. Особенно когда играешь сонаты сеттеченто*.

Иногда Перियो садился за любимый инструмент и начинал играть без нот, по внезапному наитию. И тогда в комнате звучал негромкий диалог между ним и клавиатурой, в голосе которого Перियो узнавал то шелест дождя, то легкие порывы ветра.

— Дядя, ты мне подаришь клавиатуру? Я ведь тоже обожаю музыку.

Подарить, одолжить, дать — ни один из близких и дальних родственников, которые рыскали сейчас по комнатам, не употреблял глагола «оставить». Между тем он оставлял обычное завещание, разве что не официальное, на гербовой бумаге, а устное, не скрепленное подписью нотариуса. Земли у него не было, квартиру он снимал, все его богатство составляла далеко не новая мебель.

— Хочешь, я приготовлю тебе чай с молоком, дядя?

Перियो поблагодарил племянницу и устало опустился в кресло. Больше нечего было дарить, одалживать или давать, и родственники наконец оставили его в покое.

Перियो с удивлением отметил про себя, что после ужасных дней ожидания и лихорадочных попыток избежать вызова он испытывает полное душевное спокойствие. С час назад он даже пошутил, что скоро ему отрубят голову, хо-

* Сеттеченто (итал.) — восемнадцатый век. — *Прим. перев.*

тя отлично знал, что теперь прибегают к новейшим, совершенно безболезненным методам.

Его голову вместе с отрубленными головами других стариков выставят на обозрение любознательных туристов, и они, разинув рты, будут слушать объяснения гида.

— Я не нашла в холодильнике ни молока, ни лимона.

Племянница смотрела на него грустными, полными слез глазами, и это привело Перио в замешательство. Он боялся, что родственники, поделив имущество, сочтут необходимым разыграть перед ним сцены жалости.

— Я выйду на минуту. Если меня будут искать, скажи, что я скоро вернусь.

— Хорошо, дядя.

Перио окинул прощальным взглядом гостиную, провел рукой по клавесину и вышел.

К институту он приехал, когда на город уже опустились первые вечерние тени. Как ни странно, вокруг ничего не изменилось — у входа в метро по обыкновению толпился народ, и люди грубо толкали друг друга. Никто не обращал внимания на Перио, все безостановочно шагали по тротуару, сосредоточенно переставляя ноги.

Дверь открыла молоденькая блондинка в очках. Она вежливо улыбнулась ему и предложила сесть в кресло. Перио заметил, что в середине верхнего ряда у нее блестит золотой зуб.

«А жаль,— подумал он,— ведь это нарушает симметрию красивого рта».

...И БАТТИСТА БЫЛ РОЖДЕН

Гулкий металлический голос объявил:

— Корабль входит в субпространство. Пассажиров просят ознакомиться с тестом 43F/44.

Мужчина средних лет вынул из конверта лист зеленой бумаги и с живейшим интересом стал читать. Все остальные пассажиры последовали его примеру, за исключением сидевшего рядом пожилого лысого человека.

— А вы что же медлите? — полюбопытствовал мужчина средних лет.

— Ах да, верно! — с улыбкой ответил пожилой господин. — Если вам не трудно, почитайте, пожалуйста, вслух. А я послушаю.

«Переход в субпространство, — принялся громко читать мужчина средних лет, — вызывает у некоторых людей недомогание, по своим симптомам очень напоминающее морскую болезнь. Субъекты, подверженные этой болезни, могут избежать неприятных ощущений, проглотив таблетку К-3, которая выдается бесплатно нашей авиакомпанией. Для проверки предрасположения (или невосприимчивости) к данной болезни вас просят выполнить следующий тест:

1. Начертить прямую линию.
2. Начертить зигзагообразную линию.
3. Указать, на каком этаже вы предпочитаете жить.

На выполнение задания отводится две минуты. Конверт просим опустить в отверстие на спинке сиденья. Заранее благодарим вас и просим не забывать: Авиакомпания Девятой Галактики — гарантия быстроты и комфорта!»

Мужчина средних лет вынул ручку и провел на листе бумаги сначала прямую линию, затем зигзагообразную, после чего внизу написал «сто пятидесятый этаж».

— Разрешите взглянуть? — вежливо спросил пожилой мужчина.

Он пробежал глазами лист бумаги.

— Рад за вас! Вам таблетка не понадобится.

— Да? В самом деле? А откуда вы знаете? — изумился его сосед.

— Очень просто. Предрасположение к субпространственной болезни вызывается легким нарушением нормальной деятельности вестибулярного аппарата.

— Простите, но при чем здесь прямая линия?

— Чем слабее у вас выражено чувство физического равновесия, тем менее четкой и прямой будет проведенная вами линия. Электронный мозг, проверяющий тест, фиксирует малейшие отклонения и даже положение прямой относительно самого листа бумаги.

— А зигзагообразная линия?

— Тут главное степень нажима пера и равнозначность углов. Чем сильнее пассажир нажимает на перо, тем больше его потребность опереться на что-либо. Надеюсь, вы улавливаете мою мысль?

— О да! — с восторгом воскликнул мужчина средних лет. — А чем выше я хочу жить, тем меньше мой страх перед пустотой и тем совершеннее чувство равновесия...

— Все очень просто, не так ли?

— Но откуда вы все это знаете? И почему вы не заполнили тест? У вас могут быть неприятности.

— Видите ли, — смеясь, ответил пожилой мужчина, — собственно, этот тест составил я.

— О боже! — воскликнул мужчина средних лет.

— Позвольте представиться: Контер, профессор Правительственного центра прикладной психологии.

— О боже! — только и смог повторить его сосед.

— Что вас так удивляет?

— Но ведь никто, ни один человек еще не видел живого профессора из Центра прикладной психологии! — пробормотал мужчина средних лет.

— Так уж и никто? — улыбнулся Контер. — Вы-то уж наверняка видите его перед собой, не правда ли?

— Я... я бесконечно счастлив. Я... я всем расскажу, какая мне выпала честь. Мне казалось, что все вы путешествуете в особых кораблях... Нет, это поразительно... Когда моя жена узнает... Меня зовут Джозеф Мюллер, я земледелец.

— Рад познакомиться, — сказал Контер, протягивая ему руку.

Джозеф Мюллер от удовольствия покраснел до корней волос.

Корабль слегка тряхнуло.

— Мы вошли в субпространство, — объявил металлический голос.

— Итак, вы земледелец? — с интересом переспросил профессор Контер.

— Да, ваше превосходительство...

— Я лечу по личным делам. Так что давайте беседовать запросто, без всяких там званий и титулов, согласны? — доверительным тоном спросил знаменитый психолог.

— Конечно, ваше прево... то есть господин профессор, — пролепетал Мюллер.

— Вам приятен труд земледельца?

— Прежде я обрабатывал свое поле и худо-бедно на жпзн̄ь зарабатывал. Знаете, выращивал свеклу. Все Мюллеры испокон веков выращивали свеклу. Потом мне пришлось заполнить профессиональный тест R9 дробь... дробь...

— Дробь 104.

— Совершенно верно, дробь 104... и у меня обнаружилась склонность к переселению и колонизации на другой планете. Удивительно, правда? Мне выделили участок в тридцать га, подумайте, целых тридцать га... Вот повезло, а? Я жду не дождусь, когда мы прилетим.

В его голосе звучал неподдельный энтузиазм.

— Поздравляю вас,— сказал профессор Контер.

— Я тут ни при чем. Это все тесты! — с жаром воскликнул Джозеф Мюллер. — Скажи мне кто-нибудь раньше, что я со своей семьей полечу на четвертую планету системы Сириуса, я бы этого человека принял за полоумного.

— Вам нравятся тесты?

— Э, откровенно говоря, я в них чаще всего ни бельмеса не понимаю. Я не раз думал... Простите, можно задать вам один нескромный вопрос?

— Хоть сотню,— любезно ответил профессор.

— Скажите, почему эти тесты такие запутанные?

— Чтобы у экзаменуемого не возникало желания солгать.

— Согласен, но, скажем, если б я вместо «сто пятидесятого этажа» написал «первый этаж»?

— В каждом тесте,— пояснил профессор Контер,— имеется несколько скрытых ключевых вопросов и ряд контрольных, единственная цель которых — проверить искренность ответов экзаменуемого. Понятно? Некоторые контрольные вопросы составлены так, чтобы «натолкнуть» экзаменуемого на ложный ответ. Напиши вы «первый этаж», электронный мозг, проверив ваши подсознательные эмоции, классифицировал бы ваш ответ на третий вопрос как «противоречивый».

— А разве не может очень хитрый и ловкий человек солгать, отвечая и на ключевые вопросы? — не сдавался Мюллер.

— Обычно в этом никто не заинтересован. Но вообще-то лживые ответы в принципе не исключены. Однако, мой друг, вам, видимо, и самому известно, что степень сложности теста находится в прямой зависимости от того, на какую должность вы претендуете. Ну, например, физик, желающий специализироваться на изучении нейтрино, должен ответить на две тысячи вопросов, из которых двадцать процентов контрольные. Если субъект отвечает искренне, электронный мозг выдает соответствующую оценку его профессиональной годности. Но стоит ему хоть раз сфальшивить, как электронный мозг сразу же это обнаружит. Сошлюсь на аналогичный пример: самый ловкий подделыватель почерка не способен ввести в заблуждение опытного графолога. Разумеется, мы придаем особое значение подсознательным ощущениям, а их, уж поверьте мне на слово, не так-то легко утаить.

— Теперь понятно! — воскликнул Джозеф Мюллер.

— Я знаю человека, которому при поступлении в университет удалось дать ложные ответы на весь тест двенадцатой степени трудности. Он влюбился в студентку физического факультета и хотел попасть на один с ней факультет, хотя имел ярко выраженную склонность к изучению логики и психологии. Впрочем...

— А как же это обнаружилось? — в сильнейшем волнении прервал его Мюллер.

— Очень просто. Согласно тесту, субъект обладал абсолютными способностями к физике. Между тем на первом же экзамене он не добрал до высшей оценки два балла.

— Что вы говорите! Надо думать, его как следует наказали.

— Гм, — смущенно кашлянул профессор. — Меня женили на предмете моей любви и зачислили в Высшую академию прикладной психологии, откуда я и попал в Правительственный центр.

— Так это были вы?! — в полной растерянности проговорил Джозеф Мюллер.

— Собственной персоной, — поклонился профессор Контер. — Конечно, можно придумать тест, который выявил бы истинные наклонности человека, но попробуйте-ка создать тест, обнаруживающий наклонность к сочинению тестов!

— Это все равно что история про яйцо и курицу! — воскликнул Мюллер.

— Примерно. Создатели тестов должны обладать... ну, как бы это получше выразиться, идеальным логическим мышлением и заметной склонностью к... мистификации.

— Невероятно! — воскликнул Джозеф Мюллер.

— Поэтому-то мы и выбираем сотрудников из числа опытных фальсификаторов.

— Но ведь вы управляете всей Галактикой?

— Нет, человечеством управляют тесты, — с непоколебимой убежденностью возразил психолог.

— Неделию назад, — задумчиво проговорил Мюллер, — моей жене на новом рыбном рынке предложили понюхать десять партий рыбы...

— Тест 82 КН.

— ... и определить, какие из них скверно пахнут. Она ответила, что ей не нравится запах рыб начиная с шестой и кончая десятой партией.

— Запах, — пояснил профессор Контер, — объясняется наличием крошечных частиц, которые попадают на чувствительные клетки носа. Так вот, рыбы с пятой по десятую партию были несвежими, и от них исходил соответствующий запах. Вход на новый рынок разрешен только тем, кто находит нормальным запах у рыб не далее седьмой партии.

— Чудеса! — воскликнул Мюллер. — А моя жена считала, что это уж слишком! «Вот увидишь, — сказала она, — скоро нас заставят заполнять тест на право дышать». «Глу-

пая,— ответил я.— Что ученые ни делают, все на благо общества». Правильно я сказал, профессор?

— Безусловно. Тем не менее находятся люди, которые думают так же, как ваша жена.

— Но это же нелепо! — в смятении воскликнул Мюллер.

— Совершенно с вами согласен, друг мой,— подтвердил профессор Контар.

— Скажите, профессор, это правда, что с помощью тестов полностью ликвидирована преступность?

— Ну, полностью — это чересчур громко сказано, но про убийства и покушения на чужую собственность давно забыли.

— А вы не можете объяснить, как вам удалось это сделать?

— С того момента, как новорожденный впервые прильнет губами к материнской груди, малейшее его движение запечатлевается на пленке. Это позволяет нам вовремя заметить возможные отклонения от нормы. В шесть лет все привычки и наклонности ребенка уже известны. Если тесты зафиксировали минимально допустимую степень доброжелательности к ближнему, исключающую всякую вероятность преступления, человека можно принять в свободное общество.

— А в противном случае?

— У нас есть особые школы,— мягко ответил профессор Контар.

— И все же вам не удастся предупредить все преступления.

— Собственно, мы к этому и не стремимся. Преступления стали редкостью, а для углубления наших психологических познаний каждый преступник необычайно ценен. Впрочем, на тысячу преступников приходится не более 0,003 процента рецидивистов. В специальной школе субъ-

ект вскоре убеждается, что неразумно повторять уже совершенное однажды преступление.

— Но если человек все же вновь нарушит закон?

— У нас есть особые институты,— мягко ответил профессор Контер.

— Приготовиться к посадке,— предупредил металлический голос.— Корабль прибывает на Мобвиль, четвертую планету Сириуса. После посадки земледельцев просят пройти в Здание профессиональных тестов, туристов — в Здание временных тестов. Постоянные жители планеты должны пройти в Зал контрольных тестов. Желаем вам, уважаемые дамы и господа, счастливого пребывания и отдыха на Мобвиле. Благодарим за внимание.

— Могу я попросить вас о большом одолжении? — вполголоса обратился профессор Контер к своему соседу.

— Буду счастлив! — с жаром ответил тот.

— Мы с вами незнакомы. Я — Томас Смит, земледelec.

— Да, но... — Джозеф Мюллер изумленно вытаращил глаза.

— Я полагаюсь на вас. Запомните: Томас Смит, земледelec. Выращиваю артишоки.

Контер и Мюллер вместе вошли в Здание профессиональных тестов. Молоденькая секретарша по одному вызывала вновь прибывших в Зал определения профессиональной пригодности земледельцев. Большинство из них выходило оттуда через пять-десять минут, и почти у каждого на лице была написана сильнейшая растерянность.

— Черт знает что! — в ярости воскликнул мужчина лет шестидесяти.— Я всю жизнь сажал картофель, а мне говорят, что я должен выращивать хлопок... Хлопок! — с пре-

зрением повторил он.— Да я не променяю одну картофелину на тонну хлопка.

— Господин Джозеф Мюллер,— медоточивым голосом позвала секретарша.

Мюллер предъявил документы, и его впустили в зал.

Томас Смит подошел к столу и угодливым голосом спросил:

— Простите, барышня, вы не знаете, прибыл ли уже мой друг Рене Бомон? Мы вместе учились в аграрной школе и...

— Рене Бомон? — повторила секретарша, перелистывая регистрационную книгу.— Нет, Бомон пока не прибыл.

На лице Смита отразилось такое отчаяние, что секретарша поспешила его утешить.

— Не огорчайтесь. Он наверняка прилетит со следующим кораблем.

— Видите ли, мы с Бомоном проверяем на практике новый метод выращивания хлопка.

— Хлопка? — удивилась секретарша.— Но мы и так не знаем, куда деваться от хлопкоробов. Перед вами прибыла группа из двухсот земледельцев, и девяносто семь процентов из них оказались хлопкоробами. Да и сегодня...

— О, надеюсь, что хоть кто-нибудь из оставшихся умеет выращивать артишоки? — с улыбкой произнес Томас Смит.— Моя жена обожает артишоки!

— Весьма сожалею,— окинув его быстрым взглядом, сказала секретарша,— но для выращивания артишоков не подошел ни один человек.

— Да что вы говорите! А может, в тест закралась какая-нибудь ошибка?

— Прошу вас немедленно вернуться на место,— ледяным тоном произнесла секретарша.— И учтите, господин... господин...

— Смит, Томас Смит.

— Господин Смит, у нас, на Мобвиле, не любят замороженных остряков.

— Прошу прощения, барышня,— покорно сказал Томас Смит.

Джозеф Мюллер вышел из Зала в полнейшей растерянности.

— Ну как, все в порядке? — спросил профессор Контер.

— Моим врагам бы такой порядок! — выпалил Мюллер.— Я всю жизнь сажал свеклу. Если я что-нибудь и ненавижу, так это...

— Значит, вам не разрешили выращивать свеклу.

— Какую к дьяволу свеклу! Хлопок! — закричал Мюллер.— Будь он проклят, этот поганый хлопок! Кому он нужен, черт возьми?!

— Растение из семейства мальвовых,— мягко сказал психолог,— с лопастными листьями, желтыми лепестками и плодом в виде коробочки.

— В виде чего?..

— В виде коробочки, с семенами, покрытыми длинными волосками, именуемыми «волоком». Хлопок идет на выработку тканей, а также...

— Но я терпеть не могу длинные волоски! Я всю жизнь выращиваю свеклу. А до меня ее выращивали мой дед и прадед.

— Да, но в тестах не бывает ошибок,— с улыбкой сказал мнимый Томас Смит.

— Может, и так,— пробормотал Мюллер.— Но что это за тесты, еслп...

— Ну, это, разумеется, завуалированные тесты.

— Да в них сам черт ногу сломит! Мне задали несколько таких вопросов... Э, я дал клятву молчать. Но как мож-

но решить, будто я пригоден к выращиванию хлопка, только на основании... Молчу, молчу. Будь он трижды проклят, этот хлопок!

— Томас Смит, ваша очередь, — холодно сказала секретарша.

— Подождите меня здесь, господин Мюллер, — торопливо сказал профессор Контер, — и мы пошлем к дьяволу весь хлопок Девятой Галактики!

Пятеро судей сидели на широкой, слегка выгнутой скамье, а экзаменуемый стоял перед ними.

— Томас Смит, земледелец, — окинув психолога подозрительным взглядом, сказал председатель суда. — По правде говоря, не очень-то вы похожи на земледельца.

— Он скорее смахивает на агента бюро похоронных принадлежностей, — буркнул второй судья, и все четверо громко расхохотались.

— Замолчите! — крикнул председатель суда. — Итак, Томас, поскольку ты последний из всех, клятву можешь не давать. Приступим к делу. Чем бы ты хотел заниматься?

— Выращивать артишоки, — с надеждой сказал Томас Смит.

— Ах, вот как, мистер хочет разводить артишоки! — воскликнул один из судей.

— Молчать! — рявкнул председатель суда. — Чтобы проверить, можешь ли ты разводить артишоки, Томас, мы зададим тебе несколько очень легких вопросов. Не удивляйся, если вопросы покажутся тебе совершенно не связанными с артишоками. Как ты, несомненно, знаешь, в тестах ошибок не бывает.

— Тесты никогда не лгут! — с энтузиазмом воскликнул второй судья.

— Молчать! — гаркнул председатель. — Итак, Томас, как ты сам отлично знаешь, тесты для того и предназначены, чтобы определить пригодность человека...

— ...к выращиванию артишоков! — отозвался второй судья.

— Билл! Попробуй еще раз прервать меня, и я пересчитаю все зубы в твоём паршивом...

— Стоит ли сердиться из-за такого пустяка, — миролюбиво ответил судья Билл.

— Так вот, Томас. Надеюсь, ты все понял? А теперь слушай меня внимательно:

Бартуме родился раньше,
Бофан родился прежде,
И Баттиста был рожден.

Кто из них старший?

Тут председатель суда не удержался и фыркнул. А четверо судей залились неудержимым смехом.

— Молчать! — приказал председатель. — Ну так как, Томас?

— А какой это язык? — с любопытством спросил Томас.

— Модифицированный галактический.

— Э, тогда все ясно. Самый старший из братьев — Баттиста.

Судьи переглянулись в сильнейшем изумлении.

— Что он такое плетет? — рявкнул второй судья.

— Почему Баттиста? — полюбопытствовал председатель суда.

— Так это же элементарно, — ответил Томас. — В первых двух случаях вы употребили прошедшее время, а в третьем — давно прошедшее, означающее предшествующее действие. Значит, Баттиста родился раньше двух других своих братьев.

— Билл! — в сильнейшем гневе воскликнул председатель суда. — Ты предложил эту идиотскую загадку?

— Чтоб он подавился, этот Томас! — пролаял Билл. — Ее загадывал нам, ребятишкам, мой дедушка. Чтобы нас подурочить. Ведь у нее не было и нет разгадки.

— Любой субъект с минимальным логическим коэффициентом легко нашел бы ответ, — сказал Томас.

— Разумеется, разумеется, — откашлявшись, подтвердил председатель суда. — А теперь, Томас, слушай меня, что называется в оба уха, и не вздумай хитрить.

Три груши висели,
Три монаха на них глядели.
Каждый взял одну,
Остались две груши.

Как видишь, дружище, это чисто сельскохозяйственная загадка.

Тут председатель засмеялся, а четверо судей от хохота попадали со скамьи.

— Ну как, милый Томас?

— Если «Каждый» имя одного из монахов, то все сходится. Но такое решение следует отвергнуть. Загадка была бы слишком простой даже для субъекта с логическим коэффициентом низшей степени. Поэтому следует предположить, что одну грушу съели, а две остались.

— Порка Галактика! — завопил председатель суда. — Кто предложил эту сверхдурную загадку?

— По правде говоря, я думал... — забормотал третий судья.

— Гус, — прорычал председатель суда, — попробуй только предложить еще одну загадку, и я заткну тебе рот грязной половой тряпкой!

— Значит, я могу выращивать артишоки? — спросил Томас.

— Что? Артишоки? Потерпи еще немного, дружок. Не надо торопиться, любезнейший.

— Я и не тороплюсь,— сказал Томас.

— Вот и хорошо. А теперь представь себе, что ты собрался на охоту. Какой земледelec не любит поохотиться?

— Охота — мое любимое занятие после артишоков,— подтвердил Томас.

— Молодец, Томас. Так вот, на ветке сидело десять птиц, подкрался охотник и убил три. Сколько птиц осталось?

— Ни одной,— мгновенно ответил Томас.

— Неверно! — торжествующе воскликнул председатель суда.

Судьи в порыве безудержного веселья стали весьма чувствительно хлопать друг друга по плечу.

— Подумай хорошенько, Томас. Не волнуйся. Три птицы погибли, а остальные улетели. Но ведь, дорогой Томас, три мертвые птицы остались?

— На ветке? — спросил Томас.

— Что? — воскликнул председатель суда.— При чем тут ветка?

— Вы сказали на ветке, не так ли?

— Да, на ветке. В самом деле, ты, Джо, говорил про ветку. Я слышал,— подтвердил Билл.

— Я тоже,— вставил Гус.— Клянусь могилой матери, ты сказал: на ветке.

— Нечего меня путать,— растерянно сказал председатель.— Ветка здесь совершенно ни при чем. А ты, милый Томас, просто ослышался. Так вот. На лугу сидели десять птиц....

— Одна рядом с другой? — поинтересовался Томас.

— Что?.. Ну, пусть будет рядом. Подкрался охотник и убил...

— С какого расстояния?

— С десяти метров! — рявкнул председатель. — ...И убил трех птиц. Сколько птиц осталось?

— Если речь идет о курицах, которые не умеют летать...

— О воробьях! — вне себя завопил председатель суда. — О воробьях, чтоб тебе пусто было!

— Охотник, разумеется, стрелял достаточно метко?

— Сверхметко! — позеленев от злости, сквозь зубы процедил председатель. — Послушай-ка, любезный...

— Осталось семь, — сказал Томас.

В ответ гробовое молчание.

— Порка Галактика! — пролепетал наконец председатель суда. — Он опять угадал.

— Могу поспорить, что он давным-давно знал эту загадку, — задумчиво произнес Гус. — Байку про четырех глухих птиц рассказывал еще дед моего деда.

— Глухих? — удивился Томас. — Воробьи крайне редко бывают глухими. Но и в этом случае они бы все равно улетели из-за сильнейшего смещения воздуха. Нет, дело в том, что воображаемый охотник стрелял дробовиком Фергюсона, единственным ружьем, разрешенным к продаже гражданским лицам во всей Девятой Галактике. А при точном выстреле с десяти метров эллипс рассеивания дробинки будет равен 59 сантиметрам. Отсюда ясно, что три птицы в центре будут убиты наповал, а четыре, сидящие по бокам, получают столь серьезные ранения, что не смогут взлететь.

В зале наступила такая тишина, что слышно было, как пролетела муха.

— Вы правы, господин Смит, — сказал наконец председатель суда. — Совершенно с вами согласен, господин Смит.

В его голосе звучало почтение. Глубочайшее почтение.

— А не спросить ли у него, как поцеловать книгу из-

нутри и снаружи, не открывая ее? — предложил четвертый судья.

— Молчать! — взревел председатель. — Так, значит, вы, господин Смит, любите артишоки?

— А вы? — спросил профессор Контер, пристально глядя ему в глаза.

— О, мы! — с чувством воскликнул тот. — Мы не признаем ничего, кроме артишоков. Все остальное — ерунда! И знаете, куда нас посылают?

— Выращивать хлопок, — сказал профессор Контер.

— Да, распроклятый, гнусный хлопок! — с яростью воскликнул председатель суда. — Мы родились и выросли среди артишоков, а нам говорят — сажайте хлопок. Назовите хоть что-нибудь, чего бы мы не знали об артишоках!

— Да в них мы каждую чешуйку знаем, — подтвердил Гус.

— ...представляете, господин Смит, собираешь потихоньку артишоки, а перед тобой весь горизонт — и небо, и облака.

— Люблю артишоки, — мечтательно сказал профессор Контер.

— А с хлопком ты точно слепой. Известно ли вам, что здесь, на Мобвиле, хлопок трехметровой высоты? И все эти паршивые волокна прилипают к телу, словно ядовитые пауки.

— Вы братья Дункан? — спросил психолог.

— Дункан, уважаемый господин, братья Дункан из Северной Каролины... Все мы родились, выросли и умрем в огороде, среди артишоков. Мы бедны, но горды и правдивы...

— Нас голыми руками не возьмешь! — потрясая крепко сжатым кулаком, воскликнул Билл.

— Джо Дункан, — негромко сказал профессор Контер. — Логический коэффициент 3,62, общая культура 0,33,

агрессивность 7,23, всего на одну десятую меньше опасной границы...

— Да, господин... Так точно, ваша честь. Вы правительственный чиновник?

— Э, для братьев Дункан из Северной Каролины требуется нечто иное. Я профессор Контер из Правительственного центра прикладной психологии.

— Порка Галактика! — пробормотал председатель суда, выпучив глаза.

Четверо судей, как один человек, вскочили с лавки.

— Ваше превосходительство,— жалобно завопил Джо Дункан.— Мы не виноваты, чисты, как родниковая вода... Только в интересах самозащиты, нас вынудили обороняться.

— Куда вы дели истинных судей?

— Заперли в соседней клетушке, ваше превосходительство. Но мы у них даже волоска на голове не тронули. И кормили как положено. Открой дверь, Билл, да пошевеливайся, ублюдок!

Из соседней комнаты вышли пятеро судей, взлохмаченных и смертельно бледных.

— Я протестую! — воскликнул один из них.— Еще раз повторяю, что речь идет о возмутительном нарушении...

— Уважаемый господин Бартон,— прервал его знаменитый психолог.— Я профессор Контер из Правительственного центра прикладной психологии. Объясните, пожалуйста, что здесь происходит?

Он протянул Бартону свое удостоверение, и тот подобострастно поклонился.

— О, ваше превосходительство! Счастлив приветствовать вас на планете Мобвиль! Надеюсь, вам воздали все почести и...

— Я вас просил,— ровным голосом сказал Контер,— объяснить...

— Сию минуту, ваше превосходительство. Прошу прощения, ваше превосходительство. Итак, на прошлой неделе корабль номер 315 доставил на планету сто двадцать четыре земледельца. Мы подвергли всех проверке с помощью профессиональных тестов. К сожалению, проверка показала, что лишь очень немногие действительно способны выращивать указанные в опросной карточке культуры. А эти пятеро могут выращивать хлопок, и только хлопок...

— Враки! — крикнул Джо Дункан.

— Прошу не прерывать говорящего, — сурово сказал профессор Контер.

— Ночью они прокрались в это здание. Заметьте, ваше превосходительство, ночью, под покровом темноты. Это лишь усугубляет их вину...

— В другой раз мы придем днем с барабанным боем, — с ухмылкой сказал Билл.

— Они заперли нас в архиве. Пять суток, ваше превосходительство, с пятью дьяволами, которые осквернили этот Высокий Зал и наш благородный труд...

— Верно, пять суток, но почему с дьяволами? — невозмутимо произнес Билл.

— Они надругались над правительственными тестами, ваше превосходительство, надругались самым возмутительным образом!

— Понятно, — буркнул профессор Контер, вынув блокнот и карандаш. — А ты что можешь сказать в свою защиту, Джо Дункан?

— Мы выращивали артишоки, родились и выросли среди артишоков. А нас заставляют сеять хлопок! — в отчаянии выкрикнул тот. — Мы пытались объяснить уважаемым судьям, что тут ошибка, но они и слушать нас не хотели. Тест говорит — хлопок, значит, и спорить не о чем. Знаете, все земледельцы протестовали, все до одного. Но судьи уперлись, и ни в какую. Тогда мы надумали...

— ...слегка поразвлекся,— сказал профессор Контер.— Подшутить над другими земледельцами и заодно над тестами. Вы решили запереть судей в архив, а всех вновь прибывших определить в хлопкоробы. Вы полагали, что в какой-то момент обнаружится избыток рабочей силы на хлопковых полях и полное отсутствие крестьян, разводящих артишоки, не так ли?

— Святая истина! — в один голос крикнули братья Дункан.

— И действительно, Автоматический Детектор Колонизации обнаружил диспропорцию, и вот я здесь. Вы надеялись, что в силу неравномерности распределения рабочей силы будут произведены соответствующие изменения...

— Надеялись, ваша честь,— смиренно подтвердил Джо.

— А вы не подумали, что повторное испытание может подтвердить вашу непригодность к выращиванию артишоков?

— Но... но мы у себя, в Северной Каролине, ничего не слышали про повторное испытание,— растерянно пробормотал Джо Дункан.

Профессор Контер что-то записал в блокноте.

— ...и тогда, от отчаяния потеряв голову, вы по наивности совершили тяжкий проступок.

— По наивности! — желчно повторил судья Бартон.— Позвольте, ваше превосходительство...

— Уважаемый господин судья,— прервал его Контер,— будьте любезны показать мне профессиональный тест для земледельцев, выращивающих артишоки.

— Вот он, ваше превосходительство.

Знаменитый психолог с живейшим интересом принялся изучать тест. На лице его отразилось величайшее изумление.

— Но это же тест 4121ZY/54 для принятия на работу могильщиков!

— Кого? — в ужасе переспросил судья Бартон.

— Могильщиков для городских кладбищ, — скандируя каждый слог, повторил профессор Контер. — Должно быть, произошла грубая ошибка по вине отдела передачи сообщений. Но как же вы не заметили, что этот тест абсолютно не пригоден для земледельцев?

— Но... — растерянно пробормотал Бартон, — такого прежде никогда не случалось, ваше превосходительство! И потом, тесты были такие хитроумные, такие нарочито непонятные...

— Нетрудно предположить, — задумчиво сказал профессор Контер, — что на одной из планет все принятые на работу могильщики выращивали прежде великолепные артишоки.

— ...так ловко закручены!

— Все это верно, но какого дьявола вы послали всех пятерых выращивать именно хлопок?

— Когда проверка с помощью специального теста дала отрицательный результат, мы предложили им заполнить общий тест. Вот этот.

Профессор Контер пробежал глазами вопросы и печально сказал:

— Это общий тест для уборщиков общественных зданий. Так, так... А теперь понятно: «Умение пользоваться метлой и тряпками из хлопка и шерстяных тканей, невосприимчивость к пыли... Аналогичные требования предъявляются к пожарникам при условии...»

— Значит, теперь нас определяют в пожарники? — с неподдельным ужасом воскликнул Джо Дункан.

— Мы не оставим тебя в беде, Джо, — мрачно сказал Гус. — Не бойся, Джо, мы всегда будем с тобой.

— Мы, в Северной Каролине, все такие, — доверительно поведал Билл судье Бартону. — Любую беду всегда встречаем грудью.

— Приятно было лично в этом удостовериться, — сухо ответил Бартон.

— Адская неразбериха, — со вздохом сказал профессор Контер.

— Нашей вины тут нет, ваше превосходительство, — поспешил оправдаться судья Бартон. — Для нас любой тест — свят.

— Хорошо, я сегодня же пришлю вам новые тесты. И, разумеется, вы повторите экзамен для пассажиров трех последних кораблей.

— Ур-р-ра! — завопили братья Дункан.

— Джо, ты у них главный?

— Да, выходит так, ваша честь.

— Учти, что твой коэффициент агрессивности автоматически поднялся до 7, 33.

— Я так и думал.

— Будь осторожен, Джо, это — предельный уровень. Стоит ему подняться до 7,34, и прощайте артишоки.

— Клянусь вам, я буду осторожен!

— Иначе придется тебе забыть не только про артишоки и свеклу, но даже про хлопок.

— Я буду бдителен, как сторожевой пес! — с жаром воскликнул Джо.

— Мы тоже будем бдительны, Джо. Прежде чем прилететь сюда, я проверил список пассажиров корабля 315. Мне сразу же бросился в глаза твой коэффициент агрессивности. Он был выше, чем у всех остальных.

— Им меня больше не облапошить, — заверил Джо.

— Мы всегда будем рядом, старина. Знаете, мы, в Северной Каролине, все такие, — гаркнул Билл, обращаясь к судье Бартону. — Куда один, туда и все остальные.

— Я это уже слышал, черт побери! — взорвался судья Бартон. — И даже убедился на собственном опыте. По мне, так можете все пятеро проваливать к дьяволу в пекло!..

Джозеф Мюллер подбежал к профессору Контеру и судорожно схватил его за лацкан пиджака.

— Все в порядке, Мюллер. Вас не заставят выращивать хлопок.

— Ваше превосходительство, да я, да я...

— Разумеется, вам придется повторить испытания. Обнаружилась небольшая ошибка.

— В тесте? — изумился Мюллер.

— В тесте ошибок не бывает, — твердо сказал Контер.

— Свекла, моя любимая свекла! — радостно пробормотал Мюллер. — Я вам пришлю пакет свеклы первого урожая, профессор. Нет, два пакета, три, четыре!

— Послушайте, Мюллер. Бартуме родился прежде...

— Что, что? — воскликнул потрясенный Мюллер.

— Бонфан родился раньше. И Баттиста был рожден. Кто из братьев старший?

— Но ведь у этой дурацкой загадки нет ответа, ваше превосходительство! Ее загадывали старики, чтобы подшутить над молодежью.

Профессор Контер задумчиво почесал правое ухо.

— И Баттиста был рожден, — повторил он. — Блистательно. На следующем Ученом совете предложу включить ее в тест. Великолепная загадка для поступающих на первый курс классического лица!

СТРЕЛЬБА ПО ЖИВОЙ МИШЕНИ

Тихо, ни ветерка.

В последнее мгновение перед выстрелом Уилкес Элбоу всем телом слегка подался вперед. Палец уверенно лежал на крючке, готовый плавно его нажать.

Раздался сигнал.

В глубине, на почтительном расстоянии, взмыл ввысь темный силуэт. Голубь, отчаянно хлопая крыльями, устремился в небо, навстречу неведомой доселе свободе.

Главное — не терять хладнокровия. Малейшая оплошность может оказаться роковой. Щелчок — настолько легкий, что стоявшие рядом не услышали выстрела; винтовка была с глушителем.

Птица на миг неподвижно застыла, словно прощалась с желанной, несбыточной свободой и... камнем упала на землю.

Элбоу отставил винтовку в сторону, выпрямился, стряхнул с колен пыль и комки земли.

Тед Гормен обменялся с ним крепким рукопожатием.

— Потрясающе! — прошептал он. — Ты, Уилкес, блестяще выдержал экзамен. Уверен, что никто лучше тебя не сможет выполнить Великую Миссию.

Элбоу самодовольно улыбнулся. Из тира они вместе направились в бар, работавший круглые сутки. Элбоу сдал оружие машине-автомату и подошел к стойке.

Бармен был одним из «голубых». Он сразу заметил новых посетителей и со всех ног бросился к ним.

— Наконец-то ты оказал честь моему бару, Элбоу, — радостно крикнул он. — Что будешь пить?

— Двойную порцию виски,— небрежно бросил Элбоу.

— А ты, Тед?

— Тройную порцию. Мне надо хорошенько подкрепиться. Разумеется, за все плачу я: «Полосатый флаг» угощает своего лучшего стрелка.

Элбоу кивнул. Бармен уже разливал виски в тонкие длинные бокалы.

Виски оказалось неплохим. Правда, по мнению жителей штата, только местные вина были достойны всяческих похвал, но в этом году урожай винограда выдался скверный, и, увы, приходилось частенько пробавляться шотландским виски. Когда Элбоу допил свой бокал, Гормен уже приканчивал третий. Элбоу вынул пачку сигарет и закурил. Он прекрасно знал, что Тед Гормен не курит, и с удовольствием дымил чуть ли не ему в лицо.

— Из какой винтовки ты будешь стрелять, Уилкес?

Элбоу пожал плечами.

— Будто сам не знаешь.

— Это я так, чтобы тебя отвлечь,— пробормотал Гормен.— Что-то ты сегодня мрачный, беспокойный. Что-нибудь случилось?

— Ровным счетом ничего.

Тед помолчал, но минуты через две снова решился задать вопрос.

— Когда ты узнал о решении?

— Сегодня утром. Сразу после заседания. Когда я выходил из храма, подошел Учитель и обнял меня. Тогда я все понял. И все «голубые» поняли.

— А как это восприняла твоя жена? — не унимался Тед.— Наверно, была вне себя от радости. Еще бы, быть женой убийцы президента! Не каждой женщине выпадает

такое счастье. Если б моей жене сказали, что выбрали меня, она бы...

— Моя жена настоящая «голубая», — прервал его излияния Элбоу. — Она приняла эту вестъ, как подобает, с гордостью и достоинством. Что же до тебя, — тут он презрительно усмехнулся, — то неужели ты всерьез веришь, что на тебя мог пасть выбор Учителя?

— Я... я... — смешался Тед.

— Разве тыходишь в Общество крайних фанатиков? И разве ты когда-либо набирал больше пятидесяти очков в ежегодных стрельбах?

— Но я тоже... — пытался возразить Тед.

— Ты и сам прекрасно знаешь, что Учитель тебя ни в грош не ставит. Ну, сколько негров ты убил? Ни одного. Ты просто жалкий человечиска. Таким, как ты, не место в «Полосатом флаге». Налоговым агентом, вот кем ты можешь быть.

Большого оскорбления нанести было нельзя — ведь со времени финансовой реформы роль налоговых агентов исполняли только роботы.

Элбоу отвернулся и посмотрел на часы. Ровно 17.30. Пожалуй, следует поторопиться. Встреча запланирована на 18.00. Президент должен умереть в 18.15 — ни минутой раньше, ни минутой позже. Все рассчитано с точностью до секунды.

Почти все жители штата — девяносто пять процентов — входили в организацию «Полосатый флаг». А все члены «Полосатого флага» знали, что убийцей президента будет Уилкес Элбоу. Поэтому Теда Гормена жестоко обидела его грубость.

— Черт бы тебя побрал, Уилкес! — воскликнул он. — Ты не имеешь права так оскорблять меня!

— Ах вот как! — с усмешкой ответил тот. — Я давно хотел с тобой рассчитаться за прошлое, Тед.

Он отошел от стойки, приветливо махнул бармену рукой и, не удостоив Гормена даже кивка головы, неторопливо направился к выходу. Остальные стрелки замерли и, преисполненные величайшего восхищения и зависти, молча провожали его взглядом.

Уилкес Элбоу облегченно вздохнул, когда в глубине улицы увидел наконец трамвай. Он нетерпеливо шагнул вперед. А вдруг трамвай опоздает... Лучше не думать об этом. Было бы непростительным упущением опоздать на «встречу» с президентом, а «Полосатый флаг» не прощает тех, кто ошибается.

За Элбоу в ожидании трамвая стояли многочисленные группы людей. Они тут же его узнали — «Полосатый флаг» прибегал к сублиминальным сообщениям, что строжайше запрещалось законами Федерации. Как и стрелки, ожидающие не могли отвести взгляда от Элбоу, в их глазах светились восторг и скрытая зависть. Они сгорали от желания подойти и пожать ему руку, чтобы потом в каком-нибудь баре небрежно бросить приятелям: «Мы со старинной Элбоу обменялись рукопожатием». Но в отличие от жалкого хвастуна Теда Гормена у них не хватало смелости заговорить с избранником.

Наконец трамвай подошел к остановке. Собственно, то был не трамвай, а вагончик с четырьмя сиденьями и местом для кондуктора. Он двигался по отполированной до блеска улице вдоль линий магнитного притяжения. Трамвай остановился, однако никто в него не сел. С тех пор как обнаружилось, что транспортное управление ежегодно несет большие убытки и билеты стали на 50 000 кредиток дороже, лишь миллиардеры могли позволить себе такую роскошь. Но миллиардеры либо не покидали дома, либо предпочитали личный вертолет.

В совершенно пустом трамвае сидели лишь вагоновожатый и кондуктор. Пожилой усатый кондуктор с задумчивым видом чистил ногти. Вожатый молча глядел невыразительными глазками на толпу людей. Он был нем.

Все вожатые трамвая — немые. Администрация трамвайного управления принимала на работу только глухонемых. Лишь это давало ей уверенность, что никто из пассажиров не сможет отвлечь внимание вожатого дурацкими разговорами.

Итак, в трамвай никто не сел — люди выстроились позади вагона и застыли в ожидании.

Впереди всех стоял Элбоу.

Вожатый его не узнал. Но кондуктор тут же заметил Великого Стрелка. Он высунулся в окошко и крикнул:

— Мистер Элбоу! Сегодня вы не должны утомляться. Садитесь. Таков приказ «Полосатого флага».

И Элбоу сел в трамвай. Впервые в своей жизни. Остальные громко зааплодировали. Раздались возгласы: «Да здравствует «Полосатый флаг!»», «Да здравствует Великий Стрелок!». Кто-то крикнул даже: «Да здравствует трамвайное управление!». В любой толпе, как бы мала она ни была, всегда найдется хоть один умалишенный.

Вагоновожатый с изумлением посмотрел на единственного пассажира, проверил, все ли выстроились в ряд позади вагона, и трамвай бесшумно тронулся в путь.

Все, кроме Элбоу, вприпрыжку бежали сзади. Если общение с вожатым исключалось, то с кондуктором по традиции полагалось перекинуться парой слов. Поэтому изрядно запыхавшиеся «пассажиры» на бегу непременно здоровались с кондуктором, интересовались здоровьем его жены и детей. обстоятельно ответив на все вопросы, кондуктор обратился к Элбоу:

— Поверьте, это величайшее событие в моей жизни. Нет, нет, не беспокойтесь, мистер Элбоу, я вовсе не соби-

раюсь надоедать вам расспросами. Подумать только, первый настоящий пассажир за одиннадцать лет, и к тому же сам Великий Стрелок!

Впрочем, Элбоу тоже был возбужден от сознания того, что впервые в жизни сел в трамвай.

— Так вы говорите, последний пассажир сидел на моем месте одиннадцать лет назад?

— Да, верно, он купил билет. Но проехал всего полпути. На третьей же остановке его поджидали санитары. Видите ли, он бежал из сумасшедшего дома и, чтобы заплатить за билет, ограбил и убил человека.

— Ах так! — отозвался Элбоу. Как это он сразу не сообразил?

Живописный кортеж не спеша двигался за вагоном. Не проехав и пятисот метров, трамвай остановился, и новые «пассажиры» пристроились в хвост вагона. Несколько человек отбежали в сторону — они добрались до места. Остальные, не выходя из очереди, переводили дыхание, набирались сил. Даже самые немощные не ощущали усталости. Ежедневные «поездки» в трамвае приучили их к любым испытаниям.

Навстречу желтому вагончику попадались другие, серые, розовые, черные, с неизменным эскортом «пассажиров». Трамвай был абсолютно необходим — без него невозможно ориентироваться в лабиринте улиц, вернее, в массе машин. Машины давным-давно неподвижно застыли у края тротуаров, даже там, где висели надписи «стоянка запрещена». Министерство транспорта много лет назад издало закон, согласно которому запрещалось ездить на машинах по улицам города и автострадам. Только так еще удавалось бороться с хаотическим городским движением и беспрестанными автомобильными катастрофами.

Но ведь автомобильные заводы не могли остановиться. Реклама убеждала горожан покупать все новые и новые

машины. Это превратилось в своего рода манию, в какое-то наваждение. Каждый житель города имел по меньшей мере пять машин. В этих выстроившихся вдоль улиц огромных экипажах люди ели и спали. С тех пор как разразился жилищный кризис, более половины горожан окончательно переселилось в машины.

Разумеется, подобное положение не могло продолжаться до бесконечности. Но все верили обещаниям министра транспорта. Ведь он тоже был из штата Великая Тассония, где все граждане состояли членами «Полосатого флага». А кто осмеливался усомниться в его обещаниях, того убивали. Выстрелом в спину. Поэтому все непоколебимо верили энергичному и волевому министру.

Тед Гормен облачился в полицейскую форму. Ох, как он ненавидит этого Уилкеса Элбоу! Ненавидит за его удачливость и высокомерие, за то, что тот высмеял его перед барменом. Скоро об этом узнают все «голубые». И все будут смеяться над ним, показывать на него пальцем. Он должен отомстить. Но как? Как?

Тед взглянул на часы — без четверти шесть. Президент прибудет ровно в шесть. В шесть пятнадцать он проедет мимо поста Теда, и там его убьют.

Он, Тед Гормен, никогда не был ни экстремистом, ни властимушним. Но он двадцать лет мечтал об этом дне. Великая Тассония не могла нарушить традицию. Каждые пятьдесят два года, когда президент приезжал в Великую Тассонию, его убивали. «Роковое стечение обстоятельств», — говорили местные власти. На самом же деле в родном штате Теда все было заранее продумано, и события происходили с точностью часового механизма. Двадцать лет терпеливого ожидания. Это был его единственный шанс отличиться. Он был отличным стрелком и упорно трениро-

вался каждый божий день. И вот теперь ему предпочли этого молокососа Элбоу, который моложе его, Теда, на целых двадцать три года! А этот наглец Элбоу еще смел издеваться над ним.

Будь он проклят! Будь прокляты все, все до одного! Будь проклят (тут Тед Гормен даже похолодел от собственной смелости)... «Полосатый флаг»! Да, да, он всех их ненавидит. Будь прокляты все эти охотники за неграми с их дурацкими трамваями и самодовольными рожами! А главное, будь проклят этот ублюдок Уилкес Элбоу! Ненависть захлестнула Теда словно низвергнувшаяся с гор лавина. Как отомстить ему? Хотя... Э, как он сразу не додумался? Он помешает покушению на президента. Помешает любой ценой. В его распоряжении пятнадцать минут. Всего пятнадцать минут, потом он обязан явиться на пост, чтобы своим присутствием подтвердить версию о покушении сумасшедшего экстремиста, не связанного ни с какой подпольной организацией.

Рядом с постом — телефонная будка. Гормен поспешно вошел и набрал нужный номер.

— Мне нужен глава федеральной полиции, — срывающимся голосом сказал он.

Ровно через три секунды в трубке что-то щелкнуло.

— Федеральная полиция слушает, — раздался грубый мужской голос.

— Я звоню... из Дельты, столицы Великой Тассонии. Дорога каждая секунда. Готовится покушение на президента. Заговор...

— Заговор?!

— Да, да, заговор против президента. Убийца будет ждать его на шестом этаже дома, мимо которого он должен проехать. Поплите самолет или вертолет, только действуйте сразу же, без промедления.

— Успокойтесь, не падо волноваться, — ответил служа-

щий федеральной полиции.— Для начала прошу вас сообщить имя, фамилию, номер удостоверения личности предполагаемого убийцы. Ах да, забыл: а также его группу крови и фамилию родителей.

— Что, что? — растерянно переспросил Тед Гормен.— Его зовут Уилкес Элбоу, больше я ничего не знаю. Но ведь речь идет о заговоре, гнусном заговоре целой...

— К сожалению, без перечисленных данных мы бессильны что-либо предпринять. Но вы не волнуйтесь. Мы предупредим государственную полицию. Немедленно предупредим...

Гормен повесил трубку.

— Проклятье! — воскликнул он.

В помещении федеральной полиции агент, со скучающим видом перебиравший бумаги, весьма нелестными эпитетами наградил осведомителей, которые хотят заработать деньги за донос, хотя сами ровным счетом ничего не знают.

В это время Уилкес Элбоу ехал в трамвае, сопровождаемый толпой восхищенных сограждан, и с каждой минутой приближался к месту встречи.

А президент вот-вот должен прибыть. И тут Теда Гормена осенило. «Генеральный прокурор!» Ведь он прибыл в Дельту из столицы по личному поручению президента, чтобы проверить, как настроены граждане, штата Великая Тассония.

Гормен чуть ли не бегом направился к резиденции генерального прокурора.

Во Дворец правосудия он вошел вместе с толпой людей. Никто не обращал на него ни малейшего внимания. Здесь каждый был занят своим делом.

Генеральный прокурор принял его без малейшей поддержки. Тед подробно рассказал прокурору все, что знал. Каждое его слово записывалось на магнитофон.

Прокурор был суровым, проницательным человеком, умевшим действовать решительно и беспощадно. Он встал, пожал Теду руку и дружелюбно улыбнулся.

— Возвращайтесь на пост, агент Гормен,— сказал он своим звучным голосом.— Ваши сведения поистине бесценны. Не беспокойтесь, мы сурово наказываем всех участников заговора. И мы никогда не забудем о вашем вкладе в дело правосудия. Вы заслужили вознаграждение и вы его получите, агент Гормен.

Тед Гормен был безмерно счастлив.

Уилкес Элбоу приближался к цели. Когда трамвай уже сбавил ход, он заметил, что группа молодых людей выволокла из подворотни негра и потащила его к виселице. Он пожалел, что не может присоединиться к ним. Но времени у него в обрез, да и задача слишком ответственна, чтобы можно было отвлекаться. Конечно, не каждый день удастся выкурить негра из норы. В последнее время они вздумали прятаться в колодцах и в погребах, да так ловко, что отыскать их стало весьма нелегко. Однако сегодня его ждут дела поважнее.

Трамвай проехал мимо зоны, где прежде велись раскопки метрополитена. Археологи копались в земле целое столетие, в конце концов правительству это надоело. Оно отменило все субсидии и объявило район бывших раскопок Памятником национальной культуры. Едва трамвай остановился, Элбоу соскочил на тротуар. До места встречи оставалось метров двести. Он посмотрел на часы. Надо поторопиться. И он зашагал к улице Благодетеля, которую все члены «Полосатого флага» именовали не иначе, как улицей Великих убийств.

Начальник полиции Фроссен уже ждал его на углу вместе с группой агентов. По столь торжественному случаю

Фроссен был одет в парадную форму. Сбоку у него свисала сабля, он был в белоснежных перчатках.

Увидев Элбоу, глава полиции бросился ему навстречу.

— Пошевеливайтесь, Элбоу. Машина президента будет здесь через восемь минут.

— Я тренировался в тире, — объяснил Элбоу. — Мне не хотелось бы промахнуться.

— Боже вас упаси! — воскликнул Фроссен. — Так вот, слушайте меня внимательно. Вы будете стрелять с шестого этажа вон того здания напротив, едва президентский кортеж подъедет к светофору. Не более трех выстрелов. Если вам не удастся убить президента тремя выстрелами, я не ручаюсь за последствия. Толпа может прийти в ярость, и мы вынуждены будем направить ее справедливый гнев против вас, Элбоу. Ведь только кровью можно смыть позорное пятно с нашего штата, гражданин которого не сумел убить президента тремя выстрелами из отличной винтовки с оптическим прицелом. Но я убежден, что этого не случится. Вы не промахнетесь.

— Конечно, не промахнусь, — подтвердил Элбоу, желая подбодрить Фроссена, но прежде всего самого себя. — За три часа я ни разу не промазал, убил тридцать пять голубей. Подстрелю и этого голубка.

— Молодец, — глава полиции дружески хлопнул Элбоу по плечу. — Шейк, — обратился он к одному из полицейских, — принеси винтовку.

Агент полиции Шейк почтительно протянул Фроссену винтовку. Тот взял ее в руки, осмотрел со всех сторон и торжественно вручил Элбоу.

— Винтовка заряжена и проверена. Да благословит вас господь.

— Я не промахнусь, — повторил Элбоу, ласково поглаживая ствол. Ему чертовски повезло. Из двух миллионов

членов «Полосатого флага» выбрали именно его, Уилкеса Элбоу. Он был горд и счастлив.

— Ну, кажется, все ясно, — сказал Фроссен. — Остается только назвать человека, который убьет вас, Элбоу.

— Кого же вы предлагаете? — спросил Элбоу. — Он будет из синдиката подозрительных лиц?

— Разумеется. Выбор пал на некоего Кейта Франкенштейна, режиссера фильмов ужасов. К тому же он занимается нелегальной продажей кокаина. Отвратительный тип, не правда ли?

— Да, тип гнусный, — подтвердил Элбоу. — По-моему, он подойдет. Интерполу придется изрядно попотеть.

— И федеральной полиции тоже! — усмехнулся Фроссен. — Должны же они честно отработать свой хлеб. Кстати, о жене не беспокойтесь. Синдикат вдов охотно примет ее в свои ряды. А уж «Полосатый флаг» позаботится о ней. Разумеется, в том случае, если вы убьете президента.

— Благодарю вас, мистер Фроссен. Вы отлично придумали. Но где же Франкенштейн убьет меня? Сначала вы намерены меня поймать?

— Ну, само собой, иначе хороши же мы будем в глазах общественного мнения! Полиция мы, черт побери, или не полиция? Что же до места, где вас убьют, то мы еще точно не решили. Впрочем, вам не о чем волноваться. Все будет о'кей. А сейчас пора в путь.

— А как насчет телевизионного интервью? — поинтересовался Элбоу. Уж очень ему хотелось покрасоваться на телеэкранах всего мира.

— Потом, потом, — ответил Фроссен. — Подробности мы уточним позже. Поторопитесь, Элбоу, время не ждет.

— Ладно, — сказал Элбоу. — Куда мне теперь идти?

— Вас ответит Шейк. Ну, с богом.

Шейк по-военному отсалютовал Элбоу и Фроссену, затем подошел к Великому Стрелку и сказал:

— Следуйте за мной.

Чеканя шаг, он направился к дому напротив, под вспышками блицев тайных фоторепортеров. Элбоу последовал за ним.

Президентский кортеж медленно ехал по полупустынной улице. Полиция разогнала толпу, которая могла бы нарушить формальности, связанные с поездкой президента, а также помешать точному выполнению запланированного убийства, о чем сам президент, разумеется, и не подозревал. Ведь покушение было делом серьезным — «Полосатый флаг» не терпел дилетантства. Традиции положено соблюдать. Тем более если они совпадают с интересами штата.

Чуть слышно жужжали телекамеры. Большая часть из них была направлена на президента и сопровождающих его лиц, но кое-кто из операторов старался запечатлеть импозантную фигуру главы полиции в парадном мундире. И лишь одна телекамера со специальным прибором для сублиминальных съемок была наведена на окно, откуда Элбоу готовился выстрелить в президента.

Сублиминальная съемка, которая влияла непосредственно на сферу подсознательных чувств и реакций, была строжайше запрещена уже несколько десятилетий после того, как ее стали беззастенчиво использовать в своих интересах рекламные компании. Но один из жителей штата Великая Тассония изобрел прибор, позволявший смотреть совсем иные передачи, чем те, что значились в официальной телевизионной программе. Для этого человек в возрасте семи лет подвергнулся несложной операции мозга. И, что самое любопытное, ни один из жителей соседних штатов не мог принимать эти сублиминальные передачи.

Президентский кортеж двигался по улицам строго по графику. На переднем сиденье машины сидели президент

и его супруга, беседовавшие с губернатором штата. По бокам расположились агенты Национальной гвардии и личная охрана президента. Они беспрестанно оглядывались по сторонам и широко улыбались в телеобъектив в надежде, что их поймали в кадр.

Один из агентов, наиболее опытный и решительный, старался держаться вплотную к президенту — он надеялся, что его покажут телезрителям чаще других. Другой агент, совсем еще новичок, окидывал зорким взглядом редких прохожих, пытаясь угадать среди них возможного злоумышленника. Начальник охраны сердито призвал его к порядку, после чего он тоже стал улыбаться кинооператорам и фоторепортерам.

Между тем Элбоу поймал президента на мушку. Но выжидал. До условленного места кортежу оставалось еще несколько метров.

Тед Гормен стоял на посту, гордый и счастливый от сознания выполненного долга. Его не беспокоила мысль, что он предатель, напротив, она его даже радовала. По правде говоря, он никогда полностью не разделял идей «Полосатого флага». В конце концов штат входит в состав федерации, и никто не дает ему права быть государством в государстве. Еще немного — и «Полосатому флагу» придет конец. В штат придут федеральные войска, а он, Тед Гормен, станет национальным героем.

Президент горячо спорил с губернатором штата. Его супруга предпочитала не вмешиваться и лишь изредка, когда собеседники слишком увлекались, она вежливо напоминала им о долге. Оба на минуту прерывались и с улыбкой поворачивались в сторону телекамер. Потом снова принимались спорить.

Проблемы, которые они обсуждали, были отнюдь не простыми. Президент был верховным главой Федерации,

состоявшей из шестидесяти больших и малых штатов. Они добровольно объединились, чтобы помогать друг другу и навязать свою волю остальному миру. Но в течение долгих лет каждый штат поступал как ему заблагорассудится. Пользуясь всеми благами объединения, они не желали поступиться ничем ради страны. Федерация существовала уже двести лет. Почти все предшественники президента во имя собственного спокойствия и благополучия предпочитали бездействовать и фактически не управляли страной. Это, однако, не спасло их от убийства при посещении штата Великая Тассония, штата, где безраздельно господствовала ультраправая организация «Полосатый флаг». Утверждали, будто в Великой Тассонии полно анархистов.

Но вот страна избрала нового президента. Никогда еще человек не был в такой мере достоин своего высокого звания. Президент попытался навести порядок в стране. Первые шесть лет его правления были трудными и беспокойными. Он боролся со всевозможными препятствиями и кознями своих многочисленных противников. Прошло время, и во многих штатах ему все же удалось добиться признания. Но оставалась Великая Тассония, край богатый и процветающий и в то же время реакционный до фанатизма, где господствовал «Полосатый флаг». Его жители питали к Федерации поистине патологическую ненависть, которую трудно было объяснить. И тогда президент, который придерживался правила «сначала узнай, потом действуй», решил лично отправиться в столицу штата, чтобы на месте понять, в чем же причины этой ненависти. Его отговаривали. Но президент был смелым человеком, и он отправился в Великую Тассонию.

Сейчас, сидя в машине, он как раз спорил об этом с губернатором штата, маленьким диктатором, который, разумеется, не разделял новаторских взглядов главы государства.

Самолет президента приземлился на аэродроме Суллас всего несколько часов назад. Вместе с президентом прибыли шесть агентов федеральной полиции. Остальные агенты были из состава местной полиции. Ни президент, ни сопровождавшие его лица не подозревали, что готовится покушение. Не знали они и того, что в штате Великая Тассония покушение на чужаков было давней традицией.

Тед Гормен увидел, что президентский кортеж остановился на перекрестке. Зажегся красный свет. Президент повернулся и улыбнулся в объектив камеры: этот губернатор весьма упрямый человек. И все-таки он заставит непокорный штат и его главу соблюдать федеральные законы.

Полицейский Гормен был уверен, что сейчас агенты генеральной прокуратуры схватят Уилкеса Элбоу.

Президент улыбнулся и фоторепортерам. Он заметил, что одна из телекамер направлена вверх, но не придавал этому никакого значения. Улыбалась и супруга президента, и даже губернатор. Шесть агентов федеральной полиции, воспользовавшись минутной остановкой, сгрудились у машины президента. Они тоже улыбались в телеобъектив. Старший из них, Айрон Лоуренс, улыбался почти не разжимая губ и слегка наморщив лоб — так, по его мнению, он более фотогеничен.

Зажегся желтый свет. Через мгновение загорится зеленый — и кортеж продолжит свой путь. Через мгновение. Но сколько событий может произойти за один миг!

На мгновение Тед Гормен почувствовал себя счастливейшим человеком на свете. В то же мгновение из окна высунулся ствол винтовки и раздался выстрел. Затем второй, третий.

Президент поник на сиденье. Его супруга с отчаянным

криком припикла к нему. Губернатор схватился за раненое плечо: будь проклят этот болван, который по ошибке угодил и в него!

Президент был убит наповал. Тед Гормен почувствовал, что мир рушится.

Элбоу бросился вниз по лестнице. Личная охрана президента наугад стреляла по невидимому врагу. Местные полицейские в панике искали надежные укрытия.

Фроссен перехватил Элбоу на последней лестничной площадке.

— Браво, Уилкес! — воскликнул он. — Вы отлично справились со своей задачей. Штат и «Полосатый флаг» гордятся вами.

Элбоу сконфуженно улыбнулся и кивнул головой. Это правда, прицелился он точно.

— А теперь бегите, попытайтесь скрываться, только не очень далеко, иначе мы потратим слишком много времени на розыски. Понятно?

— Конечно.

— Да, кстати, насчет вашей «смерти». Хирурги уже готовы сделать пластическую операцию лица, которая позволит доставить вас на Марс. Там вы пробудете до тех пор, пока врачи не вернут вас к жизни. Постарайтесь не говорить ничего лишнего в бреду.

— Об этом можете не беспокоиться. Главное, позаботьтесь, чтобы стреляли летаргическими пулями. Если в меня угодит обыкновенный свинец, то оживить меня не удастся даже опытнейшему врачу.

— О'кей. А теперь бегите.

Элбоу помчался к дверям и выскочил на улицу. Фроссен задумчиво потер лоб. Первая часть плана удалась на славу. Народ будет счастлив, а «Полосатый флаг» вновь

утвердит свою власть. Но остается вторая часть плана. Впрочем, об этом будет время подумать позже. А сейчас настал момент действовать для полиции. И он решительно направился к выходу.

Президентская машина на бешеной скорости неслась к больнице — близкие еще надеялись спасти убитого. Полицейские плотным кордоном оцепили место покушения.

Но Теда Гормена среди них не было. Он в ужасе убежал со своего поста и, проблуждав не меньше часа по улицам, внезапно очутился у резиденции генерального прокурора. Он вошел. Миновал зал ожидания и, почти автоматически отыскав кабинет генерального прокурора, широко распахнул дверь.

Генеральный прокурор, как всегда, сидел за массивным дубовым столом.

— Изменник! — только и мог выговорить Тед Гормен. — Подлый изменник!

— Вы глубоко ошибаетесь, дорогой Гормен, — невозмутимо ответил прокурор. — Я сделал все, что было в моих силах. Но президент...

«Генеральный прокурор не может быть изменником, — подумал Гормен. — Его предали подкупленные «Полосатым флагом» помощники».

— Президента убили, — простонал Гормен. — Этот подонек Элбоу застрелил его!

— Вы даже не представляете себе, как я огорчен! — сказал прокурор. — Но преступник не уйдет от суровой кары. А вы, Гормен, заслужили вознаграждение. Вы — единственный человек, который остался верен президенту.

Пуля вонзилась Теду в грудь, прежде чем он успел что-либо заметить. На лице его застыла горькая улыбка отчаяния и надежды на возмездие. С этой улыбкой он и отошел на тот свет.

Двое агентов подхватили рухнувшего на пол Гормена и поволокли его вниз. Потом они бросят его на какой-нибудь темной улице. Очередная жертва местных гангстеров.

Генеральный прокурор усмехнулся. Элбоу не промахнулся. А губернатор только ранен. Но у него, генерального прокурора, много друзей в больнице. И хотя рана опасна, губернатор тоже умрет. Потому что он сам давно уже хочет стать губернатором штата.

Прокурор включил телевизор. На экране появился Фроссен. Он выхватил саблю и гневно потряс ею в воздухе.

— Граждане Федерации, — хрипло прокричал он. — Наш любимый президент варварски убит. Виновный будет разыскан и предан суду, клянусь вам жизнью моих детей.

Фроссен всегда был превосходным актером. Вряд ли Федерация усомнится в его словах.

— Убийца будет пойман сегодня же, — надрывался Фроссен. — Полиция уже приняла все необходимые меры...

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Удобно развалившись в кресле, Кент попыхивал сигаретой. Он испытывал глубокое удовлетворение собой и жизнью. Чуть погодя он подозвал официанта и заказал еще martini. Весело улыбаясь, он еще раз мысленно продумал разработанный до мельчайших подробностей план.

Это будет подлинный шедевр, который достойно увенчает его долгую карьеру, после чего он сможет удалиться от дел и даже сесть за мемуары.

Потягивая martini со льдом, Кент отдался во власть нахлынувших на него воспоминаний. Он увидел себя совсем молодым, когда впервые, можно сказать случайно, занялся подобного рода делами. В ту пору он был неотесанным грубоватым пареньком, и ему здорово не хватало шика. Истинное призвание ему помогла найти Бертилла, служанка старой графини. Помнится, начал он с драгоценностей графини, стоявших не один миллион.

Кент прищурился, вновь переживая незабываемые минуты того, первого, ограбления. Как давно это было, двенадцать лет назад! Кажется, будто все это произошло не с ним, а с кем-то другим. И вот теперь по капризу судьбы ему суждено закончить свою блистательную карьеру там же, где она началась. Но только на сей раз это будет не кража бриллиантов, а кое-что полюбопытнее.

Оп с удовлетворением вспомнил последний разговор с агентами одной иностранной державы. Он уже получил в виде задатка весьма солидную сумму, но в сравнении с тем,

что ему отвалят по завершении дела, это суший пустяк. И так, двенадцатилетняя блистательная карьера подходит к концу, круг замыкается.

Бертилла! Перед глазами Кента вспыхнули ее рыжие волосы, языками пламени лизавшие голые плечи, он снова увидел ее шафрановые глаза, а в ушах еще долго звучал ее нежный грудной смех. Он провел ладонью по лбу. Сколько воды утекло с тех пор... Но разве можно забыть ту ужасную ночь?

Дождь хлестал по окнам и стенам виллы, деревья в парке стонали и качались под безжалостными порывами ветра. Время от времени сизо-лиловое облако пронзал снап молний, озаряя на миг старинную мебель и старые картины, жившие, казалось, своей особой жизнью, таинственной, сокрытой от чужих глаз.

Кент осторожно ступал на цыпочках, освещая себе путь электрическим фонариком. Наконец он добрался до сейфа. Бертилла оказалась права, замок действительно был несложным, открыть его не составило никакого труда. Но шкатулка была пуста.

Кент зло выругался. Где драгоценности? Бертилла утверждает, что графиня почти никогда не вынимает их из шкатулки. Неужели именно сегодня старой хрычовке вздумалось переложить их в другое место?

Он чуть не заревел от бессильной ярости. За окнами свирепствовала буря, и Кент с горечью подумал, что Бертилла ждет его в машине с включенным мотором. Что же делать? Искать драгоценности по всему дому поздно, да и бессмысленно. Видно, придется отложить кражу до более подходящего случая, а пока что надо разузнать, куда графиня спрятала свои чертовы стекляшки. А вдруг кто-нибудь опередил его и увел добычу прямо у него из-

под носа? Но он тут же отбросил это нелепое предположение и поспешил к двери.

Парк напоминал разбушевавшееся море. Черные кроны деревьев качались словно обезумевшие волны, а проливной дождь, казалось, задался целью утопить все живое. Кент помчался к воротам, стараясь держаться в тени деревьев, и уже пробежал половину пути, как вдруг увидел нечто такое, что поразило его сильнее ярчайшей молнии.

Под большим развесистым дубом, метрах в десяти от него, Бертилла нежно обнимала незнакомца, который осыпал ее поцелуями. В груди у Кента что-то оборвалось, а перед глазами поплыл густой туман. Он сделал несколько шагов, сжимая пистолет, который всегда носил в кармане. Ему казалось — мир рушится, и он вдруг понял, что вся жизнь бессмысленна, если эта женщина его разлюбила. Его шатало точно пьяного.

Словно повинувшись чужой воле, он выхватил из кармана пистолет и выстрелил. Бертилла на миг впилась в него, Кента, растерянным взглядом, будто отчаянно пыталась понять, что происходит, рот ее искривился в крике ужаса, но вторая пуля навсегда успокоила ее. Она нелепо покачнулась в пелене дождя и тяжело рухнула наземь. Незнакомец остолбенел. Лицо его исказила гримаса страха. А может, изумления или нестерпимой боли? Это так поразило Кента, что он на мгновение заколебался. Незнакомец, очевидно, уловил это секундное замешательство и хотел броситься на своего врага, но три новых выстрела уложили и его. Несколько минут, показавшихся ему вечностью, Кент ошалело глядел на два бездыханных тела, валявшихся у его ног. Лицо мужчины утопало в грязи, а его пальцы судорожно впились в комья рыхлой земли. Дождь хлестал Бертиллу по восковым щекам и разметавшимся рыжим волосам, ее глаза остекленели, на губах застыл крик ужаса.

Тень качавшихся деревьев на миг заслоняла от Кента

убитых возлюбленных и тут же, точно морская волна от берега, откатывалась назад. И эта смена тьмы и света гипнотизировала Кента, к горлу подступила тошнота, перед глазами поплыли круги...

Невероятным усилием воли он скинул с себя этот кошмар и, склонившись над убитым, принялся лихорадочно рыться в его карманах. Как он и предполагал, драгоценности украл этот подонок. Кент поспешно распахнул их по карманам, вскочил и побежал к выходу из парка.

«На мое счастье, грохот выстрелов заглушили раскаты грома», — подумал он, захлопывая дверцу машины и включая зажигание. Несколькими минутами позже он уже был далеко от виллы. В карманах было полно драгоценностей, а в душе пусто, как в заброшенном, покинутом доме.

Кент очнулся от грез и бросил в пепельницу окурок сигареты, обжегшей пальцы. Двенадцать лет! С той поры он немало преуспел. Конечно, поначалу было тяжело. Воспоминание о Бертилле и ее измене неотступно преследовало его, мешая работать. Его мучили вопросы, на которые он не находил ответа. Кто был тот человек? Любовник Бертиллы? Если они задумали посмеяться над ним и увести из-под носа добычу, почему они так глупо повели себя потом? А тут еще этот псих, которого в ту ночь поймали на вилле графини! Газеты несколько недель подряд только о нем и писали. Он утверждал, будто явился на Землю из будущего, и вообще плел несусветную чухню. Его обвинили в краже драгоценностей и в двойном убийстве, хотя ни оружия, ни тем более бриллиантов при нем не нашли. Впрочем, это не помешало судьям предположить, что и то и другое унес сообщник, которому удалось скрыться. Безумца заточили в дом для умалишенных, где, по сообщениям газет, он и умер несколько лет назад.

Сколько раз Кента одолевали жестокие сомнения! Но постепенно, словно остов морского судна, потерпевшего аварию, прошлое погрузилось на дно его души, и он снова занялся делом. Справедливости ради следует признать, что он был словно создан для такой работы.

Вскоре он стал настоящим виртуозом. Каждый его грабеж нельзя было спутать ни с одним другим — его, Кента, отличали особый стиль, сочетание безупречной техники с поистине безрассудной смелостью.

Он стал подлинным наваждением для международной полиции. И, что придавало ситуации особую пикантность, многие высшие полицейские чины, не подозревая о его истинной профессии, считали его своим ближайшим другом.

Он улыбнулся, вспомнив, как однажды ему удалось увести целое судно, новехонькое, только что со стапелей. Потом одна латиноамериканская республика, кое-что переделав и перекрасив, торжественно подняла на судне свой флаг... Он бы еще долго предавался элегическим воспоминаниям, если бы взгляд, брошенный им на часы, не подтвердил, что настало время действовать.

Профессор Ходжкин, у которого он теперь служил шофером, отпустил его до вечера. К ужину он должен был вернуться на виллу. За короткое время тщательно изучив привычки хозяина и прислуги, он выбрал для «набега» именно эту июньскую ночь.

Ровно в восемь он вместе с поварихой и камердинером профессора сидел на кухне и с аппетитом ужинал. Камердинер рассказывал о причудах старого ученого, и Кент громко потешался над его нелепыми выходками.

В половине одиннадцатого повариха выключила телевизор и отправилась спать, а он бездумно следил в дверную

щель, как она зачем-то поправляет нижнюю юбку. В полночь, сыграв с камердинером неизменную партию в карты, Кент пожелал ему спокойной ночи, а сам остался на несколько минут в кухне — выкурить последнюю сигарету. Когда он окончательно убедился, что обитатели виллы погрузились в сон, он выскользнул из своей комнаты и при свете электрического фонарика пересек длинный коридор. Проходя мимо комнаты, которую некогда занимала Бертилла, он ощутил, что сердце его невольно забилось сильнее. В те далекие времена он не раз в темноте прокрадывался по длинному коридору в ее комнату, из которой сквозь дверную щель пробивался слабый свет. Бертилла уже ждала его: рыжие волосы падали на белые плечи, а глаза были зовущими и страстными. Годы погребли под собой щемящие душу воспоминания, но не смогли стереть их из памяти. Теперь в старинной вилле, некогда принадлежавшей графине, жил профессор Ходжкин, а неопытный воришка стал известным международным грабителем.

Ночь выдалась тихой и звездной. Кент бесшумно прокрался в лабораторию. Посреди комнаты возвышалась массивная стальная платформа, и Кент снова замер перед ней в немом восхищении. Сейф стоял в углу и словно давно ожидал, когда к нему прикоснутся умелые пальцы Кента — так быстро и легко он открылся. Кент вынул нужные бумаги, сфотографировал их на микро пленку и аккуратно положил на прежнее место.

Завтра же эти драгоценные материалы, испещренные цифрами и таинственными формулами, лягут на стол ученых некой иностранной державы. И хотя Кент ровным счетом ничего не понимал в этих цифрах и выкладках, он догадывался, что речь идет о чем-то чрезвычайно важном. Недаром же иностранная разведка отвалила ему столько монет.

Донесшийся из коридора едва слышный шум заставил Кента мгновенно обернуться. Кто-то пробирался в лабораторию, и он еле-еле успел спрятаться в нише, когда дверь лаборатории тихо отворилась, и в проеме возник человек. Несмотря на почти полную темноту, Кент сразу же узнал его — это был Джеймс Пауэр, ассистент профессора Ходжкина. Как он сумел проникнуть в виллу? Что ему понадобилось в лаборатории в столь поздний час?

Пауэр двигался в темноте с ловкостью кошки. Уж не занимается ли Пауэр заодно той же работой, что и он, Кент? В таком случае он может только позавидовать его хитрости и выдержке — он бы ни за что не заподозрил в скромном, приветливом ассистенте опытного и смелого шпиона.

Пауэр зажег маленькую электрическую лампу и нажал кнопку на пульте управления. Комната мгновенно наполнилась слабым гудением, а платформа озарилась зеленоватым светом.

Гул нарастал с каждой секундой, и Кент испугался, как бы не проснулся профессор. Он не сводил глаз со спины Пауэра, который стоял возле самой платформы. Внезапно ассистент обернулся, и их взгляды скрестились. С быстротой молнии Пауэр бросился на него, однако Кент не был новичком в боксе и уклонился от удара, успев угодить противника хуком в челюсть. Но тот стойко перенес удар и всей тяжестью тела обрушился на Кента. Оба упали и, сплетенные в смертоносном объятии, покатались по полу. Кент и тут сумел нанести врагу несколько точных ударов, но Пауэр, очевидно, был наделен невероятной физической силой. Ему удалось дважды стукнуть своего врага головой об пол. Чувствуя, что он вот-вот потеряет сознание, Кент нечеловеческим усилием разжал железные тиски и вскочил на ноги. Пауэр тяжело поднялся и двинулся ему навстречу. Кент набычился и что было сил ударил его го-

ловой в живот; оба они, потеряв равновесие, упали на стальную платформу. Пауэр в ужасе закричал, вспыхнуло фиолетовое пламя, ослепившее Кента, и он потерял сознание.

Когда Кент очнулся, он почувствовал, что лежит на обмякшем теле своего врага. В комнате было совершенно темно. Кент попытался слезть с платформы, которая уже не светилась, но нащупал лишь плитки пола — платформа исчезла!

Снаружи яростно завывал ветер, дождь злобно хлестал в окна. Тьму пронзила вспышка молнии; Кент вскочил и приглушенно вскрикнул — он был не в лаборатории, а в совершенно незнакомой комнате. И вдобавок здесь стояла мебель, которой ему не приходилось видеть в вилле.

В беспрестанном сверкании молний он попытался сориентироваться. Направляясь к двери, он заметил нишу, очень похожую на ту, в которой спрятался при появлении Пауэра. Кент выскочил в коридор и стал пробираться через анфиладу комнат к себе. Он не переставал удивляться — похоже, комнаты те же, но мебель в них другая. Масивные часы с маятником, которых он прежде здесь не видел, пробили одиннадцать часов. Кент судорожно протер глаза — он отлично помнит, что вышел из своей комнаты в час ночи. Неужели он сошел с ума?

В комнате снова вспыхнул белый свет, и Кенту показалось, что все это он однажды уже пережил. Ну, конечно! Он уже бывал в этой комнате, и здесь действительно стояли часы с маятником.

Снарядом, разорвавшимся в ночи, ударили по нему воспоминания о былом. Ведь это же комната старой графини! По воле адской машины времени он и Пауэр перенеслись на много лет назад. Да, но на сколько? Сердце бе-

шено заколотилось, и обрывки мыслей и догадок сплелись в один самый сложный клубок.

Неужели?.. Нет, он не хотел, не решался поверить! Неужели он снова увидит Бертилла, живую, веселую, сможет изменить ход давних событий, изменить свою судьбу?!

За двенадцать лет он немало заработал и, купив акции, скажем, Северного общества или же соляных копей в Чили, он сказочно разбогатеет... Бертилла!.. Тогда он проживет с ней двенадцать чудесных, ни с чем не сравнимых лет. Неужто все это станет явью? Чувствуя, что буквально пьянеет от счастья, Кент снова выскользнул в коридор. Но когда он подкрался к комнате Бертиллы, силы внезапно покинули его. А вдруг все это только дьявольское наваждение, галлюцинации жалкого безумца? Он слегка нажал на дверь, и та покорно отворилась.

— Бертилла... — прошептал он, войдя в комнату. Бертилла бросилась к нему и крепко обвила его руками.

— Кент! — нежно, с неподдельной тревогой воскликнула она. — Так рано? Что-нибудь случилось?!

Не в силах произнести ни слова, Кент крепко прижал ее к груди. Если это сон, то как хорошо было бы не просыпаться вовсе! А Бертилла льнула к нему всем своим упругим телом, которое двенадцать лет назад на его глазах рухнуло на гнилые листья парка. Целуя возлюбленную, Кент на какой-то миг забыл обо всем на свете. словно бы издалека до него донесся приглушенный голос Бертиллы.

— Ты... ты совсем другой, Кент, — растерянно проговорила она. — Нежный и ужасно красивый.

Кент радостно засмеялся и ласково растрепал ей волосы.

— Обещай мне, что навсегда останешься таким, как сейчас. Да, Кент?

Кент ничего не ответил и снова прильнул губами к ее губам. Но она мягко высвободилась из его объятий.

— Тебе пора! — с шутливой строгостью сказала она. — Раз уж ты пришел, я сама отведу тебя на место.

— Пора?.. — неуверенно повторил Кент.

— Конечно. Ведь ты человек практичный и любишь не одни только поцелуи.

Она улыбнулась и, взяв его за руку, повела по коридору. У Кента роились в голове самые противоречивые мысли. Они шли, прижимаясь к стене, и вспышки молний на мгновение освещали их фигуры.

— Какая погодка! Самое лучшее время для воров, верно? — с грустной усмешкой сказала Бертилла.

Кент в ответ только крепче сжал ей руку. Теперь он все понял. Как отдельные звенья мозаики, все подробности уложились в строгом закономерном порядке, и сразу же взору Кента предстала законченная и ясная картина.

Ну конечно же! Он снова, второй раз украдет драгоценности. Но это будет последнее преступление в его новой жизни, благодаря которому он разбогатеет, купит акции Северной компании либо соляных копей в Чили.

Открыть сейф было для него сущим пустяком. При свете молний драгоценные камни сверкали точно звезды в ночном небе.

— Как ярко они блестят! — восторженно воскликнула Бертилла.

— Твои глаза еще ярче! — нежно прошептал Кент, ловко рассовывая бриллианты по карманам.

Он аккуратно закрыл шкатулку и схватил возлюбленную за руку.

— А теперь бежим! — воскликнул он.

— Дай мне только захватить чемодан! — робко попросила Бертилла.

— Нет, нет! Время не терпит, — встревоженным голосом ответил Кент.

В тот же миг, когда они спустились вниз, гроза с новой

силой обрушилась на парк и виллу. Дождь перешел в ливень, громыханье грома слилось в один сплошной гул. Держась за руки, они помчались к воротам. Но хоть они и бежали очень быстро, подгоняемые порывами ветра, Кенту казалось, что эти проклятые ворота отодвигаются все дальше. Да и сам парк словно невероятно вырос и удлинился, превратился в непроходимые джунгли, которые по злому волшебству схватили их обоих и не собираются отпускать.

— Я больше не могу, остановимся на минуту! — задыхаясь, простионала Бертилла.

Они прислонились к стволу дерева, тяжело дыша от усталости. Бертилла крепко прижалась к Кенту.

— Мне страшно! — прошептала она. — И все равно я счастлива.

Ее влажное от дождя лицо было нежным и грустным, а губы неудержимо манили к себе.

Внезапно Кент почувствовал, что Бертилла дернулась и словно окаменела. Он поднял глаза и со страхом увидел... дуло наведенного на них пистолета. Во взоре Бертиллы тоже отразились растерянность и ужас. Она раскрыла рот, но сухой звук выстрела опередил ее отчаянный крик; она выскользнула из его объятий и как-то неловко, боком рухнула на землю.

Кент хотел закричать, но ему показалось, что шум крови, стучащей в висках, заглушает его голос. Кровь бешеным потоком рвалась наружу, свистом раздирала уши, а все тело холодело от ужаса перед безжалостным видением его самого с пистолетом в руке.

«Судьбу обмануть невозможно!» — прозвучал внутри неумолимый голос. И все-таки Кент шагнул ей навстречу. И сразу же из наведенного пистолета вырвался язычок пламени, грязная земля обрушилась на него, и Кент ощутил на губах противный запах гниющих листьев.

ДРУГ

Кажется, будто город тянется по всей планете: улицы, площади, улицы. Поднимешь глаза, посмотришь влево или вправо — повсюду двух-, трехъярусные дороги, спиралью убегающие все выше к голубым куполам; стремительные автострады и медлительные пешеходные дорожки, где люди держатся одной рукой за поручни, другой толкают в бок соседа, а на перекрестках норовят любой ценой первыми уцепиться за новый поручень. Время — дорожке денег, надо успеть и на службу, и в кино, и домой. За пять минут коллега успевает занять твое место, любовница — найти тебе замену, толпа — до предела набиться в кинозал. Стоит тебе опоздать, и ты останешься один, тебя ждет унылый вечер; глухой уличный гул будет напоминать тебе гудение атомной печи, которая терпеливо дожидается своего часа. Джиджи Милези, правда, никогда не приходилось ее видеть. Но с того дня, как его разбудил стук в соседнюю дверь, он не может без ужаса произнести само это слово. Четверо могильщиков (или то были роботы?) в черных комбинезонах водрузили запечатанный гроб на машину.

— Синьор, отойдите, смотреть запрещено.

Все разумно — город стремится спрятать отбросы, гниль, если только ты еще при жизни не согласишься отчислять каждый месяц десятую часть заработной платы на традиционные похороны и сын не проверит, выполнили ли городские власти твою волю. «Но у меня нет ни детей, ни жены, я одинок, как и мой сосед», — с тоской подумал Джиджи Милези.

Собственно, он даже не знал хорошенько своего соседа, но тот также жил в квартале холостяков. Ни высокий, ни низкий, ни красивый, ни уродливый, безликий, точно светофоры на улицах, что регулярно загораются и гаснут, и ты даже не знаешь, сколько их — десять, сто тысяч, миллион — в этом городе без дня и без ночи. Сколько бы Джиджи ни бродил по городу, он ни разу не добрался до его окраины — квартал за кварталом, зеркала, отражающиеся в других зеркалах. Кажется, будто ты идешь по кругу и не можешь отыскать верного направления, хотя стрелка компаса неизменно показывает на север.

Он, Джиджи, потерялся еще в детстве, когда, выйдя из детского дома, на перекрестке схватился не за тот поручень. Его подобрали на улице совершенно обессиленного, уложили в кровать (в больнице кровати стояли бесконечными рядами) и дали вкусное лекарство, которое помогает забыть о матери. Наутро он вышел из больницы с пластинкой, вмонтированной в правое ухо. На пластинку были нанесены его имя, фамилия, дата и место рождения.

Сейчас у всех новорожденных есть такая пластинка, и их очень легко опознать и отличить. Но как им тогда удалось узнать его имя? А может, они ошиблись? Во сне кошмаром нахлынули самые нелепые мысли, но механический голос автоматических часов предупреждает: семь часов десять минут, семь часов пятнадцать минут, и остается лишь смутное чувство, что надо вставать и идти на работу.

Фотоэлементы зафиксировали, что Джиджи Милези, служащий седьмого архивного отдела, явился на работу без опоздания и точно так же в срок покинул служебное помещение.

Согласно советам практического руководства по социальной психологии, он, Джиджи, регулярно менял про-

грамму развлечений: в свободное время общался с людьми, а в воскресенье или же вечером после работы неизменно слушал пластинку бодрого настроения: «Все хорошо, ты можешь быть доволен». И Джиджи кричал «гол», аплодировал акробату под куполом цирка, с замиранием сердца ждал инспектора Шерра, который должен был спасти от галактических бандитов прекрасную белокурую Эльг. Несравненная Эльг улыбалась ему с экрана до тех пор, пока в зрительном зале не загорался свет и блаженная улыбка не гасла на его лице. И тогда Джиджи убеждался, что он совершенно один в бурлящей толпе. Потому что за компанию надо платить. И он платит. Новый год, к примеру, он встречал в шикарном ресторане «Планета». Пришел он туда довольно поздно, но с твердым намерением хорошенько повеселиться. На елке сверкали серебряные шары, мерцали белоснежные звездочки, конференсье шутил и словно бы обращался лично к нему, Джиджи. Взлетали к потолку пробки, с «Новым годом, с чудесным годом» наигрывал на рожке музыкант с осоловелым лицом, — впрочем, выпить правилами разрешалось. Конференсье тоже был слегка под хмельком и, то и дело икая, кричал: «Мы, ик, не одни, мы, ик, счастливы до потери сознания, споемте, ик, полночную песню, ик».

Джиджи смеялся и танцевал. И все вокруг смеялись и танцевали. Смеялась и женщина, искавшая кого-то взглядом и внезапно оставившая его, Джиджи, посреди танцевальной площадки. С улыбкой, застывшей на припухших губах, Джиджи протискивался к своему столику, толкая танцующие пары (простите, простите, тысяча извинений). А конференсье скакал, обливаясь потом, и все острил, острил. Одни его слушали, другие нет, Джиджи тоже не слушал. На столике два бокала, один пустой, а в другом — с палец бурой пены. Пузырьки лопались и мгновенно исчезали; вот их осталось всего два, а секунду спустя и они

исчезли в мутной пене. И сразу же на него волной нахлынул страх одиночества.

Он выскочил на улицу, под неизменный голубой свет куполов. День без дня, ночь без ночи, и люди, толпы людей, похожих на шарики, вылетевшие из механического бильярда. Железо, бетон, дом-многогранник, дороги, площади, дороги, спираль, уходящая в самое себя. «Зачем, для чего?» — вопрошало вино, громко стуча в висках. Железо, бетон, дом-многогранник, такие же бездушные механизмы, как тот светофор, за который он, Джиджи Милези, уцепился словно за последнюю надежду.

Джиджи Милези. Милези Джиджи. Голоса людей. Желтые комбинезоны блюстителей порядка. А может, это тоже роботы? Он позволил себя увести. Без сопротивления. Добропорядочный горожанин, он не смел бунтовать против правопорядка. Полицейские о чем-то совещались. Их слова проникали сквозь зыбкую стену алкоголя. Игла, вонзившаяся в вену. Непрочная стена рухнула.

Он сидел в кресле, и кто-то его звал приятным, участливым голосом. Он открыл глаза и уставился в темноту. Голос по-прежнему звал его.

— Джиджи, ты не узнаешь меня?

— Нет, кто ты?

— Друг.

— У меня нет друзей.

— Разве? Но ведь это я спас тебя в детстве.

— Ты знал меня еще малышом?

— Ты потерялся на третьем уровне, в западной части города, диагональ 27, линия 393975.

Джиджи поразился точности ответа.

— Разве в детском доме тебе было плохо, Джиджи?

— Напротив, очень хорошо.

— Это я тебя туда отвел.

— Значит, ты робот?

— Ну конечно!

— Как же ты сможешь меня понять?

— А разве прежде я тебя не понимал?

— Тогда я был маленьким. Довольствовался кашкой и всякими игрушками. И потом рядом были другие малыши... Где тебе понять, что такое одиночество!.. Если ты заглянешь в себя, то увидишь сцепления, провода, кассеты, реле. А я...

— А ты увидишь мускулы, и кровь, и нервные клетки, которые побуждают тебя искать близкого человека.

— Как ты узнал об этом?

— Но ведь я твой друг! Я слежу за тобой со дня твоего рождения.

Джиджи умолк и задумался. Мысль о том, что кто-то, пусть даже это робот, беспокоится о нем, была ему приятна. И он не выдержал: уставившись в темноту, стал жаловаться на жизнь, всхлипывая, как ребенок. Ему опротивел этот город, который держит его, не дает вырваться на простор.

Робот терпеливо слушал его и, казалось, все понимал.

— Хочешь, я помогу тебе уехать, Джиджи? Но куда ты отправишься? В другие страны, где люди говорят на чужом, непонятном языке? И потом в этом городе тебя ждет девушка.

— Почему же я до сих пор ее не встретил?

— Непременно встретишь. Хочешь, я помогу тебе?

— Если б только это было правдой!

— Можешь не сомневаться. Только мне нужна твоя помощь. Отныне твоим жизненным кредо должно стать упорство и настойчивость. У выхода возьми пропуск. Тогда ты сможешь приходить ко мне каждую субботу.

Часы, вмонтированные в светофор, показывали, что

уже наступило новогоднее утро. Джиджи это показалось счастливым предзнаменованием.

Зеркало говорило о том, что он помолодел — зримый результат неуклонного исполнения всех советов робота. Новые костюмы, театр, варьете...

Каждую субботу он отправлялся на встречу со своим другом.

— Ну как, нашел ее?

— Наберись терпения, Джиджи. Ведь таких, как ты, много.

— Но я жду уже три месяца.

— Почему бы тебе самому не поискать?

— Ничего не выйдет.

— Напрасно ты так быстро падаешь духом. Я уже напал на след. Не хотелось говорить об этом раньше времени, потому что...

— Кто она такая? Где живет? — прервал его Джиджи, томясь надеждой и страхом.

Наконец однажды робот объявил:

— Нашел. Ее зовут Милена.

— Красивая?

— Милая. У нее красивый лоб, который скрывает благородные мысли.

— Где она живет?

— В твоём квартале.

— А дом, номер дома ты знаешь?

— Нет. Чтобы знать о вас буквально все, я должен следить за вами с детства. Но я уловил флюиды Милены. Она отличная девушка, правда, немного старомодная. Она будет прекрасной женой.

У Джиджи голова закружилась от счастья и от ужаса, что все это может оказаться выдумкой.

— А захочет ли она стать моей женой? Ведь мне уже сорок три года.

— Ну и что тут особенного? Займись спортом. Кстати, ей самой под тридцать.

— Когда я ее увижу?

— Точно не знаю. Попробуй сам отыскать в своем квартале девушку по имени Милена.

И Джиджи начал искать. Но если он отправлялся в дома дружеских встреч, у него не оставалось времени для занятий гимнастикой в спортивном зале. И потом ему не удавалось отложить ни гроша для будущей женитьбы. Он пожаловался на это роботу, и тот посоветовал ему заняться гимнастикой дома.

— Послушай, Джиджи, пора тебе научиться разумно распределять время и деньги. Есть места, где можно с пользой провести время и почти не тратиться. К примеру, церковь. Милена никогда не пропускает воскресной мессы.

И Джиджи по воскресеньям стал бывать на мессе в церквях своего квартала. Он вглядывался в глаза молодых прихожанок и нередко встречался с ответным взглядом. Какая же из них Милена? Прислонившись к колонне, он ни на миг не упускал молодых женщин из виду, но ни одна из них не кивнула ему.

Как-то на полуденной мессе он увидел девушку с косами и черным бантом в волосах. Она вскинула на него глаза и сразу же их опустила, тонкой, изящной рукой поправила вуаль. Джиджи с волнением наблюдал за ней — кажется, эта девушка заметила его и выделила среди всех остальных.

Он пошел за нею следом.

— Синьорина Милена.

Девушка остановилась, повернувшись к нему лицом.

— Меня зовут не Милена.

И продолжала вопросительно глядеть на него — ни красавица, ни уродка. Джиджи не знал, как ему выпутаться из неловкого положения.

— Простите, я думал...

Когда он рассказал об этом роботу, тот остался недоволен и даже упрекнул его.

— А ты хотел, чтобы приличная девушка подмигивала тебе в церкви? Почему ты с ней не познакомился? Она могла оказаться подругой Милены. И потом, если девушка тебе понравилась...

— Но ведь то была не Милена.

На это робот не нашел, что ответить.

— Поищи ее ты. Я готов заплатить за услуги вдвое больше.

Но робот не захотел взять и чентезимо.

Джиджи ел медленно, сосредоточенно и лишь по чистой случайности услышал в общем шуме, как женский голос крикнул: «Привет, Милена».

Он принялся осматриваться — склоненные над тарелками лица, мужские и женские, узкие, длинные столики в два ряда. Благодаря сверхчувствительному слуховому аппарату он сумел уловить, что слова «Как дела, Милена?» обращены к молодой женщине с темно-каштановыми волосами, с аппетитом уплетавшей омлет. Джиджи, неторопливо макая корку хлеба в темно-розовый сок, выжидал, когда освободится место рядом с нею. Но вот наконец освободилось место напротив. Джиджи решительно направился к столику Милены и положил на стул свой портфель.

— Разрешите составить вам компанию?

Молодая женщина подняла на него глаза, подведенные черной тушью, и молча кивнула.

— Могу ли я угостить вас чем-нибудь?

— Мороженым.

Джиджи уверенно лавировал в людском потоке и, против обыкновения, беззастенчиво наступал другим на ноги, заслоняясь словно щитом вежливым «простите».

Милена ела с завидным аппетитом, обнажая мелкие белые зубки.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Джиджи. Джиджи Милези.

Он заговорил с ней о работе, о скудном, но прочном заработке.

Милена слушала его с видимым интересом.

— А у тебя, Милена, как идут дела?

— Могли быть и лучше, — с легким смешком ответила молодая женщина. — Но по нынешним временам особенно жаловаться не приходится. Давай выйдем. Здесь легко задохнуться от духоты.

— Как хочешь, Милена.

— А ты забавный. Пойдем-ка потанцуем. Я знаю одно местечко...

— Как хочешь. — Он беспрестанно называл ее по имени, испытывая при этом необъяснимую радость. И говорил, говорил так много и красноречиво, как никогда прежде. Вернее, даже фантазировал, выдумывал вслух, если только это можно было назвать выдумкой.

— Ты прямо актер... — И Милена смеялась дробным смешком. — Перестань на меня пялиться. На нас смотрят.

— О Милена, какая ты красивая!

Молодая женщина пожала плечами и вошла в дансинг. Когда она сняла пальто, Джиджи застыл в изумлении — платье цвета электрик блестело и переливалось огнями, и все мужчины невольно оборачивались.

— Что же ты стоишь, пойдй, сдай пальто роботу... — и она уверенно направилась к столику.

Танцуя, Джиджи шептал ей все те нежные слова, которые он слышал в кино. Милена прижималась к нему, называла его милашкой и громко смеялась.

Он был до того счастлив, что от первого же бокала вина у него отчаянно закружилась голова.

— Довольно, — сказала Милена. — Видно, ты один из тех, кто пьянеет от одной рюмки. А я не люблю пьяных. Идем отсюда.

— Ты не думай, не думай, — лепетал Джиджи. — Вот увидишь. Я буду пай-мальчик.

Он постарался стряхнуть с себя дремоту — ведь сейчас решается его судьба.

Милена готовила кофе на встроенной в стенной шкаф плитке. Джиджи лежал на большой кровати и лихорадочно перебирал в памяти все виденные на экране любовные сцены.

— Кофе готово, милый.

Она протянула ему чашечку горячего кофе... Ну, конечно, теперь она каждое утро будет подавать ему кофе прямо в постель. Милена включила видеофон, и в комнату ворвалась совершенно невероятная, бешеная музыка.

— Нет, Милена, прошу тебя, танго или фокстрот.

Милена послушно переключила видеофон, и полилась сладкая, тягучая мелодия. Джиджи зажмурил глаза, простер к Милене руки и упал на колени.

— О моя Джульетта...

Милена испуганно вскрикнула, словно укололась о булавку. Джиджи открыл глаза и увидел, что она стоит полуголая и глядит на него с недоумением и страхом. Джиджи коснулся ладонью ее бедра.

— Милена, о Милена...

Кажется, говорил он один, а Милена задремала под его нежные речи.

— Открой же глаза, любимая.

Милена приоткрыла слипшиеся от сна веки и спросила:

— Который час?

— Какое это имеет значение?

— Разве ты завтра не работаешь?

— Да, но я не хочу сейчас об этом думать. Мне дорога каждая минута блаженства.

— Ты очень милый. Но я устала.

— Ты права. Я гнусный эгоист.

Он встал, поспешно оделся, несколько раз поцеловал ее на прощанье и направился к двери. Стоя на пороге, он посылал ей последние воздушные поцелуи и никак не мог уйти.

— Послушай, дорогуша, ты позабыл кое-что, — сказала Милена и выразительно прищелкнула пальцами. — Денег не вижу.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе денег?

— Послушай, Джиджи, комедия и так изрядно затянулась. Плати, да поживей.

Джиджи в полнейшей растерянности впился в нее взглядом. На миг у него зародилась надежда — одиночество и нищета толкнули Милену на порочный путь. Но он спасет ее.

— Да, но я хочу на тебе жениться. Разве робот тебе об этом не говорил?

— Какой еще робот? Жениться?! Очень мне нужен муж, который зарабатывает жалкие гроши! Мой дорогой, когда я поднакоплю денег, то выйду замуж за богатого синьора. И тогда прощайте город и эти чертовы купола. Были бы деньги, а как они заработаны, никого не касается.

- Значит, ты обыкновенная шлюха?
- Это уж мое дело. Плати и выметайся.

На сей раз Джиджи припелся к роботу подавленный, убитый горем.

— Как же ты сразу не догадался, Джиджи? Ведь я не давал тебе этого адреса.

— Но ты сказал, что ее зовут Милена.

— Ну и что же? Милена порядочная девушка, она регулярно ходит в церковь. А вот ты в последнее время туда и носу не кажешь.

— Там все женщины уродки.

— Неправда. И потом, в церковь ходят, чтобы молиться богу, а не глазеть на женщин.

— Богу не до нас. Он видит лишь тех, кто живет за куполами, а нас даже не замечает.

— Не кощунствуй. Ты не понимаешь великого смысла религии. Попробай разобраться.

— Не в состоянии. Стоит мне включить магнитофон, и через пять минут я засыпаю. Предпочитаю кино.

— Тогда ходи на религиозные фильмы.

— Они слишком мрачные. Святые, бедняги, всегда умирают, и ангелы не успевают их спасти. Хоть бы уж финал был повеселее.

— Ты глубоко заблуждаешься, Джиджи. Они все попадают в рай. Разве это так уж печально?

— А ты уверен, что он существует?

— Конечно, после смерти праведников ждет рай.

— Э, не все ли равно, куда ты попадешь после смерти. Вот если б я встретил Милену, то еще мог тебе поверить. Боюсь, что я и Милену увижу после смерти. Верно, ее и на свете-то не существует.

— Нет, существует. Но ты просто не ищешь. Тебе не

хватает упорства. И потом, если ты хочешь ей понравиться, тебе надо иметь хобби.

— У меня есть хобби,— поспешно ответил Джиджи.— Я коллекционирую спичечные коробки. А на выборах голосую за партию разумных.

— Молчи, ты не должен никому говорить, за кого голосуешь. Это тайна, охраняемая законом. И вообще, что касается политики...

— Я не занимаюсь политикой. Она меня не интересует,— перебил его Джиджи.

Но он солгал. Лет пятнадцать назад он познакомился со студентами, которые занимались политикой, да еще как активно. Сидя в траттории, они громко доказывали, что, если бы все объединились и проголосовали против, от системы ничего бы не осталось.

— А фотоэлементы? — спросил тогда Джиджи.

— При чем здесь фотоэлементы? — удивились студенты.

— Как при чем? Разве парамагнитные подслушивающие устройства и фотоэлементы не установлены повсюду, даже в туалете?

Тут студенты, словно по команде, расхохотались.

— Знаешь, во сколько все это обошлось бы правительству?

— Знаю. Но у промышленников и хозяев куполов денег хоть отбавляй. Вот мне, например, вмонтировали в ухо пластинку.

— В ней указаны твои данные, место и год рождения. И больше ничего.

— Неправда. Робот контролирует каждый мой шаг.

— Сказка для малых деток. А ты и поверил, глупец. Вы, обыватели, убеждены, что роботы-шпионы везде и повсюду. На самом же деле они существуют лишь в вашем воображении.

Студенты так были в этом уверены, что вели себя крайне неосторожно. И, понятно, очень плохо кончили.

Когда он, Джиджи, узнал об этом, то сразу же помчался на митинг и выступил в защиту свободы и демократии. И его не тронули. С тех пор он не занимался политикой. Так что робот зря намекает...

— Я не занимаюсь политикой, — громко повторил он. — Я думаю только о Милене.

— Знаю. Тогда поищи себе другую девушку вместо Милены. Ведь не сошелся же на ней свет клином.

— Как ты можешь предлагать такое! Может, ты меня все время обманывал?

— Нет.

— Ты говорил, что у Милены особенно хороши глаза, большие, голубые, с поволокой. Если хочешь, чтобы я тебе поверил, покажи мне лицо Милены.

— Постараюсь. Но ты должен напрячься, все твои мысли должны быть о ней, о Милене.

Джиджи усталился во тьму с замиранием сердца, ожидая, когда ему явится лицо Милены с большими голубыми глазами. И оно возникло, но глаза были закрыты. «Прощу тебя, Милена, открой глаза, умоляю, открой». И Милена взглянула на него своими голубыми, прозрачными как стекло глазами.

— Теперь ты убедился? Так ищи ее, ищи без усталости.

И Джиджи искал, каждый вечер, в дансингах и в кино, в церкви и на гулянье. Он даже отказался от недели гипнотического сна, которая полагалась ему по закону каждые полгода. Он выходил из дому в шесть, и когда возвращался в свою комнатуху, где в беспорядке валялись грязное белье и пакеты с едой, им порой овладевало отчаяние. Он, не раздеваясь, ложился на неприбранную по-

стель и в тоске думал, не лучше ли все бросить и провести ночь с первой же встреченной проституткой. Но в памяти всплывали ее глаза, и на следующий вечер Джиджи вновь отправлялся на поиски. Когда же образ Милены тускнел, Джиджи ехал к роботу и снова впивался взглядом во тьму. Он больше не задавался вопросом, существует ли Милена, он искал ее, и все тут. Не раз и не два он пристально вглядывался в незнакомые женские лица в надежде, что вдруг на него с любовью взглянут нежные голубые глаза. Ему было безразлично, оскорбляет ли кого-либо из женщин это назойливое внимание и не рискует ли он нарваться на грубость.

Он искал ее на улицах и площадях, поднимался по спирали до самых куполов и оттуда следил, пока не заболит спина, за идущим вниз эскалатором. Женщины одна за другой исчезали в подземелье, и тогда он, смотря по дням, отправлялся в ресторан или дешевый бар. И там снова принимался наблюдать за женскими лицами. Однажды его ударили по лицу, в другой раз к нему подошла молодая женщина.

— Видно, я тебе понравилась?

— Ты не Милена, — сказал он, и незнакомка засмеялась столь неожиданному ответу. Но потом ей надоело смотреть в его невидящие глаза.

Как-то, когда он шел с работы, у него отчаянно разболелся зуб. Коренной зуб справа, который давно уже ныл, а теперь словно взбунтовался и пронзал его стрелами адской боли. Наглотавшись таблеток и повязав щеку платком, он отправился к врачу. В приемной он с ненавистью смотрел на сидящих впереди пациентов, трех женщин и пятерых мужчин. Часа через полтора, когда до него осталось всего два человека, боль поутихла. Джиджи осторожно потрогал зуб языком — ничего, терпеть можно. Он взял со столика толстый журнал. Читать он не любил, да и не

очень умен, но ему нравилось разглядывать цветные фотографии. Жаль только, что и на снимках были изображены медицинские приборы и врачебные кабинеты, а не актрисы или животные. Он давно мечтал купить черного пуделя с густой волнистой шерсткой, но такую роскошь могли себе позволить только те, кто живет за куполами... Сплошь статьи о медицине, о новых таблетках и о лечении методом Р. П. Что бы это могло означать? А, вот тут внизу расшифровано: Р. П. — это робопсихология. Он перелистал еще несколько страничек, и его внимание привлек знакомый адрес. Так это же адрес его робота! Только он принялся по складам разбирать, чем же тот занимается, как его вызвали к врачу.

Он вошел, размахивая журналом.

— Доктор, прошу вас, объясните, пожалуйста...

— Не будем терять времени.

— Я вас очень прошу.

— Ну хорошо... Угу. Э, сплошная ерунда. Они утверждают, что невроз у социально отсталых субъектов можно лечить с помощью утешающих машин.

— Не понимаю.

— Ну вот вы, скажем, поверили бы вы роботу, если бы тот вдруг стал вас убеждать, что вы красивы, счастливы, богаты и вас любит прекрасная женщина? Конечно, вы бы сразу догадались, что это обман... Так какой же зуб у вас болит?

Стоматолог знал свое дело — анестезия, бормашина, мышьяк, убивающий нерв, временная пломба. Все честно, без обмана.

— Придете через неделю. Если снова заболит, приходите сразу же.

Он расписался в страховой книжке Джиджи и, дружески похлопав его по плечу, сказал:

— До новой встречи. Следующий!

В субботу зуб еще побаливал, но Джиджи предпочел отправиться к роботу. Он впервые заметил, что у мужчин и женщин, ждущих приема, такое же отсутствующее выражение лица, как и у него самого. Они по одному вставали и, держа в руке пропуск, не глядя на контролера, садились в кресло, которое выезжало из туннеля, и секундой позже сами исчезали в другом туннеле. Джиджи тоже сел в кресло, но на сей раз он не зажмурил глаза и, скользя по рельсам, ясно представлял себе, как гипнотический голос шепчет другим пациентам: «Друг мой, любимый».

Оставшись наедине с роботом, он решил покапризничать.

— Мне надоела Милена. Хочу увидеть Пьеру.

— Ты знаком с ней?

— Да, я с ней встречался.

— Сосредоточься.

Джиджи стал думать о Пьере, проститутке, с которой он иной раз виделся. И она возникла перед ним, вернее, ее круглое лицо с зелеными глазами, густо обведенными черной краской.

— А теперь покажи мне Милену. Для сравнения.

Робот попытался загипнотизировать его, но нет, то были глаза не Милены. И Джиджи понял, что больше никогда не встретится с ее нежным, пугливым взглядом.

Он поднялся и молча направился к креслу, чужой в бесконечно чужом городе. Лишь кровать хранила его запах, она была его последним прибежищем, как конура для дворовой собаки. Эту конуру и старую больную собаку он недавно видел в кино.

Таблетки от бессонницы, таблетки, чтобы ни о чем не думать. И прежде чем погрузиться в искусственный сон, он на миг увидел Милену, увидел в последний раз.

С того дня прошло два месяца, а Джиджи еще живет, движется, ибо контрольные часы неумолимо будят его и гонят на службу. После службы он идет в кино или на стадион — свободное время положено использовать рационально и продуманно. Джиджи уходит из дому, возвращается, кричит: «Гол!», «Да здравствует демократия!», пьет и предается любви. Если он выпивает больше обычной нормы, то неизменно начинает рассказывать случайной подружке историю своей невероятной любви, фильм-сказку, поставленный по чужому сценарию. Он пристально смотрит в пластмассовый стакан с недопитым вином на донышке и, рассказывая, сам верит всему, по крайней мере до тех пор, пока длится опьянение. Накрашенная девица отчаянно завидует ему, и Джиджи, заметив это, торопится добить ее — за то, что она не Милена.

— А тебя, с твоей каждодневной любовью, ждет ранний инфаркт.

Потом он возвращается домой в свою постель, которая скрипит и вот-вот развалится. Но стоит ли менять ее? При одной мысли, что придется ходить по магазинам, выбирать, ему становится не по себе. Теперь каждое усилие кажется ему бесполезным, ненужным. А в понедельник он решил, что и бриться бесполезно. Он снова улегся в постель, притворившись перед самим собой, будто ему нездоровится. На самом же деле ему просто не хотелось вставать, двигаться.

Внезапно ему показалось, будто стены комнаты сжались, а сама она превратилась в гроб. Он вскочил, оделся и как был небритый вышел на улицу-эскалатор. Дрожащими, вдруг ослабевшими руками он отчаянно вцепился в ускользающие поручни, но толпа крепко держала его в своих тисках, и он не упал. Он зажмурил глаза, стараясь не смотреть на соседей. Малейшее прикосновение действовало ему на нервы, и он крепче впивался пальцами в по-

ручни. Он снова попытался вызвать в памяти образ Милены. Но ее образ ускользает словно огни взбесившегося светофора — мелькают голубые полосы, нет, это не глаза Милены, не ее глаза...

Он спотыкается и падает на перекрестке, но тут же вскакивает и, подхваченный толпой, оказывается прижатым к витрине. В ней отражается лицо пожилого уставшего человека, небритого, с мешками под глазами и оттопыренной нижней губой. Этот незнакомец — он, Джиджи Милези. Разве могла Милена, существуй она, полюбить такого человека? Никогда.

Он свернул за угол и стал подниматься вверх по узенькой улочке. Все выше и выше, к самым куполам. Он хочет добраться до них, увидеть, наконец, голубизну настоящего неба. Плевать ему на то, что это строжайше запрещено. Он уже почти у цели; внизу ползут люди: куда, зачем? Он скидывает голову и касается ею купола.

Внезапно он теряет равновесие и камнем падает вниз, в скопище колес и приводных ремней, которые, смяв и силющив его, швыряют в гигантскую спираль.

БАНДАГАЛ

Жирная, слишком жирная кожа усыпана капельками пота. Патрене вытирает обильный пот носовым платком и с отвращением бросает его на письменный стол. Он пытается отогнать докучливые мысли. Но попробуй не думать о требованиях этих поганных несиан. До появления на Несе землян эти туземцы даже колеса в глаза не видели, а теперь они собираются ни больше, ни меньше как вести политическую борьбу. Да еще требуют, чтобы им разрешили объединиться в профсоюзы и ввести шкалу заработной платы. Стоило ему губить свое здоровье на скважинах в зловонных топях, чтобы потом эти неспане подняли головы. Сплошная мерзость!

А губернатор, разумеется, и в ус не дует. Раньше он богател на деньги расистов, а после поражения на выборах сразу же стал ярым сторонником равенства землян и аборигенов.

Патрене встал, подошел к бару-холодильнику, налил коньяку и бросил в бокал несколько кусочков льда. Вспомнил предупреждение врача, досадливо пожал плечами и выпил все до дна.

Ох, до чего ему осточертели эти балаболки из Ассоциации слаборазвитых планет! Носятся без передышки по Несу и снимают то в анфас, то в профиль рахитичных детей со вздутыми животами, притворяясь, будто им неизвестно, что несиане — низшая раса. Плосколицы, с водянистыми глазами и пучком зеленых волос на голове, они плодятся, как лягушки или болотные змеи. Все до одного

воры, бездельники и забияки! Но эти старые девы из АСП неплохо поработали: фотографии, фотографии, а под ними статистические данные, различные выкладки. Политиканы уже учуяли, что тут есть чем поживиться, да и правительство Земли не намерено упустить свою долю. А мы, промышленники, должны покорно соглашаться — сделайте одолжение, забирайте наши заводы, рудники, шахты, более того, можете поставить на мое место паршивого несианина!

Патрене не в силах больше сидеть в своем кабинете. Он выходит на веранду, откуда открывается вид на широкий заводской двор и цеха вдаль. Небо затянуто облаками, но дождя, как всегда, не будет; духота, вечная нестерпимая духота.

Горизонт за заводскими трубами подернут серой дымкой, над разогретыми болотами повис ядовитый туман. Патрене чувствует, как к горлу подступает тошнота. Он поспешно возвращается в комнату. У него не осталось больше никаких надежд, он охотно вернулся бы домой, в Рим, где небо бывает не только хмурым, но и безоблачным. Да, но в Риме, в самом современном, фешенебельном небоскребе, наслаждаясь с балкона великолепным видом, живут его жена и дети. О старом доме они и слышать не хотят, и вот ему приходится кормить червей на Несе.

Он вызвал Розу, свою личную секретаршу. «Что это такое, — закричал он, — почему директор Торболи до сих пор не явился на службу?!» Роза слушала молча и даже не пыталась возражать. Уже двадцать лет, как она влюблена в шефа, с той самой поры, когда она была еще совсем юной девушкой, а он мужчиной в расцвете сил. За эти годы планета выжала из них все соки, но Роза не хочет признаваться в этом даже себе самой. Она тратит уйму денег на всякую косметику и все еще надеется, что шеф снова удостоит ее вниманием. Ей и в голову не приходит, что тот

стал жалкой развалиной. Сердце едва трепыхается, он и дня не может прожить без тонизирующих таблеток.

Роза смотрит на него глазами преданной собаки, и Патрене свирепеет еще больше. Он отлично знает, что здесь она — единственный человек, которому он может полностью доверять.

Избегая ее взгляда, он спрашивает:

— Ты отравила за ним мой элиспринт?

— Конечно, коммендаторе.

— Почему ж он до сих пор не прибыл? Пора бы этому Торболи научиться прилично водить машину.

С Розой он может быть откровенным и ругательски ругать «этого Торболи». Но когда тот наконец появляется, Патрене встречает его с величайшей любезностью. «Мой дорогой друг», — говорит он и при этом не спускает с Торболи недоверчивого взгляда. В отличие от Патрене Торболи не потеет. Кажется, будто планета Нес иссушила его. Высокий, с морщинистой, как у черепахи, шеей, он в разговоре пялит на собеседника свои близорукие глаза. Голос у него скрипучий, монотонный, прежде чем перейти к делу, он любит подробно обрисовать общую ситуацию. Это обычно сбивает Патрене, он начинает нервничать, путаться, и Торболи всегда удается настоять на своем. Он меньше всего похож на подчиненного, скорее на компаньона. В сущности, так оно и есть — ведь солидный пакет акций постепенно перешел к нему в руки.

Патрене завозился в своем кресле.

— Словом, Торболи, в чем суть дела?

— Я тебе уже объяснял: правительство одобрило закон о тарифной сетке для туземцев.

— Значит, решили национализировать предприятие?

— Не люблю я это слово — «национализировать».

Но Патрене уже не слушает его, он должен выговориться.

— Какое они имеют на это право, хотел бы я знать! Они предоставили нам концессию, верно? А раз так, заводы принадлежат нам и только нам.

— Не кричи. Попытайся лучше понять, что происходит. Иначе весь наш разговор — пустая трата времени. Итак, новая галактическая политика...

— Дерьмо, а не политика! Слушать о ней не хочу. Это мы, земляне, принесли сюда высокую цивилизацию.

— Цивилизацию оставь в покое. Мы проиграли выборы. Надо смотреть на вещи трезво.

— Плевать я хотел на твою трезвость! Значит, и ты перестроился? Иди, целуйся со своими туземцами.

— Я бы их перецеловал всех до единого, если б это могло спасти наши капиталы.

Спокойствие Торболи окончательно вывело Патрене из себя. Разразившись потоком отборных ругательств, он закашлялся, вскочил, налил себе коньяку и залпом осушил бокал. Торболи поудобнее уселся в кресле, помолчал, а потом лениво протянул:

— Что толку возмущаться?..

— Нужно было перебить всех этих ублюдков! — Патрене бессильно опустился в кресло.

Лицо у него побагровело, покрылось бисеринками пота.

— А кто будет работать? — со вздохом говорит Торболи. — Успокойся, смотри, с тебя вот градом течет. Прими таблетку и полежи. Положение, конечно, не из приятных. Другие промышленники уже уступили. Теперь наш черед.

— Меня хотят разорить.

— Не преувеличивай. Налоги не так уж велики. Я проконсультировался с мистером Бессоном. Главная опасность исходит от правительства. Нахлынет банда голодных чиновников и начнет копать в наших делах.

Патрене, проглотив пилюлю, сетует:

— Дожили. Свобода называется. Выставляют пинком под зад, да еще твое же добро норовят присвоить. Всю «Новую Италию».

— Нес принадлежит не тебе, а правительству. Ты построил здесь заводы благодаря государственным субсидиям.

— Все, все их получали...

— Не перебивай. Теперь власти требуют свою долю пирога. Придется отрезать им кусок.

— Черта с два! Скорее я пушу все с молотка.

Торболи молчит. Патрене, обмахиваясь листом бумаги, словно веером, не выдерживает.

— А ты как думаешь?

— Положение и в самом деле довольно сложное. Многие предприниматели буквально потеряли голову. Но «Новая Италия» — сильнейшая промышленная группа на Несе, и мы обязаны выстоять. По-моему, глупо продавать заводы за полцены. Идет крупная политическая игра. Правительство рассчитывает объявить нашу планету неотъемлемой частью Земли, разумеется превратив ее предварительно в своего сателлита. Ему нужны голоса на выборах.

— Сущее дерьмо — вот что такое твоя политика!

Патрене снова разгорячился. Терпению Торболи пришел конец, он поднялся и, глядя шефу в глаза, выразительно произнес:

— Если ты еще в состоянии рассуждать здраво, я остаюсь, нет — до свидания. Запомни, нам нужно хорошенько подготовиться. И прежде всего составить баланс, да так, чтобы к нему не сумели придаться. Нужен толковый кибербухгалтер, но абсолютно надежный и преданный. Из числа старых служащих...

— Тогда заранее откажись от поисков, мой дорогой Торболи. Если кибербухгалтер толковый, ему нельзя до-

верить. А если болван, то ему опять-таки бессмысленно доверять — он такое натворит...

— Кибербухгалтер не может быть болваном. Я готов удовольствоваться заурядным честным бухгалтером.

— Послушай, нельзя ли придумать анекдот посмешнее? — Патрене встал. — Впрочем, не мешает спуститься в твой знаменитый архив. Если в природе и существует честный кибербухгалтер, то в твоём архиве это должно быть отражено.

— Моего архива никто не миновал, — с гордостью сказал Торболи. — Там все точно, до последней запятой. Надеюсь, этого ты не станешь отрицать, любезный Патрене?

— Согласен.

— А вот служащих в архивном отделе не хватает. Ты всегда скупился на административные расходы.

— Знал бы ты, во сколько мне обходится переброска одного только служащего с Земли на Нес!

— Чтобы деньги давали хороший урожай, их надо сначала посеять, — назидательно произнес Торболи свою любимую сентенцию.

Он встал, распахнул дверь и пропустил своего патрона вперед.

Архив — любимое детище Торболи.

Каким образом ему удалось собрать все эти сведения, Патрене не знает, хотя он из собственного кармана платил и платит шпионам, которые разведали буквально всю подноготную о каждом из служащих. Все сведения записаны на магнитофонную ленту и запечатлены на микроплёнку.

Когда Патрене впервые узнал об этом, удивлению его не было границ, а Торболи от удовольствия беспрестанно потирал свои по-обезьяньи длинные руки.

— Разве архив предназначался не для туземцев?

Наверное, впервые в жизни Торболи от души рассмеялся.

— Для этих недоумков?! Нет, главная опасность — это мы сами.

Патрене просматривал микрофильмы, прослушивал пленки, и ему стало не по себе.

— Как это тебе удалось собрать такую информацию?

— Самыми разнообразными способами, мой дорогой, — с необычной фамильярностью ответил Торболи. — Все, начиная от священника и кончая проституткой, принуждены были кое-что рассказать.

— И обо мне тоже?

Торболи загадочно покачал головой и двусмысленно улыбнулся.

— Рад буду преподнести этот скромный подарок тебе и Розе. Конечно, если это доставит вам удовольствие.

И он протянул шефу микрофильм.

А все-таки Патрене не доверял Торболи, несмотря на общие интересы. Он считал своего директора не менее опасным, чем вирус, — вы замечаете, что заразились, когда болезнь уже завладела вашим организмом.

Нет, своего мнения о Торболи он не изменил и теперь, но в архиве неизменно появлялось что-то новое, и это забавляло Патрене.

Подумать только, инженер Корбелли, этот яркий расист, поддался чарам своей молоденькой служанки, уроженки Неса, у которой такие густые изумрудного цвета волосы.

— Завтра же скажу Корбелли об этом, — вырвалось у Патрене.

— Э, нет, — спокойно возразил Торболи. — Ты лучше намекни ему разок-другой, и он тут же перестанет клян-

чить прибавку. Во всяком случае, даст тебе несколько месяцев передохнуть. А за это время мы раздобудем новый любопытный материальчик.

Патрене всегда доставляло истинное наслаждение наблюдать за реакцией подчиненных на слухи о возможных повышениях по службе и увольнениях, которые распускал Торболи.

— Этот мелкий жулик Винченци уже видит себя начальником отдела... Какой кретин, этот Ларделли! До чего ж он боится, что его уволят. Попробуй-ка найди другого инженера-химика, который согласился бы по двенадцати часов кряду торчать в лаборатории.

Но сейчас Патрене не смеется, он внимательно смотрит на лица и повторяет за Торболи:

— Да, этот болван, этот мошенник, ну а этот и мать родную продаст. Быть может, этот годится... Пожалуй, ты прав — Торторелли подойдет: честный, скромный до робости, живет один в маленьком домишке на окраине. Единственная страсть — кухня-автомат. Нет, все-таки он слишком глуп, — сам себя перебивает Патрене. — Покажи-ка еще раз.

И Бенедетто Торторелли, щурясь, словно яркий свет рефлектора и в самом деле слепит ему глаза, неуклюже двигается по комнате — маленький, худой, в своем любимом галстуке-бабочке.

Патрене невольно рассмеялся.

— Неужели этот болван не понимает, до чего он смешон в своем старомодном одеянии?

— Погляди на него хорошенько, — с торжеством в голосе говорит Торболи. — У него на лице написано, что он обречен выполнять работу за других. Посмотри на этот плоский череп с копной седых волос. Типичный честный труженик! Другие за его счет выслуживаются перед начальством, а он молчит. Мы поручим ему ответственное

задание составить баланс, ему лично, и от безмерной радости он станет глухим и слепым. Понял?

— Не слишком ли он глуп? Что он там такое говорит?

— Беседует со своей автоматической кухней. Послушай.

Послышался глухой голос Торторелли:

— Как только долька чеснока зарумянится...

Торболи гасит экран и говорит Патрене:

— Он до неприличия глуп и наивен. Как раз то, что нам нужно.

Бенедетто Торторелли робко входит в кабинет шефа. На лице у него похоронно-мрачное выражение, несмотря на жару, он бледен. От волнения он то и дело переступает своими коротенькими ножками.

— Входите, входите, дорогой Торторелли.

Патрене — воплощение радушия, и это лишь увеличивает растерянность маленького человечка, который, как марионетка, трясет головой.

— Вы, Торболи, еще были на Земле, когда мы с Бенедетто двадцать лет назад прилетели на Нес.

— Девятнадцать лет, семь месяцев и три дня.

— Как всегда, предельно точен. Редкое достоинство, не правда ли? Значит, вы, Бенедетто, помните те незабываемые дни? Чудесное было время!

И Патрене пускается в милые его сердцу воспоминания о золотой поре колонизации. А Торторелли вспоминает о своем бегстве с проклятой Земли, о Мирте, которая безжалостно издевалась над ним:

— Бедняжка Бенедетто. Ты и в самом деле веришь, что я могу стать твоей женой? Это при твоем-то нищенском заработке!

А он умоляюще:

— Верь мне, Мирта, я вернусь оттуда миллионером. Только жди меня, жди.

И вот он уже в космическом корабле, полный самых радужных надежд, которые очень скоро утонули в зловонных болотах Неса...

— Тогда жизнь здесь была трудной, — продолжает Патрене. — Достойной настоящих мужчин. Эти дикари никак не хотели работать. Пришлось выкуривать их из болот. Мы, земляне, были полноправными господами положения. А что теперь?.. Торторелли понравился мне с первого взгляда. Он, как и я, не желал смешиваться с туземцами. Скажите ему сами, Бенедетто.

— Да, это так, — с грустной улыбкой подтверждает кибербухгалтер.

В глубине души его смешит, что за ним утвердилось слава расиста, хотя на деле все обстоит совершенно иначе.

Это несиане насмехались над ним, глядя на него с высоты своего двухметрового роста. А он, скрывая досаду, принужден был смотреть на них снизу вверх, словно липнут на великанов. Конечно, вначале он их терпеть не мог, но вскоре понял, что и в высоком росте мало проку, если ты с детства обречен на нищету и невежество. В один прекрасный день он перестал обращать внимание на насмешки и местных жителей, и землян.

И даже воспоминание о Мирте поблекло; он, кибербухгалтер Торторелли, открыл великую силу самопознания. Пусть другие считают его глупцом, зато он избавлен от необходимости обнажать перед ними душу. Он знал, что интерпланетарная партия ведет тайную войну с колонизаторами, прибегая к саботажу и диверсиям. Как-то одна грузовая ракета пропала «по неизвестным причинам», а корабль владельца фирмы «Персей» взорвался при посадке. У него вся эта грязная барьба вызывает лишь чувство

омерзения. Ему, разумеется, жаль погибших, но больше всего ему хочется поскорее очутиться дома.

Вот и сегодня он пораньше вернулся к себе, нагруженный пакетами.

Город остался позади, никому не придет в голову постучаться в неказистый двухэтажный домик, который, впрочем, не так уж мал, как кажется. В нем много комнат, спланированных, правда, не слишком удачно. Но его, Бенедетто Торторелли, это не волнует: ему вполне хватает трех хорошо обставленных комнат и просторной кухни в первом этаже.

Он медленно поднимается по выщербленным ступенькам на второй этаж; на площадке его встречает робот Бедный Йорик и завладевает пакетами. У Бенедетто проясняется лицо: робот следит за телешпионами Патрене, а тот ничего и не подозревает. Он, Торторелли, может сколько угодно ругать своего хозяина, Патрене все равно ничего не узнает. Для него уже много лет подряд разыгрывается одна и та же сцена: разговор с кухней-автоматом, часок-другой у видеофона, а затем сон в старой убогой кровати.

На самом же деле Бенедетто, приняв душ, босиком выходит в мягком халате в гостиную и усаживается в уютное кресло. Ковер приятно холодит распаренные ноги.

— Принеси-ка мне выпить, Бедный Йорик, — говорит он роботу, с удовольствием рассматривая роскошное убранство гостиной.

Долгих двадцать лет собирал он все эти драгоценности и антиквариат. Каждая вещь здесь знакома ему не хуже, чем лицо Бедного Йорика, который прежде был обычным примитивным роботом, а со временем стал образцовой машиной, предметом его особой гордости. На заводе Бедного Йорика насмешливо звали слабоумным гномом. Торторелли это даже веселит, ведь теперь Бедный Йорик одновременно и верный слуга и отличный секретарь. Он знает

все стороны жизни своего хозяина, мгновенно регистрирует каждое его слово. Робот в состоянии и десять лет спустя повторить любую фразу Бенедетто с той же интонацией. Более того, посредством парамагнитных волн он может передать нужную информацию на расстояние в несколько километров.

— Вот так-то, мой Бедный Йорик! Боюсь, что я попался. Налей-ка мне еще. Где бокал?

Робот подает ему бокал в форме лилии, сделанный искусными ремесленниками Веги.

Бенедетто любит им на свет.

Робот, зная привычки хозяина, терпеливо ждет. Наконец рука с бокалом протягивается за вином.

— Они считают меня дураком только потому, что я честен. Один рождается белокурый, другой — с рудиментом по имени Совесть. Потому-то я так долго не мог усвоить правил игры. Но теперь я их запомнил. Вероятно, я бы мог даже выиграть, но стоит ли? Ведь Мирта старуха.

Торторелли помолчал, затем резко встал и подошел к стеллажам с книгами, ласково погладил корешки.

— Вот их можно просматривать вновь и вновь — они не меняются с годами. А Мирта... Э, не будем говорить о ней. Поставь что-нибудь веселенькое.

Он с удовольствием ступает босыми ногами по пушистому ковру. Ему вспоминается выражение лиц Торболи и Патрене.

— Они меня поймали в ловушку, эти галактические бандиты. Да, да, друг мой, на бесчисленных планетах Галактики крадут все или почти все, и в один не очень приятный день добыча начинает оскудевать. И тут не поможет простое увеличение налогов — они и без того велики. Кто-то должен расплачиваться за всех. Нужно устранить одного из конкурентов, того, кто забыл мудрость древних: «Не кради, если не умеешь». Патрене слишком разжирел,

а Торболи — похудел. Конкуренты застали их врасплох. А теперь эти два хитреца избрали меня козлом отпущения. Смешно, не правда ли? Где шоколад? Кончился?

— В деревянной коробке, — отвечает робот и, не дожидаясь приказа, идет за ним.

— Всего три плитки? — бурчит Торторелли. — Ты должен был меня предупредить. Кстати, куда делись остальные?

Робот молчит.

— Ну да, ведь не ты же их съел? Увы, я становлюсь обжорой, мой Бедный Йорик. А это признак близкой старости. Что же мне делать, дружище? Уволиться? Хорошо, но кому я нужен на Земле в свои пятьдесят лет? Кто даст мне там работу? Как скверно, когда в тебе тикает механизм, именуемый совестью. Хотел бы я походить на тебя — никаких чувств, никаких эмоций. Но хватит о делах, поговорим о философии. На чем мы остановились?

Бедный Йорик повторяет голосом Бенедетто:

«Если время существует лишь в зависимости от пространства и скорости, как утверждает Эйнштейн, значит, само по себе оно не существует. А если так, то почему по прошествии определенного времени человек умирает? Выходит, и смерть относительна. Ну нет, дудки! Мы умираем всерьез, в мои рассуждения вкралась какая-то ошибка, но какая именно?.. Ужасно хочу спать».

Голос умолкает. Опустив голову, Бенедетто с грустью думает, что, условна смерть или реальна, ему не хочется расставаться с жизнью. Но когда тебя припирают к стене, деваться некуда. Вот и эти два галактических бандита приперли его к стене.

Патрене внимательно разглядывает себя в зеркало.

«Новая Италия» устраивает праздничный вечер, и ему

пришлось надеть парадный костюм. На торжественную церемонию придут губернатор планеты со своими помощниками, городские власти, многочисленные гости, промышленники с женами, дочерьми и любовницами. Словом, будет грандиозное празднество.

— Ох, как жмет!

Патрене ослабил пояс и снова поглядел в зеркало — серебристая ткань космического комбинезона складками собралась на груди. Стремясь скрыть это, он надел радужную накидку. Но она закрывает знак отличия владельца предприятий. К тому же он не сможет надеть позолоченную портупею — неперемнную принадлежность хозяев Галактики. Нечего сказать, хороши хозяева, которым приходится унижаться перед этими туземцами! Ну что ж, радуйтесь, мерзкие несиане, вы победили, у вас будут профсоюзы. Правда, вы неграмотны и ходите босиком, но в остальном вы уже почти ничем не отличаетесь от рабочих Лондона или Милана. Вот и прекрасно, да здравствует единый профсоюз!.. О черт, как жмет, нет сил терпеть! Да еще этот пояс... «Сниму-ка я его вовсе», — отчаявшись, решает Патрене.

— Что ты делаешь? Парадный костюм не положено носить без пояса! — еще с порога кричит Торболи.

У него сейчас тоже весьма непрезентабельный вид; новый комбинезон сидит на нем мешком.

— Какой умник выдумал эти парадные комбинезоны?! Как будто у всех простых смертных фигура космонавтов. Впрочем, комбинезон — символ высшей расы, и несиане с завистью глядят на нас. Они давно мечтают о том дне, когда получат право его носить.

Патрене кривит рот в презрительной усмешке.

— Так мы далеко уедем. В один прекрасный день какой-нибудь грязный туземец займет мое место, наденет комбинезон, пояс с бриллиантами...

— А ты что, всерьез принимаешь эту церемонию? Ерунда, обычный аттракцион. Сегодня парадное гулянье и бенгальские огни. А завтра туземцы, довольные и веселые, снова выйдут на работу.

— Ну а если они вздумают устроить забастовку?

— Вмешается полиция. Смотрел передачу из Парижа? Три тысячи рабочих были на пять секунд полностью парализованы. А после того как они пришли в себя, поверь мне, у них пропала всякая охота бастовать. Ты же сам знаешь, что профсоюзы в этих случаях даже полезны. Имеешь дело с их представителями, а не с неорганизованной массой, которая, словно обвал в горах, внезапно погребает всех и вся.

— Здешние туземцы никогда не станут цивилизованными людьми.

— Не спорю. Но полиция и не подумает применять к ним обычные методы. На Нес полицейские прибыли с отдаленных планет, где интеграция была осуществлена совсем недавно. Они не станут церемониться со всякими там забастовщиками — разгонят их силой. Ну ладно, надевай пояс и пошли. Остальные уже на космодроме.

Патрене повиновался. Элиспринт мгновенно доставил его на стоянку вертолетов, откуда он, уже пешком, добрался до космодрома. Навстречу ему с радостным криком устремилась Роза. Она тоже была в радужной накидке и комбинезоне, плотно облегавшем ее полнеющую фигуру. Другие дамы также щеголяли в комбинезонах, сшитых с таким расчетом, чтобы подчеркнуть красоту женских форм.

«Нет, Розе не помогла и пластическая операция. Она похожа на манекен, кривящийся в жалкой улыбке».

А вон и губернатор. Он важно спускается по трапу и приветливо машет всем рукой. Толпа напирает на барьер, из репродукторов глухо выплескивается гимн землян

«Свободны мы», губернатор улыбается ослепительной улыбкой, телеоператоры проверяют камеры. Сейчас губернатор произнесет слова приветствия — всего несколько фраз: церемониал продуман до мельчайших подробностей. Может, хоть на сей раз он не станет читать по бумажке? Нет, он вынимает из кармана листок: «Я рад, чрезвычайно рад и польщен, что удостоен чести передать «Новой Италии» приветствие от жителей Объединенной солнечной системы».

«О мудрый губернатор, ты не произносишь без бумажки даже краткие слова приветствия, а я не написал ни строчки, хотя Торболи предупредил меня заранее. Что я скажу рабочим?»

Вереница лимузинов катит по улицам «Новой Италии», по обеим сторонам которых стоят толпы людей и дружно хлопают в ладоши. В небе проплывают полицейские машины. Их сирены воют совсем не торжественно, а пронзительно-мрачно. Патрене просто не в состоянии выносить этот свист, он охотно зажал бы уши, если б не сидел в открытой машине рядом с губернатором.

Но вот традиционный парад машин окончен; теперь ему предстоит держать речь перед рабочими. А они уже собираются на огромном заводском дворе, который служит одновременно посадочной площадкой для личных вертолетов владельцев предприятий и технического персонала.

Правильный шестиугольник двора заканчивается большим полукруглым зданием, где размещаются различные службы. У входа в здание воздвигнут помост, на который строго по ранжиру поднимаются представители местных властей. В центре становится губернатор, справа от него — Патрене. Рабочие — а их собралось не менее пяти тысяч — уже вышли из цехов, все в чистых робах; на груди, чуть пониже миниатюрного трехцветного флага с двумя

сплетенными кольцами, красуется позолоченный значок с крупными буквами САТ — Солнечная ассоциация тружеников. Но эти солнечные труженики босы, и к тому же от них нестерпимо пахнет.

Патрене еще издали чувствует этот противный болотный запах, который не в силах заглушить духи и ароматные мази дам.

Первым произносит речь губернатор. Он подносит листок бумаги прямо к своему классическому носу, а тот в свою очередь вздымается к светлому небу (и это в черный день провозглашения на Несе профсоюза!), и гнусавит: «Свободно и честно...» Снова хруст бумаги, и снова из носа с шипением вырывается: «...справедливость, порядок!»

Наступил черед Патрене. Роза поправила ему проклятый пояс, он схватил микрофон и, переходя на крик, завопил:

— Я говорю-ю-ю, что двадцать лет назад здесь были одни болота. Но вы своим трудом...

Теперь уже кричат рабочие: «Пат-ре-не, Пат-ре-не!», а он смотрит на них выпученными глазами.

Неужели они до того глупы, что принимают все это всерьез? У стариков на глазах слезы, а он вешает каждому на грудь медаль. Если б от них так не воняло, он бы их, ей-богу, обнял. Галактическое телевидение уже запечатлело эту патетическую сцену; на Земле его видят жена и министры. А туземцы без устали скандируют: «Нес, Нес, Пат-ре-не, Пат-ре-не!» Пришлось включить сирены, лишь тогда Торболи сумел объявить дальнейшую программу праздника: бесплатный обед в столовой, танцы на болоте и в заключение бенгальские огни.

Теперь Патрене может, наконец, пригласить губернатора на коктейль.

Рабочие потянулись в столовую; потом они разбредутся по своим домам, окруженным колючей проволокой. После заката они имеют право выходить на улицы только под охраной полиции во избежание нежелательных инцидентов. «Это позволяет местным жителям и землянам взаимно оберегать свою свободу», — каждый вечер повторяют бесчисленные репродукторы. Но если даже туземец даст полицейским взятку, куда он сможет пойти? Бары открыты только для землян, а в клубе чаще всего разрешают появляться лишь в комбинезоне, которого у туземца нет. «Не хватает только, чтобы эти ублюдки с водянистыми глазками пилились на наших дам. Пусть себе веселятся за колючей проволокой. Впрочем, меня это не касается. Моя жена веселится на Земле. А жаль. На торжественной церемонии куда пристойнее появиться вместе с женой. Кстати, Бессон так и делает. Правда, его дражайшая половина такая же долговязая, как и он, и весьма изрядно подремонтирована, но, что ни говори, она остается первой дамой «Новой Америки».

Самому Бессону без малого семьдесят, костяшки его пальцев больно впиваются в мякоть рыхлой руки Патрене. Владелец «Новой Италии» с преувеличенным энтузиазмом восхваляет проницательность мистера Бессона, который еще в прошлом году согласился на интеграцию. Ему-то хорошо, он — единственный хозяин «Новой Америки», мощного промышленного комплекса, во много раз превосходящего «Новую Италию». Где уж ей соперничать с картелем Бессона. Хитрый старик одобрил интеграцию, и теперь ему, Патрене, ничего другого не остается, как только последовать его примеру. От бессильной ярости у него начинает болеть печень, и он с еще большим энтузиазмом поздравляет своего конкурента.

Бессон смотрит на Патрене своими рысьими глазами и, когда тот говорит: «Теперь эти туземцы станут вровень с

нами», — раздражается громким смехом, обнажив тридцать два зуба из первоклассного белого дентина.

— Разумеется, мой дорогой Патрене, и это будет записано в конституции Солнечной системы, где также сказано, что рабочий Чикаго имеет равные со мной права и одинаковые обязанности. Свобода и демократия для всех. Мы, земляне, идеалисты, а идеалы стоят дорого. Увы, мы всегда платили сполна. Это доказано историей. Коль скоро рабочий Чикаго имеет равные со мной права, мы не можем отказать в равенстве и рабочему Неса.

— Согласен, но только в пределах колючей проволоки.

— Дорогой Патрене, вы слишком привержены к колючей проволоке. Вы сентиментальны, как, впрочем, и все расисты. А расизм сейчас не в моде. Усвойте следующий принцип: рабочий может стать таким же богатым, как и я. Но раз он им не стал, значит, он кретин. Я дал ему свободу, однако не собираюсь отдавать в придачу и мои деньги. Пусть он их сам заработает. А теперь давайте выпьем за равноправие.

А Торболи тем временем переходит от одной группы к другой, успевая каждому сделать комплимент. От его глазок-щелей на черепашьей голове ничего не ускользает, даже пустой бокал супруги губернатора, которая беседует с миссис Бессон.

— Мадам, не хотите ли мороженого по-итальянски?

— Благодарю вас, дорогой Торболи.

Ага, и Торторелли тут!

— Как поживаете, любезный друг?

— Неплохо. Вот только жара здесь невыносимая. Но какой чудесный праздник! О нем будут вспоминать и в будущее воскресенье, когда прилетят делегации землян.

— Делегации? Кто вам сказал, Торторелли?

— Подслушал разговор губернаторской свиты. Глупо, да?

— Напротив, очень разумно.

Этот Торторелли с трудом передвигается на своих негнущихся ногах. Видно, шлем здорово давит ему на плечи, но он не снимет его — это было бы неприлично. А Бенедетто Торторелли не сделает ничего такого, что выглядело бы неприличным. Торболи до того уверен в своем кибербухгалтере, что даже не замечает, как ловко тот его дурачит. Больше всего директор боится, как бы Патрене, изрядно выпив, не начал болтать лишнего. Он отыскивает его глазами. Так и есть, этот жирный боров вовсю хлещет вино. Хоть бы уж лопнул поскорее от ожирения, тогда бы он, Торболи, полностью завладел контрольным пакетом акций «Новой Италии». И уж он-то сумел бы растолковать мистеру Бессону всю важность единого фронта промышленников Неса против интриг правительства.

— Виски, мистер Бессон?

Старик поразительно стойко борется с опьянением, но Торболи все-таки подмечает похотливый взгляд, которым тот окинул стройную и полногрудую Кьяри, техника «Новой Италии».

— Синьорина Кьяри не только красивая женщина, но и отличный работник.

Бессон откашлялся и с деланным равнодушием бросил:

— Очевидно, вы не уступите ее «Новой Америке»?

Торболи пожал плечами.

— Все дело в цене. Собственно, иначе и не бывает.

— Не нравится мне ваша манера выражаться. Ах, молодежь, молодежь! Сколько вам лет, Торболи?

— Сорок девять. — И больше он ничего не сказал, поняв, что и так сморозил глупость.

— Познакомьте меня с этой Кьяри, дружок, — голос Бессона смягчился. — Не исключено, что наше акционерное общество сможет предложить ей более интересную работу.

— Что до меня, то я не возражаю.

— Я в этом и не сомневался. Буду рад повидать вас в самое ближайшее время. Ведь нас с вами объединяет любовь к старинным вещам.

Торболи не сумел скрыть своей радости — Бессон в завуалированной форме сделал ему многообещающее предложение. В тот же миг его взгляд встретился с блаженным взглядом Торторелли.

— Синьор Торболи, я тоже коллекционирую старые вещи. Вы непременно должны побывать у меня.

— Конечно, конечно. Как-нибудь вечером. А пока, будьте добры, пригласите синьорину Кьяри составить нам компанию.

Кибербухгалтер послушно отправился выполнять приказание и вскоре вернулся с Кьяри. Мистер Бессон галантно предложил ей руку.

— Не хотите ли выпить вместе с нами, очаровательница?

— Пожалуй, аранжад по-итальянски.

Торболи подозвал метрдотеля, и тот подобострастно выслушал приказание, после чего отыскал туземца-официанта в белом фартуке и гаркнул:

— Аранжад по-итальянски, живо!

— Извините, синьор, но аранжад кончился.

— Болван, тебе же ясно сказано: аранжад. Сбегай в бар дирекции, в технобар — словом, куда хочешь, но чтобы через пять минут аранжад был.

Официант, прихрамывая в своих узких туфлях, ринулся на улицу, стараясь, упаси бог, не задеть кого-нибудь из землян. Возле дома ему на глаза попался мальчишка-разнорабочий. Сняв башмаки, юный несианин блаженно болтал голыми ногами. Официант схватил его за шиворот и, наградив отборными несианскими ругательствами, велел отыскать этот чертов аранжад. И мигом, если он не хочет

навсегда остаться на улице. Мальчишка вихрем помчался выполнять приказание.

Наконец синьорина Къяри получила свой аранжад. Одарив мистера Бессона признательным взглядом больших темных глаз, она благосклонно выслушивает его комплименты, а Торболи довольно улыбается. Торторелли пристально смотрит на них. «Нет, все-таки Патрене лучше Торболи. В сущности он не так уж плох: ходит, выпятив живот, и всем повторяет, что хозяин здесь он. А вот Торболи, тот — как болотная лихорадка: ты ее замечаешь, лишь когда тело покрывается зелеными пятнами. Но тогда и другие это видят, и тебе каюк».

Патрене не верит, вернее, не хочет верить словам врача. Он сидит в кресле, сложив руки на животе, и время от времени начинает ожесточенно чесаться.

Вчера у него обнаружили крапивницу. А все из-за этого идиотского комбинезона, ужасной духоты на вечере, проклятых туземцев и Торболи с его злым лицом и узенькими глазками, которые глядят не то на тебя, не то в окно.

— Так, значит, вчера губернатор мне солгал? — обращается он к Торболи. — Я же ему сказал, что воскресенье станет знаменательным днем. А он в ответ: «Безусловно, безусловно... Но кто, по-вашему, выиграет в этом году кубок? Многие предсказывают победу «Новой Англии». Говорят, у них потрясающий вратарь».

Торболи желчно улыбается.

— Да, губернатор, прежде чем сказать что-либо важное, записывает каждое слово на листке бумаги. Не в пример тебе.

— А я что, глупости говорил?

— Из твоей речи можно было заключить, что ты один колонизовал всю планету.

— Туземцы мне аплодировали.

— Любопытно, ты, кажется, всерьез стал с ними считаться!

— С этими ублюдками?! Ты шутишь! Но все-таки они работают на меня. Знай они свое место, я бы даже с ними примирился. Построил бы для них дома, школы, бассейны. На кой дьявол им профсоюзы и политические права, скажи на милость?

Торболи удивленно вскинул брови:

— Ты это всерьез?

— Конечно. Предоставь правительство свободу действий мне и другим промышленникам, на планете царили бы мир и спокойствие. Несианская конституция должна начинаться словами: «Мыться каждое утро — обязательно». А вместо этого политиканы и тут мутят воду. Ну, а каков результат, сам видишь. Ваша идиотская демократия! Чего от нее ждать...

— Я-то здесь при чем? Это же не моя выдумка.

Патрене снова ожесточенно зачесался и с яростью взглянул на собеседника.

— Ты меня убедил. Главный враг — мы сами. Никому нельзя доверять.

Торболи натянуто улыбнулся.

— Ты сегодня не в духе. Но уж мне-то ты можешь доверять. Разве я когда-нибудь тебя подводил?

— Нет, тебе я, безусловно, верю. Ведь ты подписываешь все документы вместе со мной.

Нижняя губа Патрене выпячена, пальцы беспрестанно скребут живот.

Торболи взбешен, он понимает, что оплошал, и пытается взять реванш.

— Ну что ты беспрерывно чешешься? Ни дать, ни взять — вшивый несианин.

— У меня крапивница.

Торболи мгновенно отшатывается.

— Ты уверен?

— Видишь красные пятна на животе? Конечно, ты предпочел бы узнать, что у меня проказа. Тебе это было бы только на руку. Все, все вы обрадовались бы, сдохни я сегодня! Но не надейся, я проживу еще сто лет. Вам назло.

— Не распаляйся. Ты похож сейчас на туземца, который страшится увольнения.

— Таких, как я, не увольняют. Они сами подают в отставку. Но вам придется долго ждать. Я намерен оставаться здесь до конца своих дней. И если разорюсь, то и остальные останутся без гроша. Вы купили акций, не так ли? И ты больше всех. Знаешь притчу священников: да погибнет Самсон вместе с флибустьерами.

— С филистимлянами. Чем разыгрывать трагедию, ты бы лучше объединился с мистером Бессоном.

— Он уже объединился с другими, а нам остается лишь пристроиться в хвост. А если хвост застрянет, Бессон не поколеблется его отрубить. Три года назад я сам об этом подумывал, но ты меня отговорил. А теперь уже поздно. Нес — присоединившаяся планета.

Торболи нервно расхаживает по комнате, и его голова дергается сильнее обычного. Патрене видит, что Торболи и в самом деле взволнован. Если вначале это его радовало, то теперь он и сам испытывает чувство растерянности. Он хватается газеты и протягивает Торболи.

— Да, да, в «Новой Италии» это ясно каждому. Вот, можешь полюбоваться. Сплошные предложения об открытии домов культуры и стадионов для туземцев. Как будто священники уже не позаботились об их перевоспитании. Церковь, та давно присоединилась к партии победителей. А ты строил из себя антиклерикала. Интересно, что ты имеешь против церкви?

— Это мое личное дело.

Торболи не хочет признаваться, что в юности его выгнали из духовной семинарии.

— И потом, это не лучший ход. Кстати, кто тебе запрещал ходить в церковь? Я? Если хочешь знать, я на все согласен. Лишь бы ты встряхнулся. Ты одним своим замогильным видом наводишь панику. Люди смотрят на тебя и думают, что дела обстоят хуже, чем на самом деле. Я лично остаюсь оптимистом. К примеру, Торторелли работает отлично. Берет данные и без разговоров садится за работу. Ты же...

— А что я?.. Я прикидываю в уме наши возможности. И пожалуй, кое-что придумал.

Похоже, Торболи говорит это искренне, и Патрене меняет гнев на милость.

— Раньше меня считали неминуемым банкротом. А теперь... Я не собираюсь сдаваться. Сегодня получил письмо из Рима. Родные пишут, что скоро приедут.

— Вот и отлично. Может, и твой сын приедет. Нам нужны молодые руководители.

— А я, значит, конченный человек? Нет, сын не захотел стажироваться в колонии. Теперь мы чужие друг другу. Он полон новых идей. По его мнению, наше время прошло. Дудки! Здесь я хозяин и останусь им до последней минуты.

— Отлично, приказывай, хозяин.

Торболи налил себе двойную порцию виски, вернулся, сел напротив Патрене и вопросительно поглядел на него:

— Итак?

— Итак, для начала надо сходить к Торторелли и посмотреть, готов ли баланс.

В полуподвале, где работает Торторелли, так темно, что Торболи дважды споткнулся, прежде чем добрался до кибербухгалтера.

— Как это вы умудряетесь работать в темноте?

— Привычка, дотторе, — и Торторелли включает ради гостя еще одну лампу.

— Ну, а как продвигается баланс?

— Частичный отчет уже готов.

— Разрешите, я взгляну.

Торболи с уважением глядит на сложные вычислительные машины. Сам он хорошо знаком лишь с парамагнитными элементами, отключить которые под силу только высококвалифицированному кибернетику, да и то не сразу. Если эти элементы действуют, значит, все в порядке; если они вышли из строя, немедленно срабатывает автоматический сигнал тревоги, и к месту происшествия устремляются полицейские машины.

Торболи же специализируется на людях, которыми он управляет как послушными механизмами. Взять хотя бы Торторелли — это автомат, покорно и беспрекословно подсчитывающий колонки цифр.

Кибербухгалтер протянул ему лист бумаги, и Торболи сразу взглянул на итоговую сумму.

— Так у нас огромный пассив!

— Я считал согласно вашим данным, синьор директор.

— Кретин! Тут какая-то ошибка!

— Может, я и кретин, но машина не могла ошибиться, а все данные мне дали вы. Разрешите, я включу магнитофон.

Голос кибербухгалтера звучит спокойно, и это еще больше раздражает Торболи. Услышав свой собственный голос, он бросается к магнитофону, чтобы нажать кнопку стирания. Но его останавливает рука Торторелли.

— Зря волнуетесь, дорогой директор.

Нет, это не рука, а стальные тиски! Торболи застывает на месте, и кибербухгалтер тут же отпускает его.

— Не понимаю, что вас так встревожило, любезный Торболи? Быть может, вы забыли кое-какие данные? Прошу вас, назовите дополнительные цифры, и мы проверим итог.

Торболи убежден, что кибербухгалтер втайне подсмеивается над ним. «Прошу вас», — как он это сказал, слишком уж вежливо, со скрытой издевкой! О, да он и в самом деле нагло усмехается! Жалкий карлик, подвальная инфузория смеет издеваться над ним, генеральным директором!

— Так где же ваши новые цифры?

Не в силах сдержаться, Торболи отвешивает кибербухгалтеру звонкую пощечину. И мгновенно вопль, его, Торболи, вопль, разносится по комнате. Такое впечатление, будто он ударился рукой о стену. Торторелли шагнул к нему, Торболи со стоном отшатнулся и чуть не упал.

— За что, синьор директор, за что? Поверьте, я всей душой предан вам.

Голос бухгалтера звучит жалобно, плаксиво, но Торболи отчетливо слышит в нем насмешку и злую иронию.

Он, не раздумывая, обращается в постыдное бегство. Задыхаясь, взбегает вверх по ступенькам и бросается к лифту, быстро проходит по коридору, держа правую руку в кармане. Служащие вежливо здороваются с ним, но он не отвечает, плечом отворяет дверь служебного кабинета Патрене, и еще с порога кричит Розе:

— Убирайся!

Роза глядит на него с ненавистью и уходит, лишь когда сам Патрене вежливо просит ее:

— Прошу вас, Роза, оставьте нас на время одних. Что с тобой? У тебя такой вид, будто случилось несчастье? — встревоженно спрашивает он.

Торболи вынимает из кармана руку.

— О черт, где это тебя угораздило?

— В комнате твоего Торторелли.

Рука сильно вспухла и покрылась багрово-синими пятнами. Патрене наклонился, посмотрел внимательнее.

— Ты пьян! — закричал он.

— Нет, — простонал Торболи. — Твой Торторелли — робот.

— Ро...робот?

— Да, и это ужасно. Не знаю, кто его подослал, но он робот. Я дал ему пощечину, и вот, полюбуюсь, что стало с рукой.

Патрене побледнел как смерть. Проглотив таблетку, он судорожными глотками запил ее водой из графина.

Быть того не может! Этот тихий, незаметный гномик двадцать лет служит у него бухгалтером. Да и не существует роботов с лицом человека. Нет, у Торболи определено на миг помутилось сознание. Патрене ободряюще улыбнулся ему, вызвал Розу и велел ей привести Торторелли.

— Это же безумие — звать сюда робота. — Торболи со стоном приложил мокрый носовой платок к вспухшей руке. — Надо придумать план защиты. Нам противостоит опасный и коварный враг.

— Ты начитался книг по научной фантастике, — твердо сказал Патрене. — Видел ли ты когда-нибудь робота, который бы всем и каждому позволял издеваться над собой?

— Ну, а ты когда-нибудь видел, чтобы от пощечины так вспухла рука? Посмотри.

Патрене согласен: такого не бывает. И все-таки ему не верится, что Торторелли — робот.

— Два десятка лет на моем заводе работал робот, и никто ничего не заметил! Это похоже на эпизод из приключенческого фильма. У тебя с головой явно не все в порядке.

— Ты что, считаешь меня сумасшедшим?

Торболи снова застонал, но тут же умолк — Роза ввела Торторелли. Вздурораженный, раскрасневшийся кибербухгалтер что-то невнятно бормотал, размахивая своими маленькими ручками.

Патрене схватил его за руку — она была потной и вялой. Он незаметно, кивком головы приказал Розе выйти.

Торторелли протер очки и, вытирая слезы, прошептал:

— Я предан вам всей душой. А синьор Торболи разгневался и ударил... по счетной машине. За что?

— Успокойтесь, дорогой Торторелли, — ласково сказал Патрене. — Это все шутки проклятой планеты. Да и положение наше не из легких. У кого угодно могут сдать нервы.

— Понимаю, понимаю. Но ведь я хочу вам помочь. Для меня на заводе нет секретов. И все-таки очень трудно составить баланс. А синьор Торболи вздумал все испортить.

— Вы правы, — соглашается Патрене. И, повернувшись к Торболи, приказывает: — Ну, миритесь, и поскорее.

Торболи протянул было здоровую руку кибербухгалтеру, но тут же со страхом ее отдернул.

— Не бойтесь, Торболи, не бойтесь. Пожмите руку нашему верному другу.

И Торболи принужден пожать мягкую, потную руку кибербухгалтера. Он даже выдавил из себя слова извинения и потрепал Торторелли по щеке.

— Я всегда говорил, что вы хорошие, добрые люди, — с блаженной улыбкой пролепетал кибербухгалтер.

— Надеюсь, вы поняли, что от вас требуется? — деловым тоном спросил Патрене.

— Конечно, баланс за все двадцать лет. Вот увидите, я составлю такой баланс, что он будет достовернее подлинного.

— Если все пройдет удачно, вас ждет место административного директора.

— Место Ланчерти?

— Берите выше. Вы будете стоять у Ланчерти на голове. Слово Патрене. Настал час ветеранов. Ловите же удачу, мой дорогой Торторелли.

Выйдя из кабинета, Торторелли гордо вскинул голову и хладнокровно выдержал ледяной взгляд, которым его наградила Роза. «Этот гномик возомнил о себе невесть что. А патрон давно уже перестал делиться со мной своими планами. Какие все подлецы!»

И когда из кабинета выходит Торболи, придерживая бессильно повисшую руку, она с чрезмерной заботливостью спрашивает:

— Что с вами, дотторе? Вы ударились о дверь?

— Вы не ошиблись, — цедит сквозь зубы Торболи, напрасно пытаясь убедить себя, что он и в самом деле ударил не Торторелли, а счетную машину.

Патрене наконец-то понял, что правительство Земли, по сути дела, защищает его от Ассоциации слаборазвитых планет. Нес будет включен в состав Галактической Федерации, лишь когда это окажется выгодным землянам. А пока надо использовать в своих интересах кали, местных властителей. Хоть они и выучились читать и писать, Патрене не может преодолеть к ним антипатию. От них исходит такой отвратительный запах, как, впрочем, и от всех туземцев; подойти к ним и то неприятно. Торболи эти «фокусы» Патрене просто бесят.

— Почему бы тебе не посмотреть, как с ними беседует Бессон?

— Вы с этой Кьяри и так слишком часто его навещаете.

— Приходи вечером, и ты научишься кое-чему полезному. Кстати, Бессон разработал план, который он намерен представить правительству. Мы, промышленники Неса, должны объединиться, иначе государство нас проглотит.

— Об этом я и сам догадался, дорогой Торболи. Министр колоний в последнее время что-то слишком много путешествует. Впрочем, министров я не боюсь. Я всегда смотрю им прямо в лицо. Хочу убедиться, есть ли у них рот. Если есть, то всегда можно договориться.

— Э, твой метод хорош для мелкой рыбешки, в крайнем случае для губернатора, который, кстати, в последний момент оставил тебя в дураках. Но для министра он не подходит. А вот если б все промышленники Неса объединились, мы могли бы сыграть на равных и с министром. Посмотри, дорогой мой, на жителей Веги, они-то умеют играть дружно, всей командой. Попробуй-ка забить им гол. И вообще что ты понимаешь в галактической политике?

— К твоему сведению, я принадлежу к тем людям, которые сами пробивали себе дорогу.

— Ваше время прошло, нужно перестраиваться.

— Ты рассуждаешь, как мой старший сын.

— Сыновья стали умнее отцов. У экономики — свои железные законы. Сегодня еще большее значение приобретают программирование и совместные действия.

— Знаю я эти басни Бессона. Уж очень ему хочется все заграбастать и отправить меня на пенсию.

— При чем тут пенсия? В современной промышленности нет места для индивидуальных действий. Все должно быть предельно функционально.

— Интересно, какую функцию выполняет у этой старой развалины Бессона синьорина Кьяри?

Патрене разошелся. Он изрыгал столь замысловатые и непристойные ругательства, что Торболи невольно рас-

смеялся. Только тогда Патрене изменил тон. Помолчав, он со вздохом сказал:

— Я знаю, что проиграл. Но предпочитаю уступить скорее Бессону, чем моему сыну.

Торболи молча кивнул головой. Патрене передернуло. Желая досадить своему генеральному директору, он выпалил:

— Ладно, я приду сегодня вечером, но прихвачу с собой Торторелли.

— Что-о-о?

— Пригласи его. Ведь он единственный, кто нам бескорыстно помогает.

— Нет уж, приглашай его сам. Я не намерен с ним встречаться.

— Почему вдруг?

— Мне не нравится выражение его лица. Он разговаривает со мной как равный с равным. Стал одеваться по моде, подстриг свои космы. Ненавижу новоиспеченных чистюль.

— А как же твой хваленый архив? — Патрене от души расхохотался. — Ты называл его кретином, помнишь? А он, оказывается, тебя перехитрил.

Торболи поспешил уйти. Его маленькие злые глазки пронзают насквозь двух идущих навстречу служащих. Роза нагло поворачивается к нему спиной. Ничего, он с ней еще рассчитается.

Патрене нажимает кнопку и приказывает Розе вызвать Торторелли.

Ровно через двадцать секунд Роза докладывает:

— Торторелли говорит, что не может прийти; у него срочное дело.

— Предупреди его, что я сам спущусь вниз. Понимаешь, речь идет о важном деле.

Что за чушь, он — хозяин завода, а этот жалкий смор-

чок бухгалтер осмеливается не выполнить его приказание! Ладно, сейчас он ему покажет.

Он выходит из кабинета, важно выпятив живот, по дороге успевает игриво потрепать по щеке молоденькую служащую и лишь затем не спеша спускается в бухгалтерию.

— Зажги свет! — еще с порога приказывает он Торторелли.

— Разве ты не хвалился еще вчера, что у тебя орлиный взор? — ответил из полутьмы иронический голос.

У Патрене часто и гулко забилося сердце.

— С каких это пор всякий жалкий червяк смеет называть меня на «ты»? Да ты хуже...

— А разве ты обращаешься ко мне на «вы»?

И в тот же миг ярко загораются сразу все огни. Патрене растерянно хлопает ресницами и лишь тут замечает Торторелли — кибербухгалтер развалился в кресле.

— Так вот как мы работаем!

— Думать — это тоже работа, и нелегкая.

Торторелли протяжно зевает.

— Конечно, была бы в отделе приличная счетная машина, мне не пришлось бы напрягать мозги. Мне нужна машина наподобие вот этой.

Он убрал ноги со стола, наклонился и вынул прямоугольную пластмассовую пластинку.

— Ну-ка, взгляни.

— Похоже на рентгеновский снимок. Зачем он тебе?

— Не туда смотришь.

Торторелли разгладил лист.

— Расчет вероятности происходит одновременно с секторным расчетом. А это экономит уйму времени. Кто тебя надоумил, дорогой Патрене, купить такую допотопную счетную машину? Как-никак мы — самое крупное предприятие во всей «Новой Италии».

Патрене сразу утратил всю свою самоуверенность.

— Но Торболи утверждает...

— Что он понимает, твой Торболи. Заставляет своих агентов снимать порнографические сценки из интимной жизни инженера Корбелли, стремясь запугать этого бездельника. Да в Галактике полным-полно куда более толковых инженеров. Торболи хочет держать всех в кулаке. Знаешь, на кого он похож? На туземного кали.

— Откуда тебе известно про микрофильмы?

— Но об этом все знают. Ты ублажаешь этого Торболи, словно он курочка, которая непременно снесет золотое яичко.

— Ну, положим, специалист он отличный. Сам Бессон не прочь его переманить.

— И ты в это веришь?

Торторелли грустно улыбается. Он и сам не может понять, какого дьявола ему вдруг вздумалось давать советы хозяину.

— Бессон хочет околпачить тебя, дорогой Патрене. Ты можешь продать дом, элиспринт, даже собственные штаны, но не продавай контрольного пакета акций. Впрочем, ты промышленник и разбираешься в подобных вещах лучше меня.

— А ведь ты прав. — Патрене садится рядом с кибер-бухгалтером и доверительно говорит: — Знаешь, Торболи предлагает мне слиться с Бессоном.

Торторелли снова кладет ноги на стол.

— Отлично. Ликвидируем «Новую Италию», и скоро здесь тоже будут хозяйничать американцы. Кажется, ты говорил, что тебе дорога наша страна?

— При чем здесь наша страна?

— Неужели ты не понимаешь, что раз Бессон заигрывает с тобой, значит у него есть на то свои расчеты?

— Я понимаю, но ведь другого...

— Ты позволяешь Торболи командовать собой.

— Я? Прошу не забываться! Помни, кто ты!

— Да, я бухгалтер. Я не Торболи. Ты хозяин, а я служащий. Каждому свое. Поэтому перейдем снова на «вы». Я работаю, потому что вы платите мне за это. Ни о какой дружбе между нами не может быть и речи. Я не рвусь к власти, как Торболи. Всяк сверчок знай свой шесток.

Он изрекает одну сентенцию за другой, а сам думает: «Как вы мне все надоели». Зайскивающий хозяин хуже хозяина высокомерного, но Торболи хуже всех.

— Верите ли, Патрене, когда я был ничем, пешкой, мне было куда лучше, чем теперь. Только тогда я и чувствовал себя счастливым.

— А я никогда не был счастливым.

— Знаю,— невольно вырвалось у Торторелли.— Когда мы оба были молоды, я завидовал вашему росту, красоте, богатству. Но вскоре эта зависть прошла. Не догадываетесь, когда именно? Так вот, когда улетела ваша жена...

Торторелли думает, что уязвил патрона в самое сердце, но тот растроганно бормочет:

— Только вы меня понимаете.

Торторелли в замешательстве делает вид, будто вновь принялся за работу.

— Мы с вами одиноки,— вкрадчивым голосом продолжает Патрене.— Почему бы нам не сходить вместе к мистериу Бессону на коктейль?

— Сегодня вечером не могу. Хочу послушать «Гамлета».

— По телевидению передают несколько футбольных матчей. Я попрошу Розу заснять их на микрофильм.

— Это не матч, а старинный театр. Мне нравится. Кстати, у меня есть своя записка.

— Вот и отлично. Завтра ее прослушаете.

— Нет, сегодня вечером. Это успокаивает нервы.

— Примите таблетку. Мне важно знать ваше мнение.

— Я стараюсь не принимать таблеток. Неужели мое мнение что-либо значит для вас?

— О господи, ну конечно.

Торторелли понимает, что отказаться не удастся: хозяин, очевидно, решил использовать его против Торболи либо в своей игре против этого американца.

— Хорошо, я приду.

— Могу подбросить вас на моем элиспринте.

— Спасибо, я сам умею водить. Кстати, когда вернется Ланчерти?

— Точно не знаю. Но, во всяком случае, не скоро. Можете быть спокойны.

Кибербухгалтеру неприятен квохчущий смешок Патрене, который неторопливо направился к выходу. Он, Торторелли, не доверяет ни Торболи, ни Патрене — настоящие бандагалы. Лет десять назад он смотрел фильм «Галактическая банда», в котором двух главных героев все называли коротко — бандагал. Как раз в то время при таинственных обстоятельствах погиб владелец «Персея» — главный конкурент «Новой Италии». Поговаривали, что в этой темной истории были замешаны Торболи и Патрене. Но прямых доказательств не было, и вскоре разговоры прекратились.

А недавно Ланчерти вылетел на ракетоплане по специальному заданию. Ему, административному директору «Новой Италии», известно очень многое. Впрочем, этот Ланчерти и сам хороший бандагал, только в миниатюре. И вообще дело не в Ланчерти, а в том, что он, Торторелли, ненавидит всякое насилие. К тому же он понимает, что его самого ждут крупные неприятности. Он бы и рад отступить, но уже не в силах. После долгих лет скучной, однообразной жизни он вдруг открыл всю заманчивость опасной борьбы. Каждый вечер он изливал душу Бедному

Йорику и неожиданно для себя вдруг обнаружил, что ему приятно быть заметной персоной.

...От визита к Бессону отвернуться не удалось. Тщеславию Торторелли льстит, что теперь все его замечают, его, маленького, прежде совершенно неизвестного человечка, каждый торопится с приветливой улыбкой позвать ему руку.

Но вскоре им опять овладевает скука, и он готов бросить все к чертям. Если бы только не один любопытный план... Он смотрит Торболи прямо в лицо и на какой-то миг встречается взглядом с бегающими глазками генерального директора. И во взгляде каждого из них нетрудно прочесть: «Как ты мне ненавистен!»

Мистер Бессон ни на шаг не отпускает от себя Патрене, Владелец «Новой Италии» до того расхваливал своего кибербухгалтера, что американец посчитал нужным любезно ему улыбнуться.

— Так и должно быть. Мир принадлежит техникам, — с важным видом изрекает он.

Торторелли без труда читает мысли этого старого волка: он мечтает о создании межпланетного картеля, который мог бы противостоять объединению промышленников Веги и Антареса. Будем надеяться, что старый хрыч скоро преставится. Впрочем, таких, как Бессон, в мире немало...

— Дотторе Торторелли, вы меня даже не слушаете.

Черная бахрома ресниц еще сильнее оттеняет красоту синих глаз, и Бенедетто Торторелли, чтобы избавиться от их чар, должен дважды повторить себе, что их блеск точно соответствует сумме его будущей заработной платы, вычисленной со скрупулезной точностью.

— Простите, что вы сказали, синьорина Кьяри?

— Ваша рассеянность меня не слишком вдохновляет.

Я сделала вам комплимент, сказала, что вам очень к лицу новая прическа. И потом, эта милая улыбка... Прежде я не видела, чтобы вы улыбались. У вас красивые зубы.

— Благодаря хорошему зубному врачу.

Он пытается держаться непринужденно, но чувствует, что невольно краснеет, и Къяри, понятно, тут же это замечает.

А она весьма и весьма привлекательна и сравнительно молода, даже если учесть, что ей доступны новейшие достижения косметики.

— Простите, меня зовут.

Он обращается в постыдное бегство и, конечно же, натывается на мистера Бессона.

— О, я вижу, вы боитесь красивых женщин?

К ним подходит синьорина Къяри.

— Я боюсь из-за женщин потерять драгоценное рабочее время,— отшучивается Торторелли.

Он вынимает из внутреннего кармана пластмассовую пластинку и обращается к Бессону:

— На ваших заводах работают новейшие вычислительные машины. А вот этим вы пользуетесь?

— Рентгеновскими снимками,— вырвалось у Патрене.

Мистер Бессон окинул его презрительным взглядом.

— Наш друг Патрене, как всегда, удивительно остроумен. Это же...— он ждет, что Торторелли придет к нему на помощь, но тот хранит невозмутимое молчание.

Бессон поднял пластинку повыше и поискал глазами своего технического секретаря, но и тому странный прямоугольник ничего не говорит.

— Где вы это приобрели? — вынужден был спросить мистер Бессон.

— Секрет фирмы,— смело отвечает Торторелли.

Патрене довольно ухмыляется, а пластинка переходит из рук в руки.

— Похоже на секционное счетное устройство,— высказывает наконец предположение старший кибербухгалтер Кларк.

— Вот именно,— подтверждает Торторелли и забирает пластинку.— Я с первого же взгляда понял, что этому изобретению принадлежит будущее. Но нашим дамам, очевидно, наскучили технические разговоры. Они предпочитают танцы. Синьорина Кьяри, разрешите вас пригласить.

Синьорина Кьяри охотно принимает приглашение. Ее ресницы хлопают, словно крылья бабочки. Торторелли подпрыгивает, вертится волчком, но не упускает из виду беседующих о чем-то промышленных магнатов. Патрене явно хочется с ним поговорить. Вот он отделяется от группы и подходит к танцующим.

— Дорогая Кьяри, не могли бы вы поискать доктора Торболи?

Едва та отошла, как Патрене не выдержал:

— Объясните же наконец, в чем секрет этого изобретения?

— Потом, потом. Видите, они тоже ничего не знают. Ни под каким видом не подписывайте соглашения. Я сейчас потихоньку улизну. Нужно срочно кое-что проверить. Потом все расскажу. А пока держитесь твердо, не уступайте.

И он незаметно уходит, довольный, что спутал планы Бессона, которому не терпится прибрать к рукам «Новую Италию». Патрене в растерянности застыл посреди зала. Рядом с ним очутилась жена одного из кали, молодая, на редкость красивая несианка. У нее смуглая кожа, длинные изумрудного цвета волосы короной уложены на маленькой изящной голове. Патрене вынужден пригласить ее на танец. Он весьма старательно и столь же безуспешно убеждает себя, что она уродка, но не в силах отвести взгляда

от ее лица с легким зеленоватым пушком. Спасение приходит в лице Торболи.

— Что тут происходит? Куда исчез Торторелли?

— Не кричи. Тебя могут услышать. Он поехал на завод.

Торболи не удовлетворен ответом, ему не нравится, что Торторелли отправился на завод ночью. Разумеется, здание надежно охраняется, но все-таки этот бухгалтер подозрительный тип и за ним не мешает проследить. Торболи, а затем и Патрене под благовидным предлогом исчезают с банкета.

Кто-то отлично знает, как заблокировать парамагнитные элементы и что именно нужно выкрасть. Он осторожен, но очень уверенно двигается в темноте. В здании пусто, оно, собственно, и не нуждается в охране — через дверь-автомат может пройти лишь тот, кто имеет на это право. Перед любым незваным гостем дверь мгновенно захлопнется, и рев сирены поднимет по тревоге полицию. Между тем кто-то беспрепятственно поднимается на самый верхний этаж и проникает сначала в кабинет Патрене, а затем — Торболи.

Со своего рабочего места Торторелли слышит шум элиспринта Патрене, но продолжает спокойно сидеть — пусть хозяин поищет его и убедится, что он занят подсчетами.

Однако Патрене и Торболи не спешат в полуподвал. Они проверяют парамагнитные элементы, а затем поднимаются наверх. Торболи влетает в свой кабинет — открывает одну папку, другую, кажется, все в порядке. Да и парамагнитные элементы не повреждены, значит, сюда никто не мог проникнуть.

— Что я тебе говорил? — в голосе Патрене звучит торжество победителя. — Ты помешался на шпионах. Торторелли предан нам душой и телом. Но раз ты сомневаешься, давай проверим. Документы хранятся в правом нижнем ящике. Так, все на месте. Теперь остается лишь сходить в мой кабинет... там в сейфе лежит изрядная сумма. Но я уверен в честности Торторелли, абсолютно уверен. Идем, чего же ты застыл, как изваяние?

Торболи хотелось бы внимательно просмотреть все папки, но он не может этого сделать в присутствии Патрене — ведь самое объемистое досье собрано именно на хозяина. Волей-неволей ему приходится отправиться вместе с Патрене в кабинет шефа.

Патрене открывает сейф и, торжествуя, махнув рукой, захлопывает его.

— Документы хранятся и в приемной Розы, — замечает генеральный директор.

— Тебе не кажется, дорогой Торболи, что это уж слишком?

Однако Торболи настаивает. Наконец до Патрене доходит, что его интересуют секретные документы, которые они оба подписывали.

— Они в этом ящике.

— Тут их нет.

— Значит, Роза спрятала их в место понадежнее.

Узенькие глазки Торболи рыскают по углам, руки лихорадочно листают папки.

— Странно, что нет именно этих документов.

— Не будь идиотом. Я же тебе сказал, что Роза...

Щеки Патрене позеленели, как у туземца, в голосе звучит растерянность. Но Торболи ему не верит, может, он просто разыгрывает комедию.

Патрене хватается за сердце, проглатывает таблетку и снова повторяет:

— Вот увидишь, их куда-то спрятала Роза.

Но сам он не очень-то в этом уверен, потому что вдруг говорит:

— Пойдем к Торторелли. Мне нужно побеседовать с ним кое о чем.

Патрене первым выходит из приемной. Парамагнитные элементы в сохранности, в лифт никто не садился, двери закрыты.

Тем временем Торболи проверил парамагнитные элементы на верхних этажах. Патрене спускается в вестибюль и садится в кресло. Он понемногу успокаивается — ну конечно же, Роза спрятала документы подальше от всевидящего ока Торболи.

Он вызывает своего генерального директора по внутреннему телефону:

— Торболи, я в вестибюле, спускайся и ты.

Но Торболи не торопится. Наконец слышится потрескивание лифта, и из кабины выходит Торболи. С ним явно что-то неладно.

— Я... я был в туалете.

— Тебе что, плохо?

— Да, немного перепил виски.

Патрене пристально смотрит на своего компаньона — э, нет, тут дело не в одном только виски: руки у него дрожат, глаза запали. На Торболи это непохоже.

Торболи понимает, что надо что-то придумать, сейчас, сию же минуту. Не может же он сказать, что пропало досье на Патрене, причем ни один из парамагнитных элементов не поврежден.

— Мне слышалось, будто кто-то ходит наверху. Я проверил, но там никого не оказалось.

— Тебе последнее время всюду мерещатся воры и шпионы. Если меня одолела одышка, то тебя — галлюцинации. Однажды ты уже принял Торторелли за робота.

— Будь он роботом, все стало бы понятным,— прохрипел Торболи, не на шутку испугав Патрене.

— Знаешь, я устал, и мне надоело слушать твои бредни.

Патрене направился к двери, ведущей в бухгалтерию, но Торболи решительно преградил ему дорогу.

— К твоему сведению, у меня тоже пропал документ.

— Это что еще за новость?

О, Торболи не шутит: украсть документы на двух разных этажах, не повредив парамагнитных элементов, способен только специально обученный робот. Но это же чепуха, сущая нелепица. Такое бывает лишь в научно-фантастических фильмах. Инстинктивно оба заговорили совсем тихо, почти шепотом.

— Дорогой Патрене, все совпадает. Он — робот. Вот только кто его подослал?

— Но ведь он уже двадцать лет работает в управлении.

— А ты можешь поручиться, что наши соперники не убили подлинного Торторелли, когда узнали, что он будет кибербухгалтером «Новой Италии»? Они-то и подсунули взамен робота. Впрочем, это могло быть и делом рук правительства.

Патрене тоже не в силах понять, кому именно понадобилось подослать к ним робота. Он безуспешно пытается собраться с мыслями.

— Надо подумать, надо подумать,— машинально твердит он, утирая обильно струящийся по лицу пот. Он тяжело опускается в кресло и, пожевав губами, выдавливает из себя: — Допустим, что Торторелли — робот. Тогда главное: можно ли его подкупить?

— Навряд ли, это же не человек, а механизм.

— Нет, все-таки ты ошибаешься. Возможно, этот гномик — гений зла, но он не робот. Парамагнитные элементы придуманы человеком, значит, он в состоянии и блоки-

ровать их. Торторелли — человек. А раз так, с ним можно и нужно договориться о цене,— решительно говорит Патрене и встает.

— Черт побери, мы в его руках,— бормочет Торболи, спускаясь за Патрене в полуподвал.

При звуке шагов Торторелли подсел к вычислительной машине и стал проверять клеммы.

— Будем откровенны,— еще с порога говорит Патрене.— У меня возникли кое-какие сомнения.

Торторелли, не оборачиваясь, показывает на аккуратно разложенные бумаги.

— Эти бумаги говорят сами за себя. Остается только подработать последние данные. К счастью, мистер Бессон скорее самовлюблен, чем умен, а его эксперты совершенно не знают вегианских машин и приборов. Если вы не продадите «Новую Италию», все будет в порядке.

— Это еще что за разговоры?! Предприятие принадлежит мне. И я поступлю, как сочту нужным.

— Как только вы продадите завод, я уйду. Но прежде вам придется пережить несколько неприятных минут.

— Не надо горячиться, успокойтесь,— вмешивается в разговор Торболи.— Сколько вы хотите, Торторелли?

— Мне деньги не нужны. Откажитесь от продажи завода.

— На кого вы все-таки работаете? — не выдерживает Патрене.

— На себя, во имя идеалов. Вам этого не понять.

— Но Бессон готов заплатить вам куда больше.

— Плевать я хотел на деньги. Мне противно работать с ним. И потом... Я же вам сказал, что Бессон блефует. Я подготовлю такой баланс, что все ахнут.

— Значит, вы на нашей стороне?

— Конечно. Ведь мы земляки. Продать завод вы всегда успеете. Баланс наверняка примут без возражений.

— А правительственные чиновники? — спрашивает Торболи.

— Они ничего не заподозрят. Вы опытные дельцы и сумеете убедить самых дотошных ревизоров. Через десять дней баланс будет окончательно готов, и тогда...

— Десять дней много, — прервал его Патрене. — Даю вам неделю.

— Будь у меня новая счетная машина, я бы уложился. А так мне нужно минимум десять дней.

— Слишком много, — начал было Патрене, но Торторелли уже погасил центральную люстру.

— Завтра вы сами убедитесь, что я прав. Уже поздно, и нам всем не мешает хорошенько отдохнуть.

Он первым направился к выходу, а за ним поплелись Патрене и Торболи. Генеральный директор что-то бурчал себе под нос. В коридоре Торторелли внезапно остановился.

— Тихо!

На верхнем этаже послышались шаги.

— О господи, бандиты! — простонал Торторелли. — Скорее в подвал!

Он бросился вниз по лестнице, Торболи и Патрене — за ним.

— Скорее закройте дверь. Зажгите свет. Нужно дать сигнал тревоги. Постойте, с вами никто не приходил?

— Никто, никто! — истерично крикнул Патрене. — Где сигнал?

— Там, — дрожащей рукой показал Торторелли.

Патрене и Торболи едва успели заметить кнопку на письменном столе, как погас свет.

— Проклятье, я ничего не вижу, помогите! — кричит Патрене.

— Руку, скорее дай руку, — отзывается из темноты Торболи.

С грохотом падают стулья, Патрене совсем было доб-

рался до письменного стола, как вдруг чьи-то металлические клещи обхватили его сзади. Торболи кинулся к столу и уже нащупал кнопку, но в тот же миг невидимый враг тисками сжал ему шею.

— Свет, свет! — из последних сил прохрипел он.

— Нашел! — закричал Торторелли.

Пронзительно завывала сирена. Патрене и Торболи с великим трудом поднялись с полу, все еще не веря, что остались в живых.

Зажегся свет — Торторелли, навалившись грудью на стол, обеими руками впился в рычаг.

— Помогите, плечо сильно жжет, — стонет Патрене.

— Вы ушиблись? — заботливо спрашивает Торторелли и... застывает с раскрытым ртом.

Не в силах вымолвить ни слова, он показывает на распахнутую дверь.

— Кто мог ее открыть? — наконец выдавливают он из себя.

Патрене и Торболи, не отвечая, в ужасе глядят на дверь. Проходит минута, другая — никого.... Затем до них доносятся пронзительный вой полицейских сирен.

— Мы спасены, спасены! Слышите? Они уже приземляются, — радостно кричит Торторелли. — Надо открыть входную дверь. Скорее, скорее. Не то они ее взломают.

Он помогает Патрене встать со стула и первым устремляется наверх.

На заводском дворе уже полно полицейских. Не успел Торболи толком объяснить, что случилось, как полицейские бросились обыскивать служебные помещения. Они проверили все парамагнитные элементы — ни один не поврежден; в здании пусто.

— Они успели удрать. Немедленно организуйте погоню, — приказывает полицейский офицер подчиненным. — У вас что-нибудь пропало, синьоры?

— Деньги, кажется, целы. Но точно сказать не могу, еще не успел как следует проверить,— отвечает Патрене.

— Мы их настигнем. Они не могли уйти далеко,— говорит офицер, направляясь к выходу.

— Кого именно? — спрашивает Торболи.

— Ясное дело, туземцев,— уже в дверях отвечает офицер.

— Простите, лейтенант, но как им удалось беспрепятственно войти и выйти, не повредив парамагнитных элементов? Для этого даже специалисту понадобилось бы несколько часов. Конечно, если он не применит парочку бомб.

В голосе Торторелли звучит насмешка.

Полицейский офицер подозрительно глядит на него.

— Но ведь сигнал тревоги сработал автоматически.

— Нет, это мы дали сигнал,— отвечает Торторелли.

Офицер после секундного замешательства решительно объявляет:

— Кражи со взломом, очевидно, не было, но шаги-то вы слышали. Значит, что-то преступники наверняка украли. Не беспокойтесь. Я доложу начальству. Мы непременно отыщем виновных. Произведем обыск в резервации туземцев. Арестуем всех подозрительных.

— Довольно! — крикнул Патрене и тут же схватился за грудь. — Да вы не то что в полицейские, в дворники не годитесь! Туземцы все придумали? Это же курам на смех. Я сам поговорю с вашим начальством.

— Успокойтесь, коммендаторе, успокойтесь,— встревоженно говорит офицер. — Раз они ничего не украли, то...

— Значит, по-вашему, я должен терпеть, чтобы ночью по моему заводу спокойно разгуливали бандиты? Зачем же я тогда плачу налоги? Чтобы вы спали, ели и ничего не делали?

Лейтенант попятился назад.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, мы примем все меры, арестуем...—и выскочил на заводской двор.

— Тщательно осмотрите местность, пядь за пядью, обыщите близлежащие дома,— грозно приказал он.

Патрене его даже не слушает. Он устало идет к элиспринту, за ним плетутся Торболи и Торторелли.

— Хотите подвезу? — предлагает Патрене.— Кстати, где ваш элиспринт, Торторелли?

— Я брал его напрокат, а теперь вернул законному владельцу. Он стоит кучу денег.

— А вы, милейший, скуповаты,— бросает Патрене.

— Зарабатываю мало. Вот когда мне повысят зарплату, я непременно куплю элиспринт. Тогда девушки будут меня безумно любить.

Патрене и Торболи обменялись многозначительным взглядом.

Торторелли пришел на службу поздно. Сонный, вялый, он спустился в бар, чтобы выпить чашечку кофе, и увидел Къяри.

— О дорогой Торторелли, мы все наслышаны о ночном приключении. Вам не было страшно?

— Это я дал сигнал тревоги.— В глубине души ему приятно чувствовать себя героем.— Да, кстати, как вас зовут?

— Родителям вздумалось назвать меня Миртой. Сейчас девушку с таким именем редко встретишь.

— Нет, это очень красивое имя.

И, стараясь не выдать своего волнения, он раскланялся.

В полуподвале темно, он зажигает свет, но ему что-то сегодня не работается. Он встает и отправляется к шефу. В коридоре путь ему преграждает Роза. Сделав печальное лицо, она участливо произносит:

— Как вы себя чувствуете? Приятную ночку мы пережили, нечего сказать!

Роза аккуратно вытирает слезу, стараясь не размазать тушь на ресницах.

«А Торторелли совсем неплохой человек. Не то что Торболи».

— При моем слабом сердце такие волнения просто губительны.

— Знаете, милая Роза, по-моему, это дело рук галактической банды. Тут работали профессионалы. Они ничего не украли?

— Нет,— поспешно, слишком поспешно отвечает Роза.— А разве существуют галактические банды?

— Дорогая моя, в наш век даже банды не могут обойтись без первоклассных специалистов. Сама организация осталась прежней: главарь банды занимает какой-нибудь ответственный пост в министерстве, и до него полиции не добраться. Вы на Несе уже два десятка лет и, конечно, должны знать, что галактических бандитов называют бапдагалами.

Роза в растерянности смотрит на него.

— Вы это серьезно?

— Но ведь совсем недавно известный журналист из «Галактического курьера», кажется Сантарелли, написал об этом целую серию прелюбопытных статей. Эти люди знают свое дело.

Торторелли начинает перечислять, загибая пальцы:

— В банду обычно входят киллергал, жестокий и безжалостный убийца, астроганг...

— Не может быть! — в испуге восклицает Роза.

— Физиоганг, киберганг,— невозмутимо продолжает Торторелли.— Словом, целая банда превосходных специалистов. И тут нечему удивляться. Представьте себе, дорогая Роза, сколько инженеров зарабатывают буквально

гроши. Чаще всего бандагалы укрываются на каком-нибудь астероиде. Не исключено, однако, что они избрали своей базой какую-нибудь слаборазвитую планету, скажем, Нес. Ведь мы построили большие города, а во многих болотистых районах даже сторожевых постов нет. «Новая Игалия» — крупный промышленный комплекс, и наших конкурентов не остановят никакие моральные соображения. Промышленный шпионаж — вот их главное оружие. Прибавьте к этому политические цели, и вы поймете, на что способны наши «друзья» вроде мистера Бессона.

— У вас есть реальные доказательства?

— Конечно нет, дорогая Роза. Главари достаточно хитры и обычно остаются в тени.

— Мы подписали предварительное соглашение с мистром Бессоном. И он вряд ли заинтересован теперь в нашем крахе.

— Оно уже вступило в силу?

— Пока еще нет. Но у меня есть серьезные подозрения. Кое-кому наш шеф давно стоит поперек горла.

— Отлично сказано. Амбиция порой толкает людей на самые невероятные поступки. Будьте внимательны, Роза. А я всегда рад вам помочь. Да, кстати, мне нужно поговорить с шефом. Проведите меня, если вам не трудно.

Роза растроганно протягивает ему руку, и Торторелли с жаром пожимает ее.

Когда Роза, улыбаясь, ввела кибербухгалтера в кабинет, Патрене и Торболи даже привстали в креслах. Неожиданный «пакт о дружбе» между секретаршей и Торторелли по разным причинам обеспокоил обоих хозяев «Новой Италии».

— А вы совсем неплохо выглядите, — с порога бросает Торторелли.

У Торболи рука в гипсе, и в своей темной рубашке он очень похож на крохотного динозавра. Патрене же бук-

вально утопает в бинтах. Он тоже напоминает доисторическое животное, но только из детских фильмов. Оба глядят друг на друга исподлобья, и совершенно очевидно, что один подозревает другого в краже. Кибербухгалтер широко улыбается.

— Нет, вы просто молодцы. А я бы без успокоительных таблеток вообще не добрался до работы.

— Не забывайте, что вы на службе,— проскрипел Торболи.

— Есть ли какие-нибудь новости? — словно не замечая раздражения генерального директора, спрашивает Торторелли.

— Никаких, — бурчит Торболи.

— Надеюсь, вы-то не считаете, что тут поработали бандагалы? Кстати, что, собственно, украли?

— Ничего, ровным счетом ничего,— мрачно отвечает Патрене.

Торторелли расплывается в улыбке.

— Замечательно. Значит, я вовремя подал сигнал тревоги. Но что они все-таки искали? Деньги, секретные документы? Ведь у каждой фирмы есть секретные документы. И часто они оказываются грозным оружием в борьбе...

— На что вы намекаете? — не выдерживает Торболи.

— Вам лучше знать.

— Мне?!

— Разве у вас нет специального архива? А кое-кому это может не нравиться.

— Теперь все ясно,— вырвалось у Патрене.— Кто-то решил завладеть твоими документами, а ты...

— Пропали документы? — с невинным видом спрашивает Торторелли.

— Ничего не пропало. И вообще это не твое дело,— взрывается Торболи.— Возвращайся на свое рабочее место!

— Сию минуту! Я только вот что хотел бы заметить.

Возможно, бандитов интересовал электронный мозг. Тогда мы просто чудом избежали страшной опасности. А полиция, как видно, пребывает в бездействии?

— Арестовали нескольких туземцев, — говорит Торболи. — Надо же ей выказать свое рвение.

— Простите, но при чем здесь туземцы?

— Разумеется, ни при чем, — отвечает Патрене. — Возможно, в этой истории замешаны кали, хотя...

— Вот их и надо было арестовать! — восклицает Торторелли.

— Э, нет, с кали обращаются очень вежливо, даже чересчур. Расплачиваться, как всегда, придется простому люду. Но если они и невиновны, я лично буду только рад.

— Еще бы! Какой удобный предлог, чтобы арестовать всех недовольных! Но я бы на вашем месте, хозяин, потребовал их освободить. Пусть лучше полиция всерьез займется розысками настоящих воров.

— Поскольку ты пока еще не на моем месте, то возвращайся к себе, и побыстрее, — отрезал Патрене.

Торторелли понял, что сейчас не время спорить, и молча отправился к себе.

Разумеется, он не отвечает за действия полиции, но ему все же очень неприятно, что пострадали туземцы. Он-то думал, что сумеет заранее рассчитать все ходы, свои и противника, а партия, увы, складывается не в его пользу.

— Куда вы так торопитесь, дорогой Торторелли?

А, это опять она, Мирта. Интересно, что ею движет, любопытство или расчет? А быть может, ее подослали эти два бандагала?

— Какой вы занятный, — кокетливо говорит Мирта.

Ну, что ж, он рад, нет, просто счастлив пригласить ее поужинать в ресторан.

Бедный Йорик не наделен эмоциями и не в состоянии оценить по достоинству смелое решение Бенедетто.

— Понимаешь, иной раз ее глаза приобретают желтоватый оттенок, совсем как дженциана, которую я сейчас пью,— обращаясь к роботу, говорит он.— В ней чувствуется стиль. А это для женщины главное... Нет, к дьяволу Мирту, поговорим лучше о моих дорогих бандагалах. Поверь, мне их ничуть не жаль. У судьи не должно быть жалости. Иначе он потеряет решимость, станет похожим на Гамлета. Но, увы, Бедный Йорик, мне так и не удалось остаться равнодушным. Меня это веселит. Я наслаждаюсь их страхом. Посмотрел бы ты на них сегодня! Жалкие людишки. Но именно жалкие людишки, друг мой, и способны на самую большую подлость. Знаешь, мне даже приятна роль беспощадного судьи. Может, потому, что я почти двадцать лет провел в полном одиночестве? И теперь любая роль кажется мне увлекательной. Например, роль лжеца. Видел бы ты, какие лица были у экспертов «Новой Америки», когда я показал им пластинку! А ведь я и в самом деле могу изобрести новую счетную машину. Она бы очень пригодилась крупным промышленникам, скажем Бессону... Э, кажется, моя совесть начинает ржаветь.

Бенедетто умолкает. Он даже роботу не решается признаться в том, что, когда он смотрел на американца, у него мелькнула дикая мысль. «Ты — нет, а вот я действительно мог бы создать мощный блок против всех промышленников Веги».

О, власть кружит людям голову сильнее вина. Мирту может поразить только титан, хоть рост у него, Торторелли, всего лишь полтора метра. Но какими же подлыми средствами люди добиваются власти!

Он снова вспоминает о туземцах, которые сидят сейчас в тесных и сырых тюремных камерах. «Да, но я-то здесь при чем? Хотел бы я знать, как бы поступили другие на моем месте? Надо мной прежде все смеялись — и земляне, и туземцы. Кто хоть раз пожалел меня?» Но он сам пони-

мает, что его доводы неубедительны, и громко прокликает тот день, когда вздумал заняться философией. Еще Сократ говорил: «Познавши однажды добро, его волей-неволей приходится применять и дальше». Э, кто теперь вспоминает о каком-то Сократе? Он был дикарь, не знакомый ни с антиматерией, ни с парамагнетизмом. Рассуждал о морали... А мораль — это роскошь, она слишком дорого стоит.

— Ну, чего ты стоишь как истукан? Дай мне еще вина.

И тут робот сказал:

— На сегодня хватит.

— Что значит хватит? Я хочу пить.

Он протянул бокал дрожащей рукой и жалобно захныкал:

— Робот и тот перестал мне подчиняться. Ты тоже не любишь меня.

Робот бережно, но твердо взял у него бокал.

— Степень опьянения превышает допустимый предел.

— Но я хочу забыться, Бедный Йорик.

— Если Бенедетто отчаивается, значит, он устал. Он отдохнет, и завтра жизнь снова ему улыбнется.

Это его собственный голос, спокойный и невозмутимый.

— Бенедетто лучше других, он может взирать на мир с иронией сильного духом. Ступа времени перемелет всех этих Патрене.

Сработал запрограммированный заранее механизм самоутешения. Бедный Йорик вынимает шприц и делает ему укол.

— Нет, я идиот, самый настоящий бол...

Он умолкает, вскоре забывается глубоким сном, и верный робот осторожно укладывает его в постель.

Они кончили ужинать. Интересно, Мирта и в самом деле рада или же искусно притворяется? А может, ее послала дирекция? Она глупее, чем он предполагал. Поэто-

му ему никак не удастся понять, что кроется в действительности за ее кокетством.

— Вас интересует, дорогая Мирта, почему прежде я не обращал внимания на свой внешний вид. Вам когда-нибудь случалось видеть альпегов, маленьких ящериц, которые в целях самосохранения умеют мгновенно менять окраску? Так вот, я посылал вместо себя на службу некоего Торторелли в старомодной одежде, и коллеги вначале потешались надо мной, а потом и вовсе перестали меня замечать.

— Чем же объяснить внезапную перемену?

— Надоело бесконечно играть одну и ту же роль.— Бенедетто от души рассмеялся.— Дома или на отдыхе я совсем иной. Надо же когда-нибудь измениться и на службе.

— Как интересно! Где же вы отдыхаете?

Торторелли помолчал, играя серебряной вилкой.

— Обычно на Веге или Антаресе. Ищу красивых темпераментных женщин без всяких предрассудков. Таких женщин немало, но, увы, они равнодушны к любви. Они похожи на роботов, лишены фантазии, искренности. Ничего не поделаешь, серийное производство. Так же как мебель и одежда.

Он облокотился на стол.

— Посмотрите на этот зал. Какое однообразие во всем! Красота должна быть неповторимой. Можно ли сравнивать натуральный шелк с синтетикой?

— У вас, Бенедетто, вкусы миллиардера.

— Я приобрел старинное индийское платье, сари. В нем вы стали бы совсем иной. Но вот только сумеете ли вы его носить?

Он так многозначительно глядит на нее, что Мирте становится не по себе.

— О чем вы говорите?

— Вы правы, оставим эту скучную тему. Знаете, я купил на Веге коллекцию старинных драгоценностей. Под-

линная женщина должна носить подлинные драгоценности. Но, быть может, вас и это не интересует?

В ответ она улыбается ему очаровательной улыбкой кинозвезды.

— Увы, я ужасный мот, — тоном закоренелого жуира продолжает Бенедетто. — За двадцать лет я заполнил дом всякими безделушками. Поверьте, это сильнее меня. Стоит мне увидеть красивую вещь, и я тут же ее покупаю.

— А что вы делаете, когда видите красивую женщину?

— Ее я не покупаю. И знаете почему? Меня не интересуют дешевки.

— Но женщина — не вещь.

— Совершенно с вами согласен, когда это настоящая женщина. Вот только есть ли еще такие? Куда ни глянешь, одни и те же комбинезоны из синтетики, фальшивые драгоценности. А женщина создана для того, чтобы носить шелковые платья. Ну, вот, скажите, зачем вы прилетели на Нес? Это преотвратная планета. Если бы не моя келья, я бы давно отсюда удрал. У меня есть бокал с Веги цвета ваших глаз. Из него я каждый вечер пью коньяк. Бокалов было два, но один разбился, а другого похожего я так и не нашел.

— Все это баснословно дорого! А дом снаружи совсем неказистый.

Мирта и верит и не верит его рассказам, но все же позволяет ему гладить коленку.

— Фасад для того и существует, чтобы вводить прохожих в заблуждение. А в самом доме живу я, и там...

— Дорогой Бенедетто, мне ужасно захотелось побывать у вас.

Торторелли в нерешительности смотрит на нее.

— А вы умеете хранить тайны? Никому ничего не скажете?

Но она уже берет сумочку.

— Идемте, тайны хранить я умею.

— Ну, раз вы настаиваете...

«Похоже, его мой визит не очень радует,— думает Мирта.— Нет, эту золотую россыпь нельзя отдавать другим».

Когда они вышли из машины, Бенедетто попросил ее закрыть глаза, взял за руку и повел наверх по выщербленным ступенькам. Наконец он сказал:

— А теперь смотрите.

Мирта открывает глаза и в немом изумлении оглядывается вокруг. Такое не увидишь даже в кинофильме. Внезапно стена опустилась вниз, и ее взору предстала спальня, вся в коврах и зеркалах. Высокая кровать с золотыми шишками, парчовые занавеси. В огромном зеркале отражается она, Мирта, в блестящем синтетическом платье с глубоким вырезом.

Бенедетто открывает зеркальный шкаф и вынимает черное шелковое платье, расшитое золотыми чудищами.

— Примерь.

Мирте никак не удастся надеть невероятно длинное платье — их давным-давно никто не носит.

— Не так, расправь складки. И не извивайся, словно ты галашейк танцуешь. Представь себе, что ты индийская принцесса, а я чужеземный принц, который привез тебе в дар ларец с драгоценностями.

Мирта нетерпеливо протягивает руку к ларцу.

— Дай, покажи их, милый.

Она подходит к нему, гладит его по щеке. Он тяжело вздыхает.

— Нет, ты не умеешь играть роль. Ты как первоклассница, которую надо сначала обучить азбуке.

Бенедетто мрачно смотрит на спящую Мирту, трогает ее за плечо.

Мирта протирает сонные глаза, осматривается.

Бенедетто отворачивается, подходит к столику и ставит пластинку.

Мирта начинает лихорадочно одеваться.

— Что это за песня? — хрипло спрашивает она.

— Старинная.

— Мне такие не нравятся. Я хочу пить.

— Ты и так выпила предостаточно. Я принесу тебе мороженое.

Он исчезает, а Мирта смотрит на книги, мебель из красного дерева. Это же целое состояние. Нет, она своего добьется.

Бенедетто протягивает ей вазочку с мороженым.

— Дорогой мой, покажи своей Мирте робота.

— Робота? — ледяным тоном переспрашивает он.

— Ну да. Ведь об этом весь завод говорит!

— Идем. Я покажу тебе мою кухню-автомат. При желании ее можно принять за робота-повара.

— Вечно ты отшучиваешься.

Мирта недоверчиво идет за ним в кухню и, разочарованная, возвращается в спальню.

— Пожалуйста, расскажи завтра обо всем в дирекции.

— Глупец! Теперь ты сам без пяти минут начальник и не должен ни перед кем отчитываться.

— Ну, как же! Административный директор с весьма солидным окладом.

— Мой милый, деньги еще никому не вредили. — Она чмокнула его в щеку. — Я так рада, что ты станешь административным директором.

О, она уже строит далеко идущие планы. Но он знает, как ее придержать.

Скорчив гримасу, он шепнул ей с заговорщическим видом:

— У меня тоже есть свой архив. Но только на любовниц.

Мирта в ужасе отшатнулась.

Бенедетто взял со столика бокал, завернутый в веленевую бумагу.

— Благодарю тебя за незабываемый вечер, Мирта. Это тебе на память. Прощай, прекрасное не повторяется дважды. Желаю тебе удачи.

Но Мирта не слушает его, она требует, чтобы он вызвал машину немедленно, сейчас же. Ее глаза пылают гневом. Бенедетто это и приятно и грустно. Все же лучше ненависть из страха, чем равнодушие той, другой Мирты.

«О Бенедетто, ты и в самом деле верил, что я выйду за тебя?» А он отказывал себе даже в сигаретах, чтобы сводить ее в кино или в бар, а потом у дверей получал холодный прощальный поцелуй.

В комнате еще сохранился запах духов Мирты.

— Черт побери, ты не находишь, что пора проветрить комнату, Бедный Йорик?

Но стены надвигаются на него, давят, словно стенки гроба.

Надо выйти, подышать свежим воздухом.

Заложив руки за спину, он бредет по улице, сплошь изрытой ухабами и рытвинами. Не проходит и трех месяцев после ремонта, как рабочие начинают снова засыпать дорогу галькой.

«Подрядчики наживаются на каждой яме,— мрачно думает он, с яростью поддевая ногой камешки.— И правильно делают. Зато налогоплательщик имеет право протестовать на страницах многочисленных журналов и газет. Собственно, я это знаю давным-давно. Просто сегодня мне особенно тоскливо, и я готов выть от злости. Разочарование в Мирте? Но чего можно ждать от женщины, которая спит сначала с Торболи, а затем с этим старикашкой Бес-

соном? Ну что ж, каждый прокладывает себе дорогу по-своему. Только ее дорога тоже вся в ухабах и ямах. Эта красотка решила, что в два счета приберет меня к рукам. Ошибаетесь, милочка. Впрочем, так ли уж я неуязвим? В пятьдесят лет неприятные воспоминания слабеют и пропорционально возрастает желание».

— Стой.

Это часовой резервации несиан. Он предупреждает Торторелли, что дальше идти небезопасно. Но если у синьора там девочка, то он готов его проводить.

— В моем городке говорят: «Покаешься в блюде, прощение будет». — И он, выразительно ухмыляясь, поглядел на Бенедетто.

Торторелли молча повернулся и зашагал прочь.

«Надо же было этим туземцам угодить в тюрьму. Если даже ему и удастся вызволить их оттуда, полиция живо упечет за решетку других. Слишком уж они импульсивны и неосторожны. О господи, кто это стоит у ворот?»

Молодая женщина подползает к нему на коленях и просит с мольбой в голосе:

— Синьор, меня зовут Неена. Сжался падо мной. Мы знаем — ты добрый и могучий. Ты бог, а боги все могут.

— Богов нет, Неена.

— Нет, есть. На Несе раньше тоже был бог, а потом его не стало.

Бенедетто знает эту легенду. Прежде на планете обитал зеленоглазый бог. Он летал в межзвездной пустоте, а когда уставал, опускался на Нес и любовался своим отражением в озерах и речках. Он был одинок, вокруг были только небо, земля и вода. Богу было грустно, и он не раз думал, как бы избавиться от одиночества. И вот однажды он решил превратить свое бессмертное тело в семена жизни. На безлюдную планету пали с неба семена жизни, а сам бог исчез навсегда. Его волосы превратились в цветы

и растения, глаза — в моря, кости — в горы, кровь — в мужчин и женщин, которым дано любить друг друга, а кожа — в змей, лягушек и птиц.

— И все-таки богов нет. Есть люди, одинаковые, хоть у них различный цвет кожи и волос.

— Ты всемогущ и добр, ты один можешь мне помочь.

— У нас есть свои кали. Вот они действительно всемогущи. Но расскажи, что случилось. Сядем на ступеньки, тогда патруль нас не заметит.

Теперь он видит, что Неена очень молода и очень хороша собой. Сидя на ступеньках, она зябко кутается в шаль из плотной цветной ткани. Ее история проста и печальна. Она любит Стилмара, племянника могущественного кали. Но дядя против их брака — Неена простолюдинка, к тому же она бежала из резервации «Новой Америки». Поэтому влюбленным приходилось встречаться тайком. Четыре дня назад полиция устроила облаву, и, чтобы спасти подругу, Стилмар выскочил из кустов. Его арестовали и обвинили в краже на заводе. Неена клянется, что он невиновен; в глазах у нее слезы. Торторелли обещает ей помочь, и она сразу перестает плакать.

— Как же ты вернешься?

— Патруль меня не заметит. И потом, у меня есть деньги. Полицейские любят деньги.

— Вот видишь, Неена, если бы мы были богами, нас нельзя было бы подкупить.

— Так написано и в ваших книгах. Да только мы сидим за колючей проволокой, а вы повелеваете нами. Значит, в книгах вы пишете одно, а делаете другое? Но ты не такой, как другие. Ты добрый. Семя твоего бога проросло в тебе, а в других оно умерло.

— Я не очень-то силен в ваших поверьях. Но у нас на Земле говорят: «На бога надейся, а сам не плошай». Если вы будете покорно молчать, то останетесь рабами.

— Стилмар не хочет быть рабом, а Неена во всем верит Стилмару.

— Так твой дружок подстрекает к восстанию? — беспокоился Торторелли.

Неена тихонько смеется.

— Стилмар — он хитрый. Он поет песни, и кали часто приглашают его. Он поет, а народ все понимает.

— И полиция тоже?

— Пока нет. Если только ты не скажешь.

— На меня можешь положиться.

Неена попыталась поцеловать ему руку, но он не дал. Проводил ее до угла и велел быть осторожной. И сразу вернулся домой.

«Черт возьми, вечно нужно искать этот проклятый выключатель!»

Подбежал робот и усадил его в кресло. Потом принес ему вина. Но любимого бокала нет, и теперь вино кажется ему похожим на кровь. Бенедетто с отвращением оттолкнул бокал. Он сам словно камень, который кинули в грязную лужу. Надо покарать виновных, но брызги грязи обдают всех подряд... Он тоже увяз в грязном болоте. «Каждый да спасется сам», — любила повторять мать. А вот он понял, что самому спастись невозможно. Встав на плечи других, можно прыгнуть, вдохнуть грудью чистый воздух, но только на миг. А потом тебя заметят другие и тоже взберутся на чужие плечи. Не лучше ли оставаться на дне болота? Э, бесполезно, тебя заметят и там, как случилось с Нееной и Стилмаром. Он обязан помочь Стилмару бежать из тюрьмы. Неена верит, что он всесилен.

Но как это сделать? Лишь в фильмах это происходит легко и просто. Надо хорошенько все обдумать. Но завтра, завтра... Он смертельно устал.

Глотая таблетку снотворного, он вдруг с особой острой ощутил, что тоже подчинен неумолимым законам кон-

формизма: 0,22 грамма — чтобы лучше работать, 0,15 грамма — чтобы сразу уснуть, 0,45 грамма — чтобы начхать на ближнего своего.

Патрене подравнивает пилочкой ногти. С каждым днем он все больше толстеет. Лицо у него неприятного серого цвета, кажется, будто оно впитало в себя всю пыль Неса.

— Что ты на меня уставился? У тебя что, работы нет? — говорит он Торторелли, который с отвращением глядит на него.

— За меня можете не беспокоиться. Какие новости? Туземцев еще не освободили?

— Чихать я хотел на этих туземцев!

— Никто и не требует, чтобы вы их любили. Но на вашем месте я все-таки позвонил бы в полицию. Среди арестованных — племянник кали. К тому же вы отлично знаете, кто действительный виновник.

— Нет, я этого не знаю. И звонить не буду. Занимайся балансом, а бандагалов предоставь мне.

Торторелли громко захохотал, словно услышал забавный анекдот.

— Тебе смешно? Не беспокойся, Роза мне обо всем рассказала: киллергал, киберганг... Да перестань же смеяться!

— Я и в самом деле видел такой фильм.

Патрене грохнул кулаком по столу, глаза его налились кровью.

— Кретин, ублюдок! Ах, так это фильм! Довольно, убирайся вон!

От ярости он начал задыхаться и судорожно хватать ртом воздух, точно рыба, выброшенная на берег. Торторелли поспешно налил ему из графина воды и подал стакан.

— Не портите себе нервы, дорогой Патрене. Примите

таблетку, она очень помогает. Вы не имеете права умереть. Подумайте только, какая это будет радость для ваших врагов! Постарайтесь заручиться поддержкой правительства.

Он хочет уйти, но Патрене хватает его за руку.

— Откуда тебе все известно?

— Я здесь уже двадцать лет, а главное — умею шевелить мозгами. Пораскиньте и вы умом, и тогда вам станет ясно, что с правительством лучше всего договориться по-хорошему.

И он уходит с невозмутимым видом.

«А этот гномик прав, с правительством лучше не ссориться. Пожалуй, стоит позвонить в полицию насчет туземцев».

Полицейский комиссар говорил с ним не самым любезным тоном. Среди задержанных — племянник одного из главных кали, а это может вызвать нежелательные осложнения. Оказывается, он, Патрене, еще и виноват, что вовремя не заявил обо всем. Арестованных уже освободили, а вот с ним эти фараоны обошлись не слишком вежливо. Акции «Новой Италии» падают, и его явно перестают бояться.

Тем временем Бенедетто пытается убедить Торболи, чтобы тот помог освободить туземцев.

— Неужели вы верите этой басне про галактическую банду?

— Басням я не верю. Но я сам слышал шаги и видел, как отворилась дверь.

— Мы все трое были немного навеселе. И потом, я дверь не закрывал, Патрене тоже. Может, вы закрыли?

— Нет. Но три ребра мне кто-то сломал.

— Наверно, вы ударились о стол. Во всяком случае, несиане тут ни при чем. Если какие-нибудь документы и пропали, вы сами прекрасно знаете, кто в этом заинтересован. Как бы то ни было, вы поставили прави-

тельство в затруднительное положение, а оно шутить не любит.

«Этот карлик хочет столкнуть меня с Патрене. Нет, милейший, ничего у тебя не выйдет», — подумал Торболи, когда Торторелли ушел.

Удостоверившись, что тот спустился в свой полуподвал, он отправился на поиски шефа и нашел его во дворе. Патрене стоял у горки кирпичей и что-то кричал рабочим-туземцам. Ловко лавируя между обломками кирпичей, Торболи пробрался к нему.

— Торторелли настаивает на освобождении арестованных.

— Уже сделано.

— Чудесно. Значит, теперь здесь он командует.

— Полицейский комиссар сам распорядился их выпустить.

— Ну что ж. Остается только поздравить Торторелли с успехом. Теперь все ясно. Он — агент правительства. Нам нужно срочно подумать, как с ним бороться.

— Почему ты все время говоришь во множественном числе: нам, нам? Хватило же у тебя совести украсть документы у своего друга. Да, да, друга, ведь я тебя, можно сказать, из грязи вытащил!

— О чем ты? Это все работа проклятого Торторелли. Неужели ты ему поверил?

— Каким образом он мог выкрасть документы? Если только он не робот, подосланный правительством...

— Какой еще робот? Не мели чепухи. Робот, который спит с Кьяри. Тут не может быть никаких сомнений — он правительственный агент. Нужно прижать его к стене. Либо мы сговоримся, либо...

У ворот в терракотовых вазах стоят цветы. Нет ни записки, ни визитной карточки. Бенедетто любит крас-

ками широких бархатистых лепестков. Затем открывает ворота и осторожно, одну за другой, вносит вазы во внутренний дворик. Конечно, это Неена. А ведь к освобождению Сильмара он непричастен. Подарок за добрые намерения. «Надо бы и мне завести садик, посадить цветы. Это успокаивает нервы лучше всяких таблеток», — думает он, входя в дом.

Элиспринт Патрене опускается у самых ворот. Он и Торболи с удивлением смотрят на вазы с цветами.

— Похоже, их только что принесли. Этот негодяй себе ни в чем не отказывает.

— Просто он сбросил маску, — отвечает Торболи и нажимает на кнопку звонка.

На пороге появляется Торторелли.

— Какая честь для меня. — Он вежливо кланяется. — Осторожнее, тут стертые ступеньки. Дом большой, но я пользуюсь лишь тремя комнатами.

— Где вы достали такие красивые цветы? — спрашивает Патрене.

— Купил у туземцев. Моя бедная мама мечтала разводить цветы, и вот я...

— Где ваша знаменитая кухня? — перебивает его Торболи.

— Боюсь, вы разочаруетесь, — отвечает Бенедетто. — Лет двадцать назад такие кухни даже в фильмах не показывали, а теперь... Смотрите сами. — Он распахнул дверь. — Старая рухлядь. Вчера она мне такое жаркое приготовила, что я чуть не подавился. Придется ее продать. Я, признаться, люблю вкусно поесть и потому вынужден теперь готовить сам. Хотите мороженого? Это мое фирменное блюдо.

Он снова говорит елеиным тоном. Оба гостя положительно не знают, как себя вести с этим дьявольски хитрым гномиком.

— Почему же вы не садитесь? Нет, лучше пройти в гостиную. Там уютнее.

В двух шагах от двери Патрене останавливается и восклицает в сильнейшем изумлении:

— Старинная мебель! Моя жена обожает старину. Мы непременно приедем с ней сюда в другой раз... Когда она прилетит с Земли.

— Почту за величайшую честь.

— Вы знаете, чего хотите,— говорит Патрене.— В наши дни это главное. Старинные кресла — совсем не плохая штука. А мороженое просто отменное. Вот только после него хочется пить.

— Сейчас я принесу вина.

Он исчезает, и Торболи тут же набрасывается на шефа.

— Выходит, он купил все это на мизерное жалованье кибербухгалтера? Теперь ты сам понимаешь, он — правительственный агент, и нам не сдобровать.

— Он ведет двойную игру. А в таких случаях...

Ему пришлось умолкнуть — в комнату вошел Торторелли, неся в руках бутылки с вином.

— Я на минутку спустился в погреб. Вино натуральное. Но если вы желаете виски...

Он с заискивающей улыбкой поставил бутылки на столик, инкрустированный перламутром, и вынул из бара красные бокалы с Веги.

У Патрене и Торболи невольно вырвался возглас восхищения.

— Они вам нравятся? Примите их в подарок! Красивые, не правда ли?

Оба гостя воспринимают его подарок как замаскированное предложение заключить тройственный союз. Торболи принимается расхваливать великолепный вкус Бенедетто.

— Вы умеете наслаждаться жизнью. И правильно делаете. Кому же еще веселиться, как не холостяку? Я тоже

не прочь построить такой же домик. Изредка ужинать с приятной женщиной...

— Но только изредка.

— Конечно, конечно. Вы можете ничего от нас не скрывать, дорогой Бенедетто. Мы наверняка сговоримся. Как видите, туземцы уже освобождены.

— Да, я знаю. Не желаете ли еще вина?

— Послушайте, — не выдерживает Патрене. — Нехорошо играть с друзьями в кошки-мышки. Говорите откровенно, сколько вы хотите?

— Что вы имеете в виду?

— Прежде всего я подтверждаю назначение вас административным директором. Остается договориться о проценте с прибыли.

— Деньги меня не интересуют. Не будем говорить об этом. Хотите послушать музыку? Стоит мне услышать Моцарта, как сразу становится легче на душе. А мне часто бывает так тоскливо. Да, теперь вот губернатора нового назначили, опять начнутся все эти торжественные церемонии, банкеты. Терпеть их не могу.

Патрене удивлен.

— Вам уже все известно?

— В «Новой Италии» нет секретов. Любая важная новость почти мгновенно перестает быть тайной. Говорят, губернатор — ставленник министра экономики.

— Вы что-нибудь слышали о его планах? — деланно равнодушным тоном спрашивает Патрене. — Не мешало бы нам троем...

— Будьте откровенны, Торторелли. Вы с нами или против нас? — перебывает его Торболи.

— Разумеется, с вами. Однако я никак не могу понять, кому понадобилось проникнуть на завод? Вы от меня что-то скрываете.

— Нам нечего скрывать. Возможно, воры хотели украсть деньги из сейфа, но не успели.

— Выходит, они вообще ничего не украли?

Торторелли изучающе смотрит на Патрене.

— В противном случае ответ на все недоуменные вопросы, пожалуй, есть.

— Какой же?

— Если воры украли документы, компрометирующие вас обоих, то, без сомнения, это дело рук робота-шпиона. Но кто мог его создать? Земляне таких роботов пока не имеют... Я слышал чьи-то шаги наверху, кто-то действительно отворил дверь. Впрочем, если все документы на месте, то все это — плод больного воображения, не больше. Мне лично с того вечера повсюду мерещатся роботы. Прямо наваждение! Давайте-ка лучше выпьем еще по бокалу. Нервное напряжение пагубно действует на кровеносные сосуды. — Голос Торторелли становится мрачным. — Кто знает, друзья мои, быть может, минут через десять кибербухгалтер Торторелли бездыханным свалится на пол. Базальный инфаркт. Ведь смерть не всегда посылает телеграмму с уведомлением... Как? Вы уже уходите?

— У меня срочное дело.

Патрене уже с минуту как сунул большой палец в карман и делает рожки от сглаза.

— Вот и Торболи может подтвердить.

— Да, да, у него неотложное дело.

За долгие годы совместной работы Торболи отлично изучил своего компаньона и знает, насколько тот суверен. Он ни за что не останется в доме, где заговорили о смерти. Торторелли торопливо завертывает в бумагу бокалы. Патрене с удовольствием бы отказался от подарка, но боится обидеть хитрого кибербухгалтера.

И все-таки он доволен результатом встречи. Он садится в элispринт и освобождает рядом место для Торболи. Ге-

неральный директор проклиная всех и вся, и особенно этого подлого Торторелли.

— Перестань, Торболи. Он слишком эмоционален, чтобы быть опасным. Как все карлики. Заметил, как он боится смерти?

— Во всяком случае, меньше, чем ты.

— Ну да, ты у нас герой и вообще ничего не боишься. Ты же бессмертен.

— Если бы ты мне доверял...

— Если б и ты мне доверял...— мгновенно отозвался Патрене.— Все дело в том, что мы не доверяем друг другу.

— Ты способен продать меня Торторелли.

— И ты тоже. Вот почему мы этого не сделаем. Давай-ка лучше подумаем, что предпринять. Если жители Вегги или земляне подослали нам робота-шпиона, надо нанять бандитов.

— Перестань. Это же сушая чепуха! Скоро прилетят чиновники, тогда увидишь, сколько среди них жуликов — подходи и выбирай любого.

Патрене развернул элиспринт.

— Забыл, куда тебя везти.

Торболи показал рукой направление и продолжал:

— Не исключено, что Торторелли все это придумал, а на самом деле он и есть робот.

Патрене зевнул.

— Старая история. Он человек из плоти и крови.

— Ты не понял. Я хотел сказать, что он тайно управляет всеми действиями робота. Допустим, из дому...

— Но кто-нибудь видел своими глазами этого робота? Скорее всего, Торторелли — секретный агент, и его нужно подкупить. Придется нам раскошелиться. Я лично решил. Заплачу, сколько он запросит. Ну, кажется, прилетели.

Торболи ударом ноги распахнул дверцу и соскочил на грунт.

— Не забудь подарок.

Торболи в ярости хотел было разбить проклятый бокал о камень, но в последний миг удержался, вспомнив, сколько он стоит. Что-то бормоча себе под нос, он направился к дому.

Новый губернатор прилетел на следующий день. Подтянутый, элегантный, он любезно пожал руки кали и представителям местных властей, умеренно похвалил своего предшественника и отбыл на торжественную церемонию.

Губернатора окружает целый сонм служащих, секретарей, переводчиков, чиновников по особым поручениям. А на космодроме приземляются все новые и новые корабли. Конечно, происходит обычная «смена караула», но число вновь прибывших уже вдвое превышает число отбывающих на Землю. А ведь каждый из них захочет получить свою долю пирога.

Торторелли под благовидным предлогом уклонился от бесконечных церемоний, а Патрене и Торболи волей-неволей приходится на них присутствовать — им нужно установить дружеские контакты с влиятельными людьми. Но когда прибыл четырнадцатый корабль, Патрене почувствовал, что у него голова раскалывается на части.

— Что доносят твои верные агенты, милейший? — с нескрываемой издевкой обращается Патрене к своему директору.

— Повторяют то, что и без того всем известно. Земляне маневрируют, а жители Веги готовы к любым неожиданным.

— Чего они хотят от нас?

— Трудно понять. Правительство говорит о слиянии Неса с Землей. Но пока это одни разговоры. Видимо, мистер Бессон прав, нужно выждать.

— Ему хорошо, у него крепкие нервы и стальное сердце. Он все выдержит.

— Должны выдержать и мы.

В один прекрасный день несколько чиновников пожаловали на завод. Торболи поспешил к Торторелли.

— Ну как, готов баланс?

— Не совсем. Но вы не беспокойтесь, все будет в ажуре. Я с ними уже познакомился. В кибернетике они ни черта не смыслят.

— Не много ли вы на себя берете, милейший? Среди них два генеральных директора, три...

Торторелли дал ему выговориться, а потом сказал:

— Присылайте их ко мне.

Чиновники один за другим спускаются в полуподвал. Объяснения Торторелли они слушают, многозначительно поджав губы, изредка цедят: «Так, понятно», небрежно кивают головой: «Самой собой разумеется».

Торторелли вынимает свои знаменитые пластинки и вскоре убеждается, что ревизоры разбираются в них еще хуже, чем Бессон.

Высокий худой чиновник дружелюбно похлопывает его по плечу.

— Вы первоклассный кибербухгалтер. Ваше имя?

— Как, разве вы не знаете? Я — Торторелли.

Это было сказано таким тоном, что Торболи окончательно утвердился в своих подозрениях. Отведя Патрене в угол, он зашептал:

— Слышал? Они заранее сговорились, а теперь специально для нас разыгрывают эту сцену. Уговори их подняться наверх, а я пока постараюсь все уладить. Потопись.

Патрене увлек чиновников наверх, угостил их вином, не преминув, однако, отпустить несколько ядовитых замечаний насчет правительственного шпионажа. Чиновники недоуменно переглянулись — они не поняли намека.

Торболи закрыл комнату на ключ и повернулся к Торторелли.

— А теперь поговорим с глазу на глаз. Это ты украл документы?

— Bravo! Я не ожидал, что ты такой проникательный!

— Хватит паясничать!

— Что ты намерен предпринять?

— А вот что: нажму рычаг — и тебе конец.

— На твоём месте, дорогой Торболи, я бы этого не делал.

— Это ты-то, жалкий пигмей, мне помешаешь?!

И он яростно набросился на Торторелли. Тот обхватил его железными ручищами и сжал с такой силой, что у Торболи хрустнули ребра.

— Ты ро... робот? — прохрипел он.

— Да, робот. Разве ты сразу не понял?

Торболи рванулся из последних сил, подбежал к двери, отворил ее (робот стоял неподвижно и не думал его преследовать) и помчался наверх.

— Торторелли — робот! — задыхаясь, крикнул он Патрене. — Он сам признался. Я успел захлопнуть дверь. Он там.

— Великолепно! Значит, правительство посылает на заводы роботов-шпионов? — в ярости завопил Патрене. — Я сообщу об этом газетчикам.

— Вы с ума сошли! — закричал старший чиновник. — Этот кибербух не может быть роботом. Во всей Солнечной системе нет таких роботов.

— Так это не вы его подослали? — воскликнул Торболи.— Тогда кто же?!

Старший чиновник нервно отпил из стакана воды, потом сказал, отчеканивая каждое слово:

— Мы вообще никого не подсылаем. Если ваши сведения подтвердятся, это будет весьма неприятной новостью для правительства. Нужно вызвать федеральную полицию. Очевидно, речь идет о галактическом шпионе.

— О боже! — простонала Роза.

— Без паники! Сделайте вид, будто ничего не произошло. Дайте мне ключи от подвального помещения. С завода никого не выпускайте. Быстро, где у вас телефон?

Заговорили все разом: этот гномик — робот? Нет, тут какая-то ошибка. Патрене проглотил сразу три успокаивающие таблетки. Наконец появился полицейский инспектор в сопровождении двух помощников.

— Прошу вас воздержаться от неосторожных шагов. Операцией по задержанию преступника буду руководить я. Необходимо помешать ему саморазрушиться. Правительство Солнечной системы до сих пор не удалось захватить ни одного робота-шпиона.

— Если только это действительно робот,— замечает старший чиновник, который успел обрести свое обычное хладнокровие.

— В этом можно не сомневаться. Он сам признался. Пошли! — взорвался Торболи.

Они гуськом спустились вниз. Торторелли сидел в кресле, устремив взор в пустоту. При виде вошедших он поднялся. Чиновники заговорили все разом, так что ничего нельзя было разобрать. Инспектор молча наблюдал за происходящим. Патрене бессильно опустился в кресло. Внезапно все умолкло. Торболи не выдержал, подошел к Торторелли и сказал:

— Ну, признавайся. Ведь ты — робот?

Торторелли даже бровью не повел.

— А ты — кретин, — совершенно спокойно ответил он.

— Послушайте, синьор Торторелли. Обвинение весьма серьезное. Что вы можете сказать в свое оправдание? — поддержал Торболи старший чиновник.

— Обвинение? — со смехом ответил он. — Это скорее похоже не на суд, а на комедию суда. Но наш друг Торболи даже притворяться толком не умеет. Законченный болван!

И он громко захохотал среди всеобщего замешательства.

Тут у Торболи окончательно сдали нервы.

— Ты еще смеешь меня оскорблять!

Он отвешивает Торторелли звонкую пощечину, и у того падают на пол очки. Закрыв лицо руками, Торторелли шепчет:

— И это награда за все мои труды.

Инспектор полиции подошел, словно желая его утешить, и ловко ощупал его плечи, грудь, живот. Затем, обращаясь к Торболи, в бешенстве прошипел:

— Вы действительно законченный кретин. Вам это дорого будет стоить.

Торторелли отнимает руки от лица.

— Я подаю рапорт об увольнении.

И он ощупью направляется к двери.

— Вы останетесь на своем месте, дорогой Торторелли, — говорит старший чиновник. — Теперь решаем мы. И мы не позволим, чтобы честного служащего после двадцати лет безупречной службы выгнали вон. Что вы скажете, коммендаторе?

— Я... я... не знаю, — стонет Патрене.

Но Торторелли уже у двери. К нему подбегает чиновник.

— Вам помочь?

— Благодарю вас, без очков я ничего не вижу.

— Какая постыдная история! Я вас провожу.

Он взял Торторелли под руку и бережно повел его к выходу.

Элиспринт опустил на полутемной улице, неподалеку от дома Торторелли.

Пройдя шагов тридцать, Патрене останавливается, чтобы перевести дух.

— На этот раз мы просто не имеем права ошибаться. Ты уверен, что нас никто не видел? — обращается он к Торболи.

— Не достаточно ли вопросов? Ты же знаешь, что мы должны его разоблачить, доказать, что он галактический шпион. Если нам удастся сдать его правительственным властям, за наше будущее беспокоиться не придется.

— Но это весьма рискованная затея. — Патрене снова останавливается. — Почему бы тебе не пойти одному?

Торболи чуть ли не силой тащит его дальше.

— Чего ты боишься? Неужели он осмелится напасть на нас?

Торболи сам изрядно трусит, и лишь бластер придает ему некоторую уверенность. Он абсолютно убежден, что Торторелли — робот, и докажет это всему Несу за какие-нибудь пять минут. А этот жирный индюк Патрене нужен ему в качестве свидетеля.

— Потихе. Надо захватить его врасплох.

Торболи прислушался, затем открыл отмычкой замок и, освещая путь фонариком, пропустил Патрене вперед. Но тот не решился идти дальше по темному коридору и прислонился к стене у лестницы. Торболи тоже застыл на месте. Он слышал шаги, тяжелые, грузные. Поискал выключатель, но так и не нашел. Однако глаза его уже привыкли

к темноте, и он различает на верху лестницы чей-то силуэт. Лево́й рукой он наводит на врага карманный фонарик, а правой — бластер. Мгновенная вспышка. Патрене в ужасе ждет.

С невероятным грохотом труп падает вниз. Патрене всем телом приникает к стене и задевает головой выключатель. В тот же миг загорается свет. На полу валяется сплюснутый каркас, из которого торчат провода.

— Ро... — прохрипел Патрене и умолк. Сердце бешено застучало, горло сжало петлей, и он, теряя сознание, рухнул на пол.

Торболи нагнулся, пощупал пульс. Патрене мертв, надо бежать, пока не поздно. Скорее, скорее.

Наверху кто-то захохотал. Торболи вскинул голову и увидел другого робота, который ничем не отличался от первого. Робот навел на него пистолет.

— Унеси его отсюда.

Словно загипнотизированный, Торболи покорно тащит невероятно тяжелого Патрене по коридору. Он останавливается, вконец обессилев, но робот торопит:

— Быстрее, быстрее!

И Торболи под дулом бластера снова потащил мертвеца к элиспринту.

Захлопнулась дверца, и элиспринт легко взмыл в воздух.

Бенедетто Торторелли понуро возвращается к себе.

Внизу, у лестницы, валяется робот, верный друг, заменявший его в трудную минуту и тогда, когда ему не хотелось идти на службу, не хотелось видеть бесстыжие физиономии хозяина и его достойного компаньона. Бенедетто ясно, что ему уже не по силам отремонтировать искалеченного робота, и он всхлипывает, ничуть не стыдясь своих слез.

— Прощай, Бедный Йорик!

Торболи летит к болотам. Он уже взял себя в руки и сейчас лихорадочно обдумывает план действий. К несчастью, пилот он неважный, и элиспринт плохо ему повинуется. К тому же его действиям мешает тело Патрене. Он попытался избавиться от него, но элиспринт тотчас же начал терять высоту.

Нет, лучше сесть в надежном месте и спокойно поразмыслить, как быть дальше. Луна еще стоит высоко в небе, видимость вполне приличная. Ага, можно опуститься вон там, у холма. Элиспринт плавно снижается, и Торболи выключает мотор. Прежде всего надо вытащить из кабины мертвеца. До чего ж он тяжел, этот боров. Нет, все-таки надо было сначала выбросить Патрене, а затем остановиться возле дома Торторелли, оставить там элиспринт, а самому скрыться. Тогда полиция живо разделалась бы с этим гнусным карликом. Стрелял он в перчатках, и отпечатков пальцев на бластере не осталось. Хотя Торторелли, верно, уже успел спастись бегством. Э, нет, так легко с ним не расправиться. Нужно придумать что-либо поумнее. Ну конечно! Всю вину можно свалить на туземцев. Как это ему сразу не пришло в голову? Ведь все знают, что Патрене был расист. Ну, а Торторелли вполне достаточно обвинить в шпионаже.

Торболи вытащил из кармана нож, обернул рукоятку носовым платком и вонзил нож в сердце Патрене. Перчатки и платок покрылись пятнами крови. Пришлось скатать их в комок и сунуть в карман. Он бросился к элиспринту, завел мотор и поднялся в воздух.

Минута-другая, и вдруг на пульте управления замигала красная сигнальная лампочка. Что это? Он наклонился и... похолодел от ужаса. Горючее на исходе. Патрене и тут умудрился его околпачить: заправился не полностью, и теперь надо немедленно садиться.

Элиспринт зарывается носом в траву. Торболи распахивает дверцу и выскакивает из кабины. Кругом сплошные болота. «Спокойно, спокойно, главное — не терять головы».

Времени у него в обрез; луна уже заходит и начинает темнеть. Ага, запад там. Минуточку, луна заходит на западе? Главное, до наступления темноты добраться до какого-нибудь поселения.

И еще нужно раздобыть оружие. Он снова помчался к элиспринту, отыскал охотничье ружье Патрене. Правда, ружье крупнокалиберное, очень громко стреляет, но зато с одного выстрела можно уложить наповал самую крупную змею. А эти болота кишат змеями. Прибодрившись, Торболи двинулся вперед.

Он ступает медленно, с величайшей осторожностью, боясь провалиться в трясину. Ему необходимо добраться до селения, пока совсем не стемнело. В болотах нередко встречаются туземные поселения на сваях. Змеи туда не заползают — их ждут у домов отравленные стрелы. О черт, как же он забыл об этом? Спокойно, спокойно, это всего лишь опавший лист. Так шаг за шагом он пробирается по болоту, а мозг сверлит одна и та же мысль.

Раз уж он ввязался в эту историю, нечего было бежать. Идиот, настоящий идиот! Ведь Патрене умер от инфаркта, а убить робота — не преступление. В крайнем случае он заплатит за причиненный ущерб. Впрочем, о каком ущербе может идти речь? Правительство ему должно заплатить. Он разоблачил галактического шпиона. Ему надо сегодня же явиться в полицию и рассказать обо всем. Не забыть бы только упомянуть, что Торторелли первым напал на них. А он, Торболи, стрелял в целях самозащиты. Да, но нож? О дьявол, зачем я проткнул Патрене ножом?! Нет, все-таки единственный выход — обвинить во всем туземцев. А Торторелли ничего другого не останется, как только бежать на Вегу.

Проклятый карлик, может, он и в самом деле колдун. Здесь, среди дымящихся зловонных болот, эта мысль не кажется Торболи такой уж невероятной. Он устал, ружье оттягивает ему плечо, но он не рискует его бросить. Кругом полно змей.

Торболи снова пускается в путь, но тут же застывает на месте. Рядом кто-то всхлипывает. Он наводит ружье и напряженно ждет. Еще секунда, всхлип повторяется... Ну, не болван ли он! Да это же грязевые пузырьки: флип-флоп, флип-флоп. Он истерически хохочет. Нервы, нервы, надо взять себя в руки, в сущности ему ничто не грозит. Хотя нет, как же он сразу об этом не подумал: там, где есть грязевые пузырьки, легче легкого угодить в трясину. А уж оттуда не выберешься.

Он стоит в нерешительности, не зная, в каком направлении идти дальше. Вон там, внизу, мерцает огонек. Может, это светится окно? Но у туземцев нет электрического света. Он напряженно следит за непонятным белым пятном и вскоре убеждается, что оно постепенно растет, ширится. Вот оно уже заняло часть горизонта. О боже, это же рассвет, белесый несианский рассвет. Теперь отчетливо видно, как клубится серый дым над болотами. Однако селений нет и в помине. Похоже, он забрел в самую середину болота. Ничего, ничего, когда окончательно станет светло, он доберется до деревьев, и там будет в безопасности. Смелее, Торболи, не трусь.

Спасительные деревья чернеют на горизонте, но каждый новый шаг дается ему с великим трудом.

Что это? Из-за деревьев вынырнули полицейские вертолеты. Торболи инстинктивно плюхается в грязь. О дьявол, зачем ему прятаться от полиции? Он встает и начинает размахивать ружьем.

Сирены гудят уже над самой его головой. Они его заметили. Почему же они удаляются? Нет, один вертолет воз-

вращается. Пилот что-то кричит ему, кажется: «Сдавайся, сопротивление бесполезно!» И тоже улетает.

Выходит, этот ублюдок Торторелли успел принять контрмеры? Ну нет, его, Торболи, голыми руками не возьмешь. Пока полиция вернется, он успеет спрятаться в каком-нибудь туземном селении. А там видно будет.

Он бросился к ближайшему деревцу. Ох, это не дерево. Огромная змея обвилась вокруг куста и слегка покачивает головой. Торболи вскинул ружье, прицелился, но в последний момент так и не нажал на спусковой крючок. Он боялся, как бы полиция не заметила с вертолетов вспышку от выстрела.

Там, слева, виднеется маленькая рощица. За ней должно быть селение. Туземцы укроют его, он им хорошо заплатит. И потом, они тоже не любят полицию.

Он отходит назад на пять, десять шагов, не спуская глаз со змеи. Осторожно сворачивает влево, делает еще шаг, скользит... и правая нога по колено уходит в грязь. Он пытается ее вытащить, но, потеряв равновесие, падает на бок. На миг ему удается опереться локтем о ружье, но он срывается и неудержимо погружается в трясику. Над болотом разносится отчаянный вопль. Он пытается выбраться на поверхность, цепляется за чахлые кустики, но трясина неотвратимо затягивает его вглубь. Вот уже болотная грязь достигает затылка, ушей, глаз...

Последнее, что успел увидеть Торболи, было раздвоенное жало разъяренной змеи, у которой болото предательски украло добычу.

ПРОТОТИП

РПК-115-А был очень возбужден; его фронтальные теплепроекторы искрились, а все звукоуловители стремительно вращались с глухим шумом. Смазочное масло на стыках деталей и в кольцах подшипников нагрелось до ста десяти градусов, и нетрудно было заметить, что микротранзисторы раскалились докрасна.

— Это высшее достижение нашей цивилизации! — воскликнул он, стремительно повернувшись на своих трех ногах из сверхлегкой стали. Он вскинул руки и радостно щелкнул многочисленными пальцами-челюстями. (Увы, большинство позитронных образцов серии РПК приобрели эту скверную привычку, а РПК-115-А вообще отличался несдержанностью.)

Почтенные старцы настроили свои радиолокаторы, и те постепенно стали разогреваться. Несмотря на периодическую замену всех металлических деталей, образ мышления их дряхлого криотронного мозга остался таким же, каким был три тысячи лет назад. Поэтому только по прошествии определенного времени, когда их мозг достаточно прогрелся, они были в состоянии уловить новые идеи. Наконец уважаемый ЧБР-002-Ф нажал верхним пальцем-челюстью фенокнопку и сказал:

— Если я правильно понял путанные и поспешные доводы РПК-115-А, Совету старейшин придется потерять драгоценное время на осмотр новой, совершенно бесполезной модели робота-слуги самого низшего класса...

— Низшего класса, но с очень высоким коэффициентом полезного действия! — воскликнул РПК-115-А, подбежав к

столу Совета старейшин и размахивая всеми десятью руками.— Речь идет о новой модели, которую мы создали после длительных опытов и стендовых испытаний,— продолжал он громовым голосом.— Эти опыты дали совершенно невероятные результаты. Я могу сообщить...

— Если я правильно понял ваш предварительный отчет,— прервал его уважаемый КАД-283-У,— речь идет,— тут он сделал эффектную паузу, призванную подчеркнуть всю чудовищность этого факта,— о новом неметаллическом роботе!

— Но уважаемые господа,— сказал РПК-115-А, и его совершенный стереофонический репродуктор даже запнулся от нетерпения,— прекрасно знают, что запасы металлов на нашей планете иссякают.— Будь РПК-115-А соответствующим образом запрограммирован, он от негодования затопал бы ногами.— Если мы хотим спасти ее от гибели, необходимо отыскать иные материалы. И потом, повторяю, речь идет о роботах низшего класса!

— Завет, высеченный на Лучевой горе, гласит: «Запретить создание разумных существ не из металла». Так сказано в первом параграфе,— вмешался уважаемый ЧБР-002-Ф.— Недаром же наши предки высекли эти слова на вольфрамовой пластине!

— Ну что ж,— парировал РПК-115-А.— Если мы вовремя не примем мер, нам придется бросить в плавильную печь и вольфрамовую пластину.— И поспешно добавил, испугавшись, что электроцепи почтенных старцев не выдержат чудовищного напряжения: — Вот почему модель нового робота-слуги выполнена исключительно из высокополимерных молекул аминокислот, а внутренние опоры — из дешевого известняка. Заслуживает также внимания тот факт, что смазка производится обыкновенной водой. А как вы все знаете, воды на нашей планете предостаточно... Робот снабжен комплексом саморегенирующих клеток и ав-

томатически вырабатывает энергию, усваивая простейшие земные бактерии.

— Все это кажется мне совершенно невероятным, — мрачно проскрежетал КАД-283-У (приближался срок замены его металлического корпуса). — Подобного рода робот вообще не сможет выполнять какую-либо работу. Он будет даже не в состоянии понять самые несложные инструкции.

— О нет, вы ошибаетесь! — воскликнул РПК-115-А. — Мы оснастили этого робота-слугу превосходными телепроекторами. Больше того, нами предусмотрены совершенная система терморегуляции и оригинальный механизм внутреннего химического контроля посредством локализованных ганглиев. Робот имеет также двойной фильтр для удаления продуктов отхода. Кроме того, в робот вмонтированы большой пористый измеритель поступления кислорода, дробильный аппарат и прибор поглощения горючего. На самом верху корпуса, как и у роботов-слуг класса ЦУ-В, нам удалось установить общий координатор из фосфорилатного пластика, воспринимающий слабые электрические импульсы.

— Циркуляция воды! — воскликнул РПР-007-О, который сошел с потока чуть позже РПК-115-А и потому испытывал неприязнь ко всем образцам этой серии. (К тому же силикатная смазочная система позволяла ему работать в плавильном цехе при температуре свыше четырехсот градусов, и он считал себя особым, высшим существом.) — Ничего более нелепого я в жизни не слыхал! Вода — смертоносный яд, это знает каждый. Новые слуги будут для всех нас источником беспрестанной опасности.

— Неправда! — закричал РПК-115-А, впившись своими проекторами прямо в проекторы РПР-007-О и непрерывно искрсясь от ярости.

— Прежде всего у фосфорилатной цепи робота-слуги

имеется блокирующее устройство с гипнодеутическим замыканием. Оно постоянно внушает роботу мысль об абсолютном превосходстве металлических существ, которым нужно беспрекословно повиноваться. Мало того, мы позаботились оснастить нового робота специальным насосом, устраняющим воду и продукты отхода в жидком виде. Надеюсь, теперь у вас не осталось никаких сомнений, что новые роботы будут безопасными и преданными слугами, органически неспособными причинить нам даже малейший вред.

— Однако и это еще не самое главное! — продолжал РПК-115-А, снова подскочив к столу Совета старейшин. — Наш робот имеет всего две руки, необычайно крепкие и снабженные гибкими пальцами, могущими выполнять самые разнообразные работы. Робот очень быстро передвигается на своих двух ногах, закрепленных на двух опорах весьма несложной конструкции. Словом, новый робот-слуга конструктивно крайне прост и одновременно очень полезен и весьма практичен. И все-таки основное его достоинство даже не в этом. — Тут РПК-115-А сделал театральную паузу.

— А в чем же? — весь дрожа от нетерпения, воскликнул уважаемый КАД-283-У.

— Так вот, — торжествующим тоном продолжал РПК-115-А, — больше нам не придется искать новые вещества и полезные ископаемые, никаких поточных и монтажных линий! Новый робот-слуга благодаря оригинальной структуре, придуманной мною в содружестве с моим уважаемым коллегой и другом РПК-114-М, способен к самовоспроизводству.

По залу пронесся гул восхищения. Почтенные члены Совета старейшин обменялись изумленными взглядами. ХРН-5 заскрежетал зубами из сплава железа и марганца, а Р-777 радостно вскинул вверх двадцать гибких мо-

либденовых рук. Одним словом, все, от мала до велика, были поражены и заинтригованы.

— Продемонстрируйте же нам его наконец! — сказал уважаемый ЧБР-002-Ф.

И если бы он не был покрыт слоем никелево-палладиевого сплава, все присутствующие заметили бы, как заискивались от ужаса его криотроны.

РПК-115-А величественным жестом дал знак своим помощникам внести таинственный продолговатый предмет, завернутый в тонкий алюминиевый лист. РПК вытащили предмет на авансцену и поставили его вертикально на пол, после чего поспешно удалились.

РПК-115-А подошел к тюку и рывком сорвал алюминиевую обертку. Перед изумленными телепроекторами членов Совета старейшин предстал прототип нового робота-слуги высотой в метр шестьдесят сантиметров. Внешняя поверхность робота была выполнена из розоватого пластика, как, впрочем, и его телепроекторы. Но через секунду розоватая оболочка приоткрылась и все увидели, что телепроекторы у нового робота — голубые. Направив их на членов Совета старейшин, он открыл свою фонощель и трубным голосом возвестил:

— К вашим услугам, почтенные. Я — первый экземпляр новой серии авто-динамо-аминокислотных машин.

Он на миг умолк, затем уголки его фонощели странно искривились, и он негромко добавил:

— Меня зовут Адам.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Парнов. Вольные комментарии к «Божественной комедии»	5
Примо Леви. В дар от фирмы	31
Серджо Туроне. Рекламная кампания	54
Серджо Туроне. Украденная душа	66
Серджо Туроне. Необычный ангел	78
Лино Альдани. Тридцать семь градусов по Цельсию . . .	88
Лино Альдани. Рыбы-коты для Венеры	128
Джилда Муза. Макс	136
Джилда Муза. Влюбленные в науку	176
Эмио Донаджо. Королева Марса	188
Эмио Донаджо. Чудище и джаз	192
Эмио Донаджо. По соображениям безопасности	200
Мауро Антонио Мильеруоло. Оптическая ловушка	205
Джузеппе Педериали. Избавление	211
Марко Дилиберто. ...и Баттиста был рожден	235
Уго Малагути, Луиджи Коцци. Стрельба по живой мишени	257
Густаво Гаспарини. Замкнутый круг	276
Анна Ринопполи. Друг	287
Анна Ринопполи. Бандагал	306
Сандро Сандрелли. Прототип	387

БАНДАГАЛ

Редактор *И. Я. Хидекель*
Художник *Б. А. Алимов*
Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *Н. Д. Толстякова*
Корректор *Н. И. Баранова*

Сдано в производство 19/VIII-69 г. Подписано к печати 30/XII-69 г.
Бум. № 3, 70×108/32—6,13 б. л. Усл. печ. л. 17,15. Уч.-изд. л. 16,71.
Изд. № 12/5302. Цена 84 коп. Зак. 547.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР, Ярославль, ул. Свободы, 97,

84 коп.

бандагал